

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Булгаков Андрей Эдуардович

**ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ
ГАРАНТИЙ СВОБОДЫ СЛОВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (ОПЫТ
РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)**

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:

кандидат юридических наук,

доцент Кененова И.П.

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СВОБОДА СЛОВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ	23
1.1. Конституционно-правовые гарантии свободы слова: понятие и особенности их реализации применительно к социальным сетям	23
1.2. Специфика ограничения свободы слова в социальных сетях.....	56
1.3. Конституционно-правовые гарантии прав и блокирование доступа к социальным сетям в Российской Федерации	81
ГЛАВА 2. ДИНАМИКА НОРМАТИЧНОГО КОМПОНЕНТА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ СВОБОДЫ СЛОВА, РЕАЛИЗУЕМОЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ОПЫТ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН.....	101
2.1. Модель конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей социальных сетей в США	103
2.2. Европейская модель конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях	126
2.3. Особенности российской модели конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях	145
ГЛАВА 3. РЕАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ СЛОВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ СУБЪЕКТАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА	164
3.1. Доктрина государственной речи как инструмент защиты высказываний в социальных сетях субъектов, наделенных публичной властью	166
3.2. Практика использования должностными лицами свободы слова и проблема правомерного ограничения их высказываний в социальных сетях	173
3.3. Особенности конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей социальных сетей, обусловленные ведением органами публичной власти официальных страниц	192
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	202
БИБЛИОГРАФИЯ	206
Приложение 1. Виды цифровых платформ и требования к ним, установленные Актом о цифровых услугах Европейского Союза	254
Приложение 2. Виды цифровых платформ и требования к ним, установленные Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (статьи 10.1, 10.3–10.7.)	255

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Ежедневно пользователи социальных сетей публикуют миллионы единиц контента – текстов, длинных и коротких видео, комментариев к записям других пользователей. На первый взгляд, никто не упорядочивает данный информационный поток. Однако это не совсем так. Владельцы социальных сетей занимаются модерацией пользовательского контента – удаляют или каким-либо образом ограничивают доступ к информации. Причем они подчас следуют не только законодательно установленным правилам (как в случае удаления экстремистских материалов), но и включают в перечни запрещенной информации достаточно спорные с правовой точки зрения категории¹. Это может приводить к неоднозначным решениям.

Одним из спорных случаев модерации такого контента стало удаление социальной сетью Facebook² фотографии «Ужас войны» (The Terror of War, 1972 г.) в связи с нарушением правил платформы о запрете размещения порнографии. Снимок, запечатлевший убегающих от атаки напалмом детей, стал одним из главных символов провала войны во Вьетнаме и вошел в историю журналистики (автор снимка, фотокорреспондент Associated Press Ник Ут (Nick Ut), получил за свою работу Пулитцеровскую премию в 1973 г.). Несмотря на это, корпорация посчитала недопустимым размещение подобного

¹ К примеру, платформы запрещают размещение шокирующего или не деликатного контента. См., напр.: Правила YouTube. URL: https://support.google.com/youtube/topic/2803176?hl=ru&ref_topic=6151248&sjid=15801259203374565713-EU (дата обращения: 18.04.2024).

² Деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов-социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности решением Тверского районного суда от 21 марта 2022 года по делу № 02-2473/2022. Организация включена в Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (под номером 96). См.: URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 12.09.2024).

снимка на своей площадке. Таким образом, сложившийся в эпоху традиционных медиа (газеты, радио, телевидение) стандарт был оспорен новыми социальными медиа платформами³.

Эти и другие казусы в модерации контента показывают: частные компании, владеющие социальными сетями, выполняют государственные по своей сути функции – они определяют, где проходит граница допустимой реализации свободы слова в цифровом пространстве, наказывают нарушителей и даже выносят финальные решения в спорных ситуациях. Во многом такое положение дел обусловлено посреднической ролью социальных сетей и длительным периодом отсутствия общего регулирования модерации контента со стороны государств.

Социальные сети постоянно расширяют арсенал инструментов ограничения свободы слова своих пользователей. В течение последних нескольких лет они изобрели (или адаптировали к цифровым реалиям) способы ограничения этого права ранее недоступные традиционным медиа. К ним можно отнести *маркировку контента*, когда платформа дополняет материалы пользователя информационными сообщениями о контексте высказывания, *теневое блокирование контента*, то есть автоматическое (с использованием основанных на машинном обучении систем) или произвольное ограничение доступа к контенту без уведомления гражданина, и *блокирование аккаунтов* пользователей, выражающееся в одностороннем и, в некоторых случаях, бессрочном отказе от оказания услуг цифровой платформой.

Меняется и круг субъектов – участников механизма реализации правил поведения в сети. В модерации контента все больше принимают участие некоммерческие организации, объективность и независимость которых не

³ См.: Ibrahim Y. Facebook and the Napalm Girl: Reframing the Iconic as Pornographic. *Social Media + Society*. Vol. 3. No. 4. 2017. URL: <https://doi.org/10.1177/2056305117743140> (дата обращения: 18.04.2024). Термины «социальные медиа платформы» и «социальные сети» в тексте диссертации используются в качестве синонимов.

всегда обеспечивается нормами права. Кроме того, отдельные социальные сети идут по пути формирования квази-судебных органов для разрешения споров об удалении контента. Наблюдательный совет компании Meta был создан в 2021 году и успел вынести к моменту написания этих строк 81 решение⁴.

Деятельность упомянутых организаций, как и перечень запрещенной к публикации информации, а также порядок применения инструментов модерации контента, устанавливаются нормами саморегулирования платформ, например, в форме правил использования социальных сетей или стандартов сообщества. Эти документы содержат обязательные для пользователей правила поведения, подкрепляемые упомянутыми выше мерами «платформенного» принуждения. По существу платформы подменяют государство на позиции главного гаранта прав и свобод человека в цифровом пространстве, в том числе свободы слова.

Фактическое смещение государства с позиции основного гаранта прав и свобод в сети особенно заметно на примере ограничения свободы высказываний носителей властных полномочий. Например, большие споры вызвало блокирование аккаунтов бывшего президента Соединенных Штатов Дональда Трампа на крупных цифровых площадках в связи с размещением им предполагаемых призывов к штурму Капитолия. Модераторы нескольких социальных сетей посчитали записи президента противоречащими правилам платформ о запрете размещения призывов к насилию. Судебные разбирательства о наличии в данных постах экс-президента подстрекательства к мятежу на момент подготовки текста еще продолжаются. Этот случай не оставляет сомнений – частным компаниям подвластно ограничить свободу слова *любого* пользователя платформы в любое время, с достаточным

⁴ Перечень решений см.: Case decisions and policy advisory opinions. URL: <https://www.oversightboard.com/decision/> (дата обращения: 07.05.2024).

правовым обоснованием или вовсе без такового. Корпорации не останутся, даже если речь идет о президенте страны, где расположены их штаб-квартиры.

Также стоит обратить внимание и на то, как социальные сети меняют коммуникацию органов государственной власти, подведомственным им организаций и граждан. Почти все органы власти Российской Федерации сегодня ведут страницы в социальных сетях⁵, постоянно расширяется присутствие на платформах региональных властных структур⁶. Эти и другие изменения социальной жизни, порой принимающие форму кризисов, формируют потребность в установлении прозрачных правил поведения в сети, учитывающих интересы пользователей, частных компаний и государства.

Не удивителен поэтому наблюдаемый в последнее время стремительный рост нормативного регулирования деятельности цифровых платформ как в Российской Федерации, так и за рубежом. Особо показателен пример Европейского Союза, где совсем недавно в силу вступили нормы Акта о цифровых услугах⁷, проблемы реализации которого заслуживают внимательного изучения. Сказанное в равной степени относится и к возникающим в законотворческой и правоприменительной практике проблемам регулирования деятельности социальных сетей в Соединенных Штатах.

Перечисленные социальные, политические, правовые изменения и практические проблемы определяют необходимость «настройки» системы гарантий свободы слова граждан в социальных сетях и говорят об актуальности настоящего исследования.

⁵ См.: Открытость государства в России – 2023. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fa0/-mmjmi9q6gdf48cuu2fllhk5mp0z70k8l.pdf> (дата обращения: 01.01.2024).

⁶ См.: В России все города и районы запустили официальные паблики во «ВКонтакте». URL: <https://dialog.info/v-rossii-vse-goroda-i-rajony-zapustili-oficialnye-pabliki-vo-vkontakte/> (дата обращения: 01.01.2024).

⁷ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. L 277. 27.10.2022. P. 1–102.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблеме установления эффективных конституционных гарантий прав и свобод, в том числе свободы слова, а также смежным вопросам посвящены труды С.А. Авакьяна, Н.А. Богдановой, Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой, Л.Д. Воеводина, А.В. Должикова, К.А. Ивановой, А.И. Ковлера, И.А. Конюховой (Умновой), Е.А. Лукашевой, А.Н. Медушевского, Е.В. Немчиновой, А.Г. Румянцева, Д.Р. Салихова, А.А. Троицкой, И.Г. Шаблинского и других ученых.

К исследованию публично-правового аспекта прав человека в цифровой среде обращались А.А. Антопольский, И.Л. Бачило, Н.С. Волкова, Н.А. Воронина, В.Н. Галузо, Д.И. Дедов, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов, В.Д. Зорькин, Н.А. Канафин, А.Н. Курюкин, В.А. Лекторский, В.Н. Монахов, М.Ю. Середина, О.Л. Солдаткина, Э.В. Талапина, Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор.

Проблемами правового регулирования деятельности цифровых платформ в Европейском Союзе занимаются А. Бредфорд (A. Bradford), М. Буйтен (M. Buiten), И. Голдман (E. Goldman), Дж. Де Григорио (G. De Gregorio), М. Хусовец (M. Husovec) и другие исследователи. Анализу правового регулирования деятельности социальных сетей в Соединенных Штатах уделяют внимание Дж. Балкин (J. Balkin), А. Бредфорд (A. Bradford), Е. Волох (E. Volokh), К. Клоники (K. Klonek), Дж. Коссеф (J. Kossef), Л. Эдвардс (L. Edwards) и другие авторы.

Отдельные смежные проблемы, связанные с темой настоящего исследования, также пользуются вниманием ученых. Например, проблемы присутствия органов государственной власти и должностных лиц в социальных сетях рассматривали А.В. Аверин, Д.А. Авдеев, И.В. Погодина, О.Г. Филатова и другие авторы. Вопросам политической экономии цифровых платформ посвящены труды Н. Срничека (N. Srnicek), В. Лехдонвирта (V. Lehdonvirta), Ш. Зубофф (S. Zuboff) и других ученых.

На уровне диссертационных исследований изучение конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях не проводилось. Теоретическое осмысление вопросов установления и действия конституционных гарантий прав человека осуществлялось на уровне кандидатских диссертаций в исследованиях Л.Ю. Грудыной «Особенности конституционных гарантий реализации прав человека в России : На примере гражданского судопроизводства» (Москва, 2004 г.) и Л.Н. Федоровой «Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации» (Волгоград, 2007 г.), а также на уровне докторской диссертации Е.Н. Хазова «Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации» (Москва, 2011 г.).

Общетеоретические вопросы регулирования отношений в сети Интернет рассматривались на уровне кандидатской диссертации А.С. Анисимова «Механизм правового регулирования интернет-отношений : проблемы теории и практики» (Саратов, 2019 г.) и на уровне докторской диссертации Р.Ф. Азизова «Правовое регулирование в сети интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование» (Санкт-Петербург, 2016 г.).

Отдельные вопросы реализации свободы слова в цифровой среде анализировались на уровне кандидатских диссертаций А.А. Щербовича «Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет» (Москва, 2013 г.) и А.А. Максимова «Особенности конституционно-правового регулирования реализации отдельных политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в сети Интернет» (Москва, 2021 г.).

Ряд исследований был посвящен свободе слова как конституционному праву граждан. Например, кандидатская диссертация А.Б. Эктумаева «Свобода слова в Российской Федерации: конституционно-правовое

исследование» (Пермь, 2012 г.). Регулирование свободы слова в зарубежных странах рассматривала А.Н. Перова в исследовании на уровне кандидатской диссертации «Конституционно-правовое регулирование свободы слова в Соединенных Штатах Америки и Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии» (Москва, 2013 г.). Право на доступ в Интернет исследовал А.И. Хаснутдинов в работе на уровне кандидатской диссертации «Право на доступ в Интернет в системе конституционных прав и свобод» (Москва, 2024 г.).

Однако системно вопрос конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях, несмотря на обилие работ о способах и условиях обеспечения прав человека, свободе слова и правах человека в сети Интернет, рассмотрен не был. Таким образом, центральная тема настоящего исследования все еще не нашла должного освещения в научной литературе.

Объект диссертационного исследования составляют общественные отношения, складывающиеся в связи с признанием, реализацией и обеспечением свободы слова в социальных сетях; правовое регулирование указанных отношений, а также практика его применения.

Предмет исследования составляют конституционно-правовая природа и содержание гарантий свободы слова в социальных сетях; механизмы признания и гарантирования указанной свободы; нормы конституционного права и нормы саморегулирования социальных сетей, правовые позиции судов, устанавливающие и уточняющие особенности реализации и обеспечения свободы слова в социальных сетях, а также соответствующие положения правовой доктрины, содержащие оценки правового регулирования и практики реализации указанной свободы в социальных сетях.

Цель исследования заключается в выявлении и осмыслении особенностей обеспечения и ограничения свободы слова в социальных сетях, а также в обнаружении пробелов в системе конституционно-правовых

гарантий свободы слова пользователей социальных сетей и разработке предложений по их восполнению.

Задачи исследования:

- установить особенности реализации конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях;
- определить особенности ограничения свободы слова в социальных сетях;
- установить соотношение конституционно-правовых гарантий свободы слова и блокирования доступа к социальным сетям как меры, направленной на обеспечение и защиту прав человека;
- охарактеризовать сложившиеся в рамках западной правовой традиции модели систем конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях, а также выявить особенности действия отечественных конституционно-правовых гарантий свободы слова в цифровом пространстве;
- определить особенности использования доктрины государственной речи для защиты высказываний субъектов публичной власти в социальных сетях;
- разработать критерии ограничения свободы слова должностных лиц публичной власти в социальных сетях;
- выявить особенности обеспечения свободы слова пользователей социальных сетей, обусловленные ведением органами публичной власти официальных страниц.

Теоретическая основа диссертации состоит из научных концепций, суждений, аналитических выводов и оценок отечественных и зарубежных ученых, содержащихся в их публикациях (монографиях, статьях, диссертационных исследованиях, авторефератах диссертаций, учебной литературе) по вопросам юридических гарантий прав человека, цифровых прав человека, реализации свободы слова, в том числе в онлайн среде, а также

в научных работах на другие смежные темы. Кроме того, автор обращался к идеям исследователей политической экономии цифровых платформ.

Методологическая основа исследования представлена общенаучными и частнонаучными методами исследования.

Общенаучные методы дедукции и индукции, анализа и синтеза применялись автором в той или иной степени для решения всех поставленных в исследовании задач. Системный метод исследования позволил автору обнаружить пробелы в нормативном регулировании цифровых платформ и предложить варианты их восполнения. Метод обобщения и систематизации был использован для выявления и формулирования особенностей основных моделей регулирования деятельности цифровых платформ.

Такие частнонаучные методы как формально-юридический и историко-правовой позволили изучить эволюцию правил деятельности цифровых платформ в различных правовых порядках и сделать прогноз развития нормативного регулирования. Сравнительно-правовой метод использован автором для исследования зарубежного законодательства и судебных доктрин, перспектив их применения в отечественном правовом порядке.

Нормативная правовая база исследования состоит из Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (далее – закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ об информации)⁸, Акта Европейского Союза о цифровых услугах 2022 года (Digital Services Act), Акта Соединенных Штатов о соблюдении приличий в коммуникациях 1996 года (Communications Decency Act)⁹ и других законодательных и подзаконных актов Российской Федерации и зарубежных государств, организующие общественные отношения с участием владельцев социальных сетей,

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). ст. 3448.

⁹ Communications Decency Act. 2 August 1996. URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/652/text> (дата обращения: 30.09.2023).

пользователей платформ, некоммерческих организаций, должностных лиц публичной власти, а также публичных органов власти. Кроме того, в исследовании были использованы акты саморегулирования цифровых платформ (правила использования социальных сетей, стандарты сообщества и иные документы).

Эмпирическая база исследования состоит из правоприменительных актов органов государственной власти, прежде всего, судов (Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции, Верховного Суда США, окружных федеральных судов Соединенных Штатов, Европейского Суда по правам человека и других институтов). Также были использованы документы квази-судебных органов по разрешению споров, доклады некоммерческих организаций и прочие материалы.

Выбор юрисдикций обусловлен главным образом тем, что Соединенные Штаты и Европейский Союз на данный момент остаются основными законодателями в цифровой сфере. Принятые в указанных правопорядках нормативные положения имеют глобальное значение в силу нескольких обстоятельств, среди которых на первом плане выходит объем рынка цифровых услуг. При этом обе юрисдикции продвигают свои собственные подходы к регулированию цифрового сектора. Первый из них основан *преимущественно* на саморегулировании, а второй предполагает законодательное регулирование *с элементами* саморегулирования. Эффективные правовые решения могут быть найдены на основе комбинации наиболее удачных разработок, созданных в рамках указанных двух подходов. Заимствование этих решений возможно в силу универсального характера влияния социальных сетей на реализацию свободы слова пользователей платформ в разных странах.

Научная новизна исследования. В диссертации обосновано применение в отношении частных компаний – владельцев социальных сетей –

конституционно-правовых ограничений. Выявлены и описаны особенности ограничения свободы слова пользователей социальных сетей. Исследовано участие некоммерческих организаций в модерации контента. Предлагается юридический критерий ограничения доступа к социальным сетям. Обобщено и систематизировано знание о зарубежных доктринах государственной речи и охлаждающего эффекта. Сформулированы критерии блокирования аккаунтов должностных лиц публичной власти в социальных сетях. Выявлены юридические проблемы, возникающие в связи с ведением официальных страниц органов власти, подведомственным им организаций, и обосновано наделение таких страниц специальным статусом.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Дополнительные конституционно-правовые гарантии свободы слова в социальных сетях необходимы, поскольку ее *реализация* в цифровых медиа, отличается от реализации в медиа традиционных, равно как и *ограничения* указанной свободы на диджитал-платформах иные, чем вне сетевой сферы. Использование свободы слова в сети отличает отсутствие предварительного редактирования записей пользователей со стороны централизованной (иерархической) структуры на подобии редакции средства массовой информации. Инициатива размещения сообщения находится в руках его автора и не принадлежит владельцу платформы.

Сетевой (децентрализованный) характер распространения информации в социальных медиа изменил характер, способы и механизмы ограничения свободы слова граждан в сети Интернет. Во многих случаях это отрицательно сказалось на обеспечении указанной свободы пользователей платформ. Ограничение социальными сетями свободы слова их пользователей имеет следующие особенности:

во-первых, это трансграничный характер регулирования, осуществляемого платформами, независимо от того, ориентируются они на международные правовые документы (например Акт Европейского Союза о цифровых услугах 2022 года) или национальное законодательство (Акт Соединенных Штатов о соблюдении приличий в коммуникациях 1996 года), приемы и способы ограничения свободы слова в рамках западной традиции права демонстрируют тенденцию к универсализации;

во-вторых, социальные сети применяют недоступные традиционным медиа инструменты ограничения свободы слова: маркировку контента (сопровождение опубликованного материала дополнительной информацией), теневое блокирование (модерация контента без уведомления пользователя) и блокирование аккаунтов (односторонний отказ от предоставления услуг пользователю платформы);

в-третьих, социальные сети привлекают к модерации контента некоммерческие организации, независимость и прозрачность деятельности которых должны быть законодательно обеспечены;

в-четвертых, социальные сети могут создавать собственные квази-судебные органы для разрешения споров с пользователями платформ; независимость таких организаций, доступность обращения к ним для граждан и реализация владельцами социальных сетей решений данных организаций должны быть обеспечены конституционно-правовыми нормами.

2. Отсутствие предварительного редактирования записей пользователей не означает допустимости любых высказываний в пространстве социальных сетей. Платформы устанавливают ограничения *обязательные* для всех пользователей. Последние в силу популярности и значимости социальных сетей в жизни современного человека далеко не всегда имеют реальную возможность отказаться от услуг той или иной платформы. Таким образом под видом добровольных соглашений владельцы социальные медиа устанавливают фактически обязательные нормы поведения для пользователей

сервисов. Тем самым частные компании реализуют публичную функцию по нормативному регулированию и контролю за реализацией правил поведения в сети. Это делает возможным рассмотрение цифровых платформ через призму доктрины эманации (расширения) государства. Поэтому на социальные сети должны распространяться конституционно-правовые нормы, изначально направленные на ограничение государственных полномочий, следовательно принимаемые диджитал-компаниями *стандарты* поведения должны *обеспечивать конституционные* права пользователей социальных сетей.

При этом необходимо исходить из *баланса* интересов всех участников соответствующих отношений – пользователей, государства и цифрового бизнеса. Пользователям должна быть реально обеспечена свобода слова, государству – возможность контролировать деятельность социальных сетей и влиять на установление границ допустимости высказываний в них, а бизнесу – сохранена свобода экономической деятельности, которой нередко угрожает чрезмерное вмешательство государства. Достичь баланса этих трех разнонаправленных интересов возможно с опорой на *универсальные* конституционно-правовые гарантии прав пользователей платформ.

Распространению данных гарантий на цифровую среду способствуют ее трансграничная сетевая природа, а также финансовые интересы владельцев платформ. Данные гарантии выражаются, прежде всего, в конституционно-правовых принципах, которым должны соответствовать нормы саморегулирования платформ и их решения. Это принципы *соразмерности* ограничений, *баланса* интересов всех участников отношений (пользователей, бизнеса и государства), *мотивированности* решений платформ, а также *возможности их обжалования*.

3. Блокирование государством социальных сетей в целях защиты прав граждан, как показывает практика, может привести к нарушению баланса интересов государства, частных компаний и пользователей. Во-первых, оно не всегда приводит к достижению заявленной цели. В заблокированных

социальных сетях продолжается распространение нелегального контента. Во-вторых, социальные сети (и другие бизнес-структуры) теряют возможность реализовывать свободу экономической деятельности. Наконец, блокировка социальных сетей приводит к охлаждающему эффекту.

«Охлаждающий эффект» можно определить как косвенное ограничение конституционного права лица, вынужденного отказаться от его реализации с целью избежать неблагоприятных для себя последствий (к примеру, уголовного преследования). Использование доктрины охлаждающего эффекта для анализа решений (действий) органов и должностных лиц государственной власти делает возможным исключение непропорционального ограничения как свободы слова, так и других конституционных прав.

Данная доктрина имеет характер *универсального* инструмента защиты прав. *Во-первых*, она применяется в различных правовых системах, относящихся к англосаксонской и континентальной системам. *Во-вторых*, в обеих правовых системах доктрина охлаждающего эффекта используется судами в случаях ограничения многих, если не всех, конституционных прав.

Правовым критерием блокировки социальных сетей, *исключающим* применение доктрины охлаждающего эффекта, может быть *отказ* платформ от соблюдения обязательств (как взятых на себя добровольно, так и возложенных государством) по противодействию распространения контента, содержащего язык вражды или призывы к насилию.

4. Возможно выделить две модели установления конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей социальных сетей: *американскую* – основанную на нормах саморегулирования цифровых платформ; и *европейскую* – основанную на комбинации саморегулирования и законодательного регулирования. Китайский опыт регулирования платформ остается за рамками этой классификации, поскольку развитие системы

конституционно-правовых гарантий свободы слова не относится к приоритетным задачам законодателя в этой юрисдикции.

В целом российскую систему конституционно-правовых гарантий можно отнести к европейской разновидности. Однако отличительной особенностью отечественного подхода является обязанность социальных сетей осуществлять мониторинг контента, то есть предпринимать инициативные, дальновидные, ответственные (проактивные) действия, направленные на поиск и удаление нелегального контента. Это позволяет охарактеризовать российский подход как более жесткий, поскольку он налагает внушительные обязанности на владельцев цифровых сервисов.

5. К числу установленных российским законодательством конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях относятся закрепление перечня нелегального контента, требования к прозрачности деятельности социальных сетей, правила о мотивированности решений при модерации контента и возможности их обжалования, наделение Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) полномочиями по осуществлению контроля за соблюдением требований в связи с распространением информации в сети Интернет, а также в некоторых случаях полномочия данной службы по участию в процессе рассмотрения жалоб на пользовательский контент и другие гарантии.

В то же время в российском законодательстве остаются неурегулированными вопросы маркировки контента, теневого блокирования, блокирования аккаунтов пользователей, участия НКО в модерации контента, разрешения споров с участием пользователей социальных сетей, а также отдельные проблемы реализации свободы слова в социальных сетях субъектами, наделенными публичной властью.

6. Как показывает практика, ни государственные органы, ни владельцы социальных сетей не способны самостоятельно эффективно контролировать

высказывания в сети. Первые – в силу низкой скорости принятия решений, вторые – поскольку в первую очередь преследуют финансовые цели и не готовы нести чрезмерные затраты на модерацию. Таким образом, *существующая* (централизованная) модель модерации цифрового пространства *неэффективна* – социальные сети по-прежнему наполнены противоправным контентом и недостоверной информацией, а попытки адаптировать ее к цифровым реалиям не всегда положительно влияют на систему конституционно-правовых гарантий свободы слова.

Наиболее перспективным путем развития системы контроля за высказываниями в социальных сетях в России представляется расширение участия НКО в модерации контента. Общественная (децентрализованная) модель контроля за высказываниями в сети выгодна для всех сторон: *гражданское общество* приобретет цифровое пространство, свободное от нелегального контента; *цифровые компании* снизят издержки на модерацию контента и тем самым повысят операционные показатели; *государство*, в свою очередь, получит возможность избавиться от негативной репутации в области контроля над цифровым пространством и восстановить легитимность действий органов власти в цифровой сфере.

Для внедрения общественной модели модерации контента законодателю необходимо:

во-первых, установить особый статус НКО – «друзей платформ» и определить перечень критериев наделения таким статусом, которые должны быть объективны;

во-вторых, установить требование прозрачности деятельности друзей платформ, в том числе их взаимодействия с цифровыми платформами и органами государственной власти;

наконец, урегулировать участие НКО в разрешении споров о допустимости тех или иных высказываний между владельцем платформы и ее пользователем.

Опыт Наблюдательного совета компании Meta показывает, что для организаций по разрешению такого рода споров характерны три проблемы: *легитимности, исполнения решений и доступности* для пользователей. Их преодоление возможно конституционно-правовыми средствами. Для этого необходимо, по крайней мере, законодательно установить *гарантии* исполнения решений таких организаций, *критерии* приемлемости жалоб, *требования* к составу арбитров. В круг предполагаемых судей должны входить видные общественные деятели с безупречной репутацией – представители некоммерческого сектора, искусства, образования и науки, духовенства и других сфер общественной жизни. Отсутствие в этом перечне представителей государства вовсе не означает умаления его интересов. Достаточно того, что государство устанавливает общие правила взаимодействия в сети и будет лицензировать деятельность организаций по разрешению споров.

7. Для развития системы отечественных конституционно-правовых гарантий свободы слова в сетевом пространстве полезно учесть зарубежный опыт применения доктрин *«государственной речи»* и *«охлаждающего эффекта»*. Высказывания должностных лиц и других представителей публичной власти в социальных сетях могут пользоваться особой защитой на основании первой из названных доктрин, когда данные субъекты выступают в качестве спикеров. Но для получения такой защиты высказывания данных лиц должны отвечать двум критериям: обнародованное суждение соответствует компетенции носителя публичной власти и способствует цели демократического самоуправления. Вместе с тем представители публичной власти не должны допускать таких высказываний в социальных сетях, которые мотивировали бы других пользователей платформ к отказу от реализации своей свободы слова. Иными словами, высказывания политиков не должны приводить к возникновению *«охлаждающего эффекта»*, о чем и предупреждает одноименная доктрина.

8. Отечественный и зарубежный опыт *регулирувания* высказываний представителей публичной власти, включая вопросы их *ответственности* за обнародованные суждения, показывает, что ограничение свободы слова данных лиц следует признать обоснованным при соблюдении нескольких критериев, которые необходимо учитывать как вне виртуального пространства, так и в сети Интернет :

во-первых, высказывание должно быть направлено на осуществление публичной функции лица, хотя может состояться и без непосредственной опоры на предоставляемые ему законом полномочия;

во-вторых, суждение лица не содействует продвижению конституционных ценностей;

в-третьих, необходимо доказать наличие противоправного умысла у автора высказывания, а также реальной и серьезной угрозы конституционному правопорядку, которое станет следствием выступлений в социальной сети;

наконец, следует сопоставить политические последствия привлечения политика к ответственности (прежде всего, возможность негативной реакции общества на наказание лица) и тяжесть правонарушения.

9. *Официальные страницы* органов публичной власти и подведомственных им организаций в социальных сетях следует наделить специальным правовым статусом. Такой статус необходим для ограничения свободы усмотрения владельцев социальных сетей в отношении данных страниц и обеспечения свободы слова пользователей платформ. В последнем случае правила модерации контента на официальных страницах должны допускать большую меру свободы слова пользователей платформ, поскольку степень допустимости критики в отношении властных органов выше, чем в отношении частных субъектов. Кроме того, необходимо выработать единый подход к модерации контента на официальных страницах публичных субъектов для обеспечения равных возможностей пользователей платформ

выражать свое мнение о деятельности, в том числе решениях различных органов власти.

Теоретическая значимость исследования. Результаты исследования развивают и дополняют теорию конституционного права, концепцию прав человека. Разработанный понятийный аппарат и выводы диссертации могут быть использованы в дальнейших исследованиях регулирования, охраны и защиты прав человека в связи с деятельностью цифровых платформ и других частных компаний (сфера «бизнес и права человека»), концепции цифрового конституционализма и при работе в других направлениях научного поиска.

Практическая значимость исследования. Сформулированные в исследовании рекомендации могут быть использованы в законотворческой деятельности органов государственной власти и при подготовке норм саморегулирования социальных сетей для устранения пробелов в установлении гарантий свободы слова пользователей платформ. Отдельные выводы автора могут быть использованы в правоприменительной практике органов государственной власти, а также в деятельности цифровых платформ, некоммерческих организаций и организаций по разрешению споров. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы при формировании учебных планов как общетеоретических, так и специальных учебных дисциплин.

Степень достоверности результатов исследования. Выводы и рекомендации исследования достоверны, что подтверждается результатами применения методов познания, а также институциональным и географическим разнообразием нормативного, теоретического и эмпирического материала.

Личный вклад автора. Выносимые на защиту результаты исследования получены автором лично.

Апробация результатов исследования осуществлялась в рамках выступлений автора на научных конференциях Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в частности, в

рамках доклада на Всероссийской конференции с международным участием «Эволюция права – 2022» (6-7 октября 2022 г.), выступления на XXX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2023» (10-21 апреля 2023 г.), выступления на круглом столе «Медиа, искусственный интеллект и цифровой суверенитет: риски и правовые решения» (23 ноября 2023 г.), а также доклада на Международной научной конференции «Современные вызовы конституционализма» (24 мая 2024 г.). Кроме того, отдельные результаты исследования были представлены в рамках доклада на XXXII Международной научно-практической конференции «МЕДИАПРАВО – 2023» (Москва, НИУ Высшая школа экономики, 7 декабря 2023 г.) и доклада на конференции «Современный конституционализм: многомерность восприятия» (Москва, Институт государства и права Российской академии наук, 19 июня 2024 г.).

Основные результаты, положения и выводы исследования изложены в четырех публикациях автора в научных изданиях рекомендованных для защиты в Диссертационном совете МГУ.051.4 по специальности 5.1.2. – «Публично-правовые (государственно-правовые) науки».

Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Структура диссертации включает введение, три главы, объединяющих девять параграфов, заключение, библиографию, два приложения.

ГЛАВА 1. СВОБОДА СЛОВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ

1.1. Конституционно-правовые гарантии свободы слова: понятие и особенности их реализации применительно к социальным сетям

Свобода слова имеет бесспорный статус фундаментального права человека. Это подтверждается не только ее закреплением в документах о правах человека, имеющих глобальное значение¹⁰, но и тем вниманием, которое оказано этому праву философами-классиками. О значении свободы слова рассуждали Геродот, Фукидид, Сократ, Аристотель, Франческо Петрарка, Эразм Роттердамский, Никколо Макиавелли и другие выдающиеся мыслители разных эпох¹¹. На основе их разработок в XIX–XX вв. сложились теории свободы слова, которые подчеркивают ее значение для автономии человека, поиска истины и демократического управления¹².

Стремительное развитие концепции прав человека во второй половине XX в. привело к появлению в науке конституционного права ряда новых понятий соответствующих свобод (коммуникации, информации и т.п.), граница между которыми далеко не всегда очевидна. Затрудняет положение и технологическое развитие (цифровизация), которое, во-первых, подталкивает

¹⁰ Свобода выражения мнения закреплена как в общемировых юридических документах, в частности, в статье 19 Всеобщей декларации прав человека, так и в документах регионального значения, например, в статье 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская Конвенция, Конвенция или ЕКПЧ). См.: Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) // Российская газета. 1993. № 67. 5 апреля; Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 года) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 2. ст. 163. Последний документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 года (Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. 2023. № 10, ст. 1566). Тем не менее изучение опыта реализации Конвенции представляется полезным для развития отечественной юридической доктрины и практики.

¹¹ См.: Blasi V. The Classic arguments for Free Speech 1644-1927 // The Oxford Handbook of Freedom of Speech / ed. by A. Stone, F. Schauer. Oxford : Oxford University Press, 2021. P. 20.

¹² См.: Кульнев А. Свобода выражения мнения: обзор основных теорий // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 2(129). С. 92–104.

к размышлениям об особенностях реализации свобод в цифровом пространстве и, во-вторых, заставляет переосмыслить соотношение различных свобод, в частности свободы слова в сети и права на неприкосновенность частной жизни, о чем еще применительно к социальным сетям будет сказано далее.

В юридической литературе даются разные оценки соотношению «свободы слова» и «свободы выражения мнения»: от поглощения одного права другим, до отрицания какого-либо различия. К примеру, В.В. Маклаков считает свободу выражения мнения более широким понятием по сравнению со свободой слова, поскольку оно предполагает не только вербальный, но и другие способы доводить идеи до окружающих¹³. Противоположного мнения придерживается Е.А. Лукашева, которая рассматривает свободу слова в качестве более широкой категории, включающей три элемента: свободу выражать мысли, распространять их и получать информацию¹⁴. Признавая значимость дискуссии о соотношении свободы слова и свободы выражения мнения для теории конституционного права, стоит отметить, что для настоящего исследования установление точного соотношения данных понятий не является специальной задачей. Поэтому в работе термины «свобода выражения мнения» и «свобода слова» далее используются в качестве синонимов, что, впрочем, соответствует одному из сложившихся в конституционном праве подходов¹⁵.

¹³ См.: Конституционное право России. Словарь / отв. ред. В. В. Маклаков. – М. : Юристъ, 2001. С. 327. Аналогичный подход используют М.Д. Баглай и В.Д. Воеводин. См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. – 6-е изд., изм. и доп. – М. : Норма, 2007. С. 168; Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 6.

¹⁴ См.: Права человека : учебник для вузов / отв. ред. Е. А. Лукашева. – М. : НОРМА, 2003. С. 62.

¹⁵ См.: Толковый словарь конституционных терминов и понятий / под ред. М. А. Краснова, В. А. Кряжкова. – М. : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 34. В решениях Конституционного суда РФ упомянутые термины также нередко используются без четкой дифференциации. См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 года № 15-П // СЗ РФ. 2003. № 44. ст. 4358. О соотношении понятий см. также: Анциферова Э.Ю. Правовые подходы к пониманию свободы мнений и убеждений и свободы слова в теории конституционного права // Право.by. 2022. № 1(75). С. 11–16.

Сущность свободы выражения мнения заключается в коммуникационной свободе граждан. Такой подход к свободе слова основан на теории коммуникации социолога Никласа Лумана¹⁶. Под коммуникацией понимается операция передачи определенного семантического содержания в форме сообщения при помощи сигналов. Использование коммуникационного подхода к определению свободы слова позволяет акцентировать внимание на необходимости обеспечения рассматриваемого права на всех этапах коммуникационной деятельности: создания сообщений, их распространения, получения и интерпретации¹⁷.

Коммуникация может рассматриваться в качестве объекта защиты самостоятельного права – права на коммуникацию. Теоретическую концепцию указанного права развивал французский ученый Ж. д'Арси¹⁸. Элементами права на коммуникацию он назвал, во-первых, право доступа к средствам коммуникации для потребления информации (аналог права на доступ к сети Интернет) и, во-вторых, право создавать и распространять сообщения. Таким образом, он выделял пассивную и активную составляющую права на коммуникацию¹⁹. Однако выделение отдельного права на коммуникацию представляется излишним, поскольку те же самые отношения гарантируются правом на свободу выражения мнения. Особенно, если учитывать, что в практике конституционного права общепринятым можно назвать подход, согласно которому целью реализации свободы слова является не простое высказывание, а влияние на окружающих²⁰. Данный подход сформировался в правоприменительной практике, в частности в деле Люта Федеральный конституционный суд Германии указал следующее:

¹⁶ См.: Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Издательство «Логос», 2005.

¹⁷ См.: Эктумаев А.Б. Свобода слова в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... к.ю.н. Пермь, 2012. С. 7–8.

¹⁸ См.: Ж. д'Арси. Право на коммуникацию. – Париж, 1980.

¹⁹ См.: Татаринцева Э.А. Реализация права на коммуникацию в информационном обществе : автореф. дисс. ... к.п.н. М., 2009.

²⁰ См.: Авакьян С.А. Проблемы обеспечения конституционных публично-политических прав и свобод граждан Российской Федерации: новые реальности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 1. С. 5.

«Следует отклонить точку зрения о том, что основным правом защищено только высказывание мнения, а не заключенное в нем или подразумеваемое им воздействие на другого человека. Смысл высказывания мнения состоит именно *в идейном воздействии на окружающих*, “в формировании общественного мнения и убеждений”.»²¹

Однако, в контексте социальных сетей, где пользователи могут выступать одновременно авторами и адресатами сообщений, необходимо различать права автора и права адресата сообщения. В настоящей работе под пользователями понимаются любые субъекты, использующие цифровые платформы, в том числе юридические лица, СМИ, политические лидеры, должностные лица²². При этом пользователь может быть как *активным* участником коммуникации, когда ему принадлежит авторство сообщения, так и *пассивным* ее участником, когда он получает сообщение. В работе первоочередное внимание уделяется именно проблемам обеспечения свободы слова *активных пользователей* социальных сетей, которые размещают сообщения или информацию на цифровых платформах²³. Проблемы обеспечения прав пассивных пользователей социальных сетей (права на доступ к информации, права на доступ к сети Интернет и др.) остаются главным образом за рамками исследования.

²¹ Lüth Case, 7 BVerfGE 198 (1958). Цит. по: Кененова И.П., Троицкая А.А., Шустров Д.Г. Сравнительное конституционное право в доктрине и судебных решениях. Учеб. пособие. М.: КРАСАНД, 2015. С. 227. Курсив мой. – *А.Б.*

²² См.: Черемисинова М.Е. Правовой статус субъектов в сети Интернет : автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2020. С. 15. Другие авторы пользователями называют только граждан – получателей соответствующих услуг. См., напр.: Иванова К.А., Немчинова Е.В. Реализация права на свободу слова в интернет-пространстве. М. : Издательство Проспект, 2019. С. 43–57.

²³ В этой связи важно сделать оговорку об ответственности за высказывания в социальных сетях. Именно автор контента должен нести ответственность за его содержание. Иное означало бы отсутствие причинно-следственной связи между действиями лица и ответственностью за размещенный контент. Однако на практике этот подход может привести к неоднозначным последствиям. Например, если на видео, размещенном пользователем социальной сети, представитель власти показывает себя не в выгодном свете, то кто будет нести ответственность за оскорбление государственного деятеля? Конечно, автор видео. И здесь нет противоречия с точки зрения распределения ответственности за размещение контента. Другое дело – стоит ли считать размещение такого видео «оскорблением представителя власти». Но этот вопрос остается за рамками исследования.

В части соотношения свободы слова пользователей социальных сетей и права на неприкосновенность частной жизни, как следует из анализа практики и законодательства, не оказывает существенного влияния на соотношение этих свобод. Правила социальных сетей в этой части разработаны с учетом сложившихся стандартов. Например, нормы платформ компании Meta составлены с учетом доктрины публичных фигур, которая активно развивалась в судебной практике²⁴.

Включение свободы слова в перечень основных прав человека и ее юридическое закрепление несомненно можно считать важным шагом на пути реализации этого права, однако признать такой шаг достаточным – вряд ли возможно. Зафиксированная в правовых источниках свобода выражения мнения нуждается в создании обстановки, в которой данная свобода будет не просто декларацией, а «фактическим положением каждого отдельного человека и гражданина»²⁵. В формировании такой обстановки и состоит назначение *гарантий прав и свобод*²⁶.

В современной правовой науке под гарантиями прав принято понимать средства и условия, *обеспечивающие реализацию прав и свобод, их охрану и защиту в случае нарушения*²⁷. При этом возможно выделять *материальные*

²⁴ См., напр., Bullying and Harassment. URL: <https://transparency.meta.com/policies/community-standards/bullying-harassment/> (дата обращения: 31.08.2024). Доктрина публичных фигур предполагает, что общество должно быть осведомлено о некоторых аспектах частной жизни заметных общественных или политических деятелей, даже если аналогичные детали личной сферы граждан обычно защищены правом на неприкосновенность частной жизни. Четких критериев отнесения того или иного лица к категории публичных фигур в судебной практике разработано не было. Например, Европейский Суд по правам человека называл публичными фигурами парламентариев, журналистов, юристов, бизнесменов, представителей академии и других знаменитостей. См. о доктрине подробнее: Герашенко А.И. Публичная фигура и право на частную жизнь в эпоху цифровизации // Международное правосудие. 2021. № 4(40). С. 77–95; Hughes K. The Public Figure Doctrine and the Right to Privacy // The Cambridge Law Journal. Vol. 78. Iss. 1. 2019. P. 70–99.

²⁵ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. Учебное пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 221.

²⁶ Там же. С. 226.

²⁷ См.: Хазов Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации : автореф. дис. ... д.ю.н. М., 2011. С. 16–17; Грудцына Л.Ю. Особенности конституционных гарантий реализации прав человека в России : На примере гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2004. С. 3; Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. Пособие: в 2 т. - 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2019. С. 808–809; Тульнев М.А. Конституционно-правовые гарантии свободы массовой информации : автореф. дис. ... к.ю.н. Белгород, 2021. С. 7 и др. Понятие имеет обширную историю, детали которой см.: Воеводин Л.Д. Свобода

(экономические), *организационные* (институциональные), *духовные* (идеологические) и *юридические* (правовые) гарантии²⁸.

Юридические (правовые) гарантии обычно определяют как *нормативно установленные правовые средства и условия*, обеспечивающие реализацию прав и свобод, их охрану и защиту в случае нарушения. Средства при этом можно рассматривать как инструмент (динамический компонент), используемый для создания благоприятных условий (статический компонент) реализации конституционных прав и свобод²⁹. Иначе говоря, полная реализация предписаний нормативных актов приводит к возникновению условий для осуществления конституционных прав и свобод³⁰. В случае, если при реализации норм (нормативной составляющей юридических гарантий) происходит «сбой», то для обеспечения благоприятных условий необходимо прибегать к дополнительным инструментам восстановления равновесия – средствам защиты нарушенных прав (институциональная составляющая юридических гарантий). В этом смысле *центральной гарантией* прав и свобод является деятельность судебных органов, как ординарных, так и конституционных, результатом которой по форме являются правоприменительные акты и *правовые позиции*, сформулированные в них, а

личности и правовое положение граждан в советском общенародном государстве. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1963. С. 40; Фарбер И.Е., Миронов О.О., Кабышев В.Т. Советское государственное право: Монография. Саратов: Саратовский ун-т, 1979. С. 158; Лукашева Е.А. Правовое государство и обеспечение прав человека // Права человека: проблемы и перспективы. М., 1990. С. 53–54; Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России... С. 230; Богданова Н.А. Современный каталог основных прав человека: международный и национальный пути наполнения // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 1. С. 41–57 и др.

²⁸ См., напр.: Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. Пособие: в 2 т. - 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2019. С. 809–817.

²⁹ См.: Конституционное право. Общая часть / Под ред. Н.А. Богдановой, А.А. Троицкой: В двух книгах. М.: Зерцало-М, 2022. Книга вторая. С. 77; Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... к.ю.н. Волгоград, 2007. С. 9. Бабанян С.С. Судебная защита как конституционная гарантия избирательных прав граждан в Российской Федерации : автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2016. С. 20.

³⁰ При этом нормативной гарантией одного права может выступать другая закрепленная в законе свобода. Так, например, свобода выражения мнения выступает в качестве общей гарантии реализации политических прав и других свобод, например свободы преподавания. См.: Большаков Л.М. Значение конституционной свободы слова для реализации прав и свобод человека, развития гражданского общества и правового государства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 4. С. 63; Эктумаев А.Б. Свобода слова в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... к.ю.н. Пермь, 2012. С. 22–23.

по существу – восстановление нарушенных прав³¹. В механизме юридических гарантий реализации прав выделяют составляющие: нормативную, институциональную, процессуальную, практическую³², в каждой из которых присутствуют *средства* обеспечения, охраны и защиты прав.

Известно множество классификаций юридических гарантий прав и свобод. К примеру, их можно разделять на общие (направлены на обеспечение всех конституционных прав) и специальные (имеют значение для отдельных прав и свобод) или объективные и субъективные (в зависимости от того, кто их применяет: общественные институты, государство и его должностные лица или граждане)³³.

Также юридические гарантии прав можно разделить на *нормативные* (материально-правовые или первичные) и *институциональные*³⁴. К числу последних относятся институты, деятельность которых подчинена цели обеспечения прав и свобод граждан и конституции. Так, закрепленный в статье 80 Конституции РФ статус Президента России как гаранта Конституции и прав человека может считаться институциональной гарантией. Такой же гарантией является и деятельность Конституционного Суда РФ. Нормативные юридические гарантии, в свою очередь, содержатся в нормах материального права, устанавливающих пределы, условия и средства реализации прав и свобод, а также пределы их ограничения. Кроме положений национальных законов к нормативным гарантиям можно отнести и общие принципы права,

³¹ О судебной защите прав см.: Фокин Е.А. §13. Конституционное право на судебную защиту: некоторые аспекты реализации // Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / С. А. Авакьян, М. В. Антонов, Н. В. Варламова [и др.]. – М. : Институт государства и права РАН, 2023. С. 494–506.

³² См.: Конституционное право. Общая часть/ Под ред.Н.А. Богдановой, А.А. Троицкой: В двух книгах. М., 2022. Книга вторая. С. 77.

³³ См.: Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России... С. 234–235. Другие подходы к классификации гарантий см., напр.: Чуклин А.В. Дополнительные гарантии реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, устанавливаемые субъектами Российской Федерации : автореф. дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2018. С. 9.

³⁴ См.: Волчанская А.Н. Государственные гарантии защиты прав человека в России: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2013. С. 11–12. В работе выделены нормативные и процессуальные юридические гарантии. При этом последняя группа разделена на судебные и внесудебные. Поэтому вторую группу гарантий лучше называть институциональными.

признанные цивилизационными нациями (например, принципы эстоппеля, *res judicata*, правовой определенности и другие) и принципы, способствующие реальной реализации прав человека, в частности принцип верховенства права³⁵.

Для целей настоящего исследования представляется полезным разделить *нормативные* юридические гарантии *свободы слова* на группы в зависимости от источника их закрепления. Гарантии, установленные в тексте конституций, могут быть названы *непосредственно конституционными* (*конституционными*). В качестве примеров таких конституционных гарантий можно привести положения Конституции РФ, устанавливающие гарантии свободы выражения мнения: статья 1 (демократическое государство с республиканской формой правления), статья 2 (права и свободы человека – высшая ценность), статья 3 (принцип народовластия), статья 13 (идеологическое многообразие), статья 29 (свобода мысли и слова), статья 30 (право на объединение), статья 31 (свобода собраний), статьи 32 и 33 (право участвовать в управлении делами государства) Конституции РФ³⁶.

Иные конституционно-правовые гарантии – это те, которые получили закрепление в актах текущего законодательства, в конституционно-правовых источниках различной юридической силы. К примеру, гарантией можно считать возложенную на социальные сети обязанность соблюдать права и законные интересы граждан (пункт 4 части 1 статьи 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»³⁷ (далее – Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ). Более конкретным примером конституционно-правовой гарантии свободы слова пользователей социальных сетей можно назвать

³⁵ См.: O'Boyle M., Lafferty M. General Principles and Constitutions as Sources of Human Rights Law // Shelton D. (ed.), The Oxford Handbook of International Human Rights Law. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 194–195, 210–217; Tomuschat C. Democracy and the Rule of Law // Ibid. P. 469–496.

³⁶ См.: Авакьян С.А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. № 6. С. 3–22.

³⁷ Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). ст. 3448.

требование к владельцам социальных сетей публиковать правила использования площадки. При этом определяется и содержание такого документа. Правила должны отражать (1) права и обязанности пользователей и (2) владельца платформы, (3) требования к распространению информации, (4) порядок рассмотрения обращений пользователей, а также (5) порядок осуществления мониторинга социальной сети (часть 2 статьи 10.6). Другие конституционно-правовые гарантии свободы слова пользователей социальных сетей будут рассмотрены далее в связи с анализом пробелов российского регулирования (с. 42 работы).

Нормативные гарантии свободы слова присутствуют в иных *отраслевых* источниках, помимо конституционно-правовых, однако их рассмотрение преимущественно находится за пределами предмета исследования.

Полезно для цели исследования также выделить *универсальные юридические гарантии*. Конечно, концепт универсальных гарантий является продуктом послевоенного XX века, объединенного вокруг веры в основные права человека и идеи о ценности человеческой жизни и его достоинства, выразившейся в принятии Всеобщей декларации прав человека³⁸. Однако сегодня на первый план выходит трансграничный характер цифровой среды. Именно благодаря глобальному характеру цифрового пространства, а также экономическим интересам частных компаний, о чем еще будет сказано далее, вновь становятся актуальными существующие и появляются новые универсальные гарантии прав человека, в частности свободы слова пользователей платформ. Например, такой гарантией можно считать принцип

³⁸ См.: Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии // Государство и право. 2010. № 7. С. 37–45. Также об универсальных стандартах см.: Варламова Н.В. Универсальные стандарты в области прав человека как основа конституционализации международного права // Международные пакты о правах человека: ценностные характеристики : материалы международной научно-практической конференции, Москва, 18 октября 2016 года. – М.: Московский гуманитарный университет, 2016. – С. 34–44.

прозрачности систем рекомендаций социальных сетей или требование о мотивированности решений платформ при модерации контента.

Выделение универсальных юридических гарантий уместно именно в рамках единой правовой традиции. Поэтому в фокусе исследования находятся законодательство и практика Соединенных Штатов, Европейского Союза и России, как право порядков, принадлежащих единому пространству Западной правовой традиции³⁹. Еще одним заметным центром развития регулирования цифровых платформ является Китай. Однако подход к разработке правил сетевого взаимодействия в КНР не основан на идее прав человека и считается *государствоцентричным*:

«...Китайское правительство стремится использовать технологии для стимулирования экономического роста и развития страны, сохраняя при этом социальную гармонию и контроль над коммуникациями своих граждан. В дополнение к своим усилиям по превращению Китая в ведущую технологическую сверхдержаву мира правительство сосредоточено на усилении контроля Коммунистической партии Китая (КПК) над внутренней цифровой экономикой путем использования технологий в качестве инструмента контроля, наблюдения и пропаганды, что глубоко укореняет цифровой авторитаризм в китайском обществе. Эти два фактора – экономическое развитие и социальная стабильность – являются ключевыми для выживания китайского руководства.»⁴⁰

Кроме того, закрытый характер китайского цифрового рынка («Великий китайский файрволл») и его специфика (достаточно вспомнить хотя бы сокрушительный провал попытки платформы eBay выйти на китайский

³⁹ Об этом понятии см. подр.: Западная традиция права: эпоха формирования. Перевод с английского / Берман Г.Д. - М.: Изд-во МГУ, 1994.

⁴⁰ Bradford A. Digital empires: The global battle to regulate technology. New York : Oxford University Press, 2023. P. 69–70.

рынок) не способствуют обмену регулятивными разработками с этой юрисдикцией⁴¹.

Система юридических гарантий прав и свобод была разработана для ограничения возможности государства злоупотреблять своими полномочиями. При этом основным гарантом выступает само государство. Однако с наступлением третьей технологической революции и последовавшей цифровизацией условия реализации многих прав человека изменились. В частности, наиболее доступным пространством выражения мнения стали социальные медиа платформы⁴². Социальными сетями владеют *частные компании* и, соответственно, *на них автоматически не распространяются ограничения, разработанные в рамках конституционного права для ограничения публичной власти*⁴³.

Такой правовой режим сложился в Соединенных Штатах в результате принятия Акта о соблюдении приличий в коммуникациях (Communications Decency Act)⁴⁴ и Акта об авторском праве в цифровую эпоху (Digital Millennium Copyright Act)⁴⁵, а в Европейском Союзе – после вступления в силу

⁴¹ Об особенностях китайского пути трансформации см.: Лукашева Е.А. Права человека и процессы трансформации в современном мире // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3. С. 134–136.

⁴² Популярность социальных сетей объясняется сетевым эффектом. Сетевой эффект – это экономический эффект, при котором увеличение числа пользователей услуги увеличивает ценность услуги для потребителей. См.: Shapiro C., Varian H. Information rules: a strategic guide to the network economy. Boston : Harvard Business School Press, 1999. С другой стороны, происходит и модернизация публично-политических отношений, одним из проявлений которой можно считать использование цифровых технологий в государственном управлении и деятельности политических лидеров. См.: Авакьян С.А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 3–6. Кроме того необходимо отметить и трансформацию общественных отношений, возникновение информационного общества. См.: Абдрахманов, Д.В. Конституционно-правовые основы информационного общества в Российской Федерации : автореф. дис. ... к.ю.н. Челябинск, 2022. С. 23–24.

⁴³ Аналогичная проблема возникает не только в отношении цифровых компаний, но и транснациональных корпораций. См.: Müller A. States, Human Rights, and Distant Strangers. Oxon : Routledge, 2024. P. 105–106.

⁴⁴ Communications Decency Act, Section 230(c)(1). 2 August 1996. URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/652/text> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁵ Digital Millennium Copyright Act, Section 512. 28 October 1998. URL: <https://www.copyright.gov/legislation/pl105-304.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

Директивы о цифровой торговле (e-Commerce Directive)⁴⁶. Эти нормативные акты не только установили невозможность привлечения платформ к ответственности за размещаемый пользователями контент, но и признали возможность цифровых платформ самостоятельно принимать решения относительно контента⁴⁷. Отечественный законодатель также признает возможность владельцев социальных сетей устанавливать правила взаимодействия пользователей в цифровой среде (см. статью 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ).

Сложившийся подход к регулированию был предопределен, во-первых, удобством для участников рынка: с одной стороны, государства используют возможности онлайн платформ для установления правил взаимодействия в цифровом пространстве в обход сложного пути законотворческого процесса, а с другой стороны, частные компании имеют возможность развивать свой бизнес, построенный по модели тотального надзора (*surveillance capitalism*)⁴⁸, при минимальных рисках ответственности за размещаемый на платформах контент.

Во-вторых, сложившийся подход к регулированию обусловлен *положением платформ как информационных посредников*⁴⁹. Действительно, под платформами принято понимать цифровую инфраструктуру (компьютерная программа и объекты материального мира, например, дата-

⁴⁶ Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market // Official Journal of the European Union. L 178. 17.07.2000. P. 1–16. Подробнее об этом документа см. часть 2.2 настоящей работы.

⁴⁷ См.: De Gregorio G. *Digital Constitutionalism in Europe: Reframing Rights and Powers in the Algorithmic Society*. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. P. 95–101.

⁴⁸ Термин «капитализм тотального надзора» или «надзорный капитализм» предложен профессором Гарвардского университета Шошанной Зубофф для обозначения новой формы капитализма, отличительным признаком которой является доминирование цифровых компаний, обладающих возможностью с использованием алгоритмов предсказывать поведение потребителей, манипулировать им и извлекать из этого экономическую выгоду. См.: Zuboff S. *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. New York : PublicAffairs, 2018.

⁴⁹ Понятие «информационный посредник» используется в отечественном гражданском законодательстве для установления особенностей ответственности цифровых платформ за нарушение исключительных прав. Платформы не несут ответственности при соблюдении трех условий: пассивности, невмешательства в содержание сообщения и добросовестности. См. статью 1253.1 Гражданского Кодекса РФ (часть четвертая) от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). ст. 5496.

центры), позволяющую пользователям взаимодействовать друг с другом⁵⁰. Это определение платформ позволяет говорить о том, что цифровые гиганты выполняют всего лишь техническую функцию по передаче информации в сетевом пространстве и таким образом являются не более чем «площадкой, объединяющей людей»⁵¹. Однако именно это уникальное положение цифровых платформ и их сетевая архитектура предопределили переход государственной функции по регулированию сетевого пространства в руки частных компаний⁵². В результате чего субъектом правового регулирования стали сами участники регулируемых отношений: платформы «задают правила игры, контролируют и управляют ими»⁵³.

Таким образом, наряду с международным и национальным уровнями регулирования цифрового пространства возник третий уровень установления правил – саморегулирование цифровых платформ⁵⁴, которое «можно охарактеризовать как самостоятельную и инициативную деятельность субъектов для достижения своих целей в рамках действующего

⁵⁰ См.: Srnicek N. Platform Capitalism. Newark: Polity Press, 2016. P. 41. Разумеется, это не единственное разработанное определение цифровых платформ. Однако на наш взгляд, приведенная выше дефиниция лучше всего показывает то понимание платформ, которое отражается в действующих нормативных документах. Другие подходы к определению платформ см.: Cusumano M.A., Gawer A., Yoffie D.B. The Business of Platforms : Strategy in the Age of Digital Competition, Innovation, and Power. First edition. New York, NY: Harper Business, 2019; Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. № 2. С. 112–129.

⁵¹ Описание других аргументов владельцев социальных сетей см.: Sorabji R. Free speech on social media: How to protect our freedoms from those social media that are funded by trade in our personal data // Freedom of Speech and Expression: Its History, Its Value, Its Good Use, and Its Misuse. Oxford : Oxford University Press, 2021. P. 133–135.

⁵² См.: Азизов Р.Ф. Правовое регулирование в сети интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование : дисс. ... д.ю.н. – Санкт-Петербург, 2016. С. 9.

⁵³ Srnicek N. Op. cit. P. 47. См. также: Lehdonvirta V. Cloud empires: How digital platforms are overtaking the state and how we can regain control. Cambridge, US : MIT Press, 2022; Kenney M. and Zysman J. The rise of the platform economy // Issues in science and technology. Vol. 32. No. 3. P. 61–69 и др. «[К]омпании в рамках своих экосистем задают собственные правила работы, замыкают граждан в периметре своих экосистем, тем самым заменяя собой государственные институты», – говорится в одном из докладов Центрального Банка РФ. См.: Подходы Банка России к развитию конкуренции на финансовом рынке : Доклад для общественных консультаций. Ноябрь 2019. С. 19. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/90556/Consultation_Paper_-_191-125.pdf (дата обращения: 30.09.2023). Крупные компании постепенно реализуют все большее количество публичных функций, обеспечивая функционирование общественного транспорта, коммунальных систем, системы здравоохранения и т.д. С другой стороны, найденные бизнесом подходы к управлению воспроизводятся государственными учреждениями с целью повышения эффективности публичного управления (new public management). См.: Wilks S. The Political Power of the Business Corporation. Cheltenham : Edward Elgar Pub. Ltd., 2013. P. 7.

⁵⁴ См.: Щербович А.А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет. дисс.... к.ю.н. М., 2013. С. 29.

законодательства, направленную на упорядочение общественных отношений в Интернете посредством создания правил и предписаний»⁵⁵.

Правила взаимодействия в социальных сетях устанавливают владельцы платформ в форме стандартов сообщества, пользовательских соглашений и т.д. Все эти документы, якобы добровольно принимаемые пользователями платформ, в действительности устанавливают для них обязательные нормы поведения в цифровом пространстве⁵⁶. По совокупности своих признаков правила платформ сопоставимы с правовыми актами государств. Отличается субъект, устанавливающий правила (государство замещается цифровой компанией) и санкции (формы государственного принуждения во многом отличаются от наказаний, применяемых платформами к нарушителям правил) (см. табл. 1).

Табл. 1. Сравнение регулирования государства и цифровых платформ

Признак	Нормы права	Правила платформ
<i>Нормативность</i>	Являются общими стандартами поведения, рассчитанными на повторяющиеся ситуации	
<i>Системность</i>	Иерархия источников и их взаимосвязь	Элементы иерархии и системности
<i>Общеобязательность</i>	Обязательны для всех на территории государства	Обязательны для всех пользователей платформы
<i>Определенность</i>	Устанавливаются в официальных документах	Устанавливаются в публикуемых стандартах сообщества, условиях использования и т.д.
<i>Установлены компетентным органом</i>	Устанавливаются государственными органами	Устанавливаются владельцем цифровой платформы (менеджментом компании) ⁵⁷

⁵⁵ Анисимова А.С. Механизм правового регулирования интернет-отношений : проблемы теории и практики : дис. ... к.ю.н. Саратов, 2019. С. 70.

⁵⁶ См.: Иванова К.А. Онлайн-операторы как субъекты реализации права граждан на свободу доступа к информации и права на свободу мнения в сети Интернет // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 40–42; Иванова К.А. Трансформация права граждан на свободу мнения в сети Интернет // Юридическое образование и наука. 2018. № 4. С. 43–47; Belli L., Venturini J. Private Ordering and the Rise of Terms of Service as Cyber-Regulation // Internet Policy Review. Vol. 5. No. 4. 2016. P. 1–17; Bloch-Wehba H. Global platform governance: private power in the shadow of the state // The Texas A&M Law Review. Vol. 72. No. 1. 2019. P. 27–80.

⁵⁷ Исключением являются децентрализованные платформы, например «Википедия», где правила устанавливаются модераторами платформы на основе взаимного согласия.

<i>Обеспечение мерами принуждения</i>	Меры государственного принуждения	Санкции за несоблюдение стандартов сообщества
---------------------------------------	-----------------------------------	---

Источник: составлено автором на основе теоретической литературы⁵⁸.

По форме и содержанию документы платформ все больше напоминают нормативные акты. Например, Стандарты сообщества Facebook разделены на шесть разделов, включающих 24 статьи. Каждая статья устанавливает обязательные для пользователей правила поведения. В частности, определяются виды недопустимого к публикации контента и санкции за нарушение предписаний. Кроме того, большинство статей содержит обоснование установления правил, а Стандарты целиком преследуют цель защиты четырех ценностей – аутентичности контента, безопасности, достоинства и невмешательства в частную жизнь. Функционал сайта, где размещены правила, позволяет отследить вносимые в Стандарты сообщества изменения и знакомиться с недействующими редакциями документа⁵⁹.

В отсутствие государственного регулирования платформ постепенно перешла функция регулирования высказываний в сети и теперь именно они устанавливают обязательные правила поведения пользователей⁶⁰. Добровольность регистрации в социальной сети и пользовательских соглашений иллюзорна. В современном мире отказаться от социальных сетей практически невозможно. Они подобно мобильному телефону «стали неотъемлемой частью повседневной жизни»⁶¹. Социальные сети выступают

⁵⁸ См.: Теория государства и права : Учебник / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М. : Спарк, 1998. С. 201–202; Теория государства и права. Учебник для высших учебных заведений / В.Н. Хропанюк ; под ред. В.Г. Стрекозова - М.: Издательство «Интерстиль», «Омега-Л». 2008. С. 225–226; Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 569–570.

⁵⁹ См.: Policies. URL: <https://transparency.fb.com/en-gb/policies/> (дата обращения: 30.09.2023). Также см., напр., Правила пользования Сайтом ВКонтакте. URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 30.09.2023).

⁶⁰ Повсеместное распространение цифровых платформ представляется еще одним (наряду с интеграционными процессами) фактором пересмотра представлений о государстве. О трансформации основных элементов государства см.: Варламова Н.В. Государство в условиях глобализации: переосмысление понятия // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 91–104.

⁶¹ United States Supreme Court. Riley v. California, 573 U.S. 373 (2014). Позднее это высказывание о значимости смартфонов было использовано в качестве самостоятельного аргумента в пользу отказа от использования доктрины третьего лица в деле об использовании данных геолокации мобильного телефона без ордера на обыск (Carpenter v. United States, 585 U.S. 296, 138 S.Ct. 2206 (2018)).

«для многих основными источниками, позволяющими узнавать о текущих событиях, проверять объявления о приеме на работу, говорить и слушать на современной общественной площади и иным образом исследовать обширные сферы человеческой мысли и знаний»⁶². Это косвенно подтверждает признание социальной сети «ВКонтакте» социально значимым ресурсом. Доступ к таким ресурсам должен предоставляться интернет-пользователям на безвозмездной основе (пункт 5.3 статьи 46 Федерального закона от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи»⁶³). Аналогичное правило введено только для портала Госуслуги⁶⁴.

Социальные сети не только устанавливают правила, но и контролируют их реализацию. Эта функция перешла к ним *одновременно с функцией регулирования высказываний в сети*. Государственный бюрократический аппарат не может быстро реагировать на размещение информации в цифровой среде. Об этом косвенно свидетельствует, например, отсутствие практики реализации полномочия избирательных комиссий по блокировке агитационных материалов в сети (подробнее об этом см. раздел 3.2). Поэтому либо эта функция прямо закрепляется за владельцами платформ, как это сделано в России, где они обязаны осуществлять мониторинг размещаемой информации, либо делаются попытки передать эту работу некоммерческим организациям, чему еще будет уделено внимание в исследовании.

Усмотрение платформ, а также их цифровая природа предопределили наличие особенностей ограничения свободы выражения мнения пользователей в социальных медиа.

Во-первых, появились недоступные традиционным медиа *инструменты ограничения свободы выражения мнения*. В работе под

⁶² United States Supreme Court. *Packingham v. North Carolina*, 582 U.S. 98 (2017).

⁶³ СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

⁶⁴ См. Перечень отечественных социально значимых информационных ресурсов, при доступе к которым услуги связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" оказываются абоненту - гражданину Российской Федерации без взимания платы. URL: <https://rkn.gov.ru/activity/electronic-communications/registerSocResources/> (дата обращения: 18.04.2024).

традиционными медиа понимаются средства массовой информации, коммуникация которых с потребителем однонаправленна, а основным автором сообщений выступают сотрудники редакции. К традиционным медиа (другое название – «старые медиа») относятся печатные издания, радио и телевидение. В новых медиа, в том числе социальных сетях, пользователи одновременно и публикуют информацию, и потребляют ее, то есть действуют как просьюмеры⁶⁵. При этом инициатива размещения информации находится в руках автора сообщения и не принадлежит владельцу платформы, который не осуществляет предварительное редактирование записей пользователей. Указывая на это отличие цифровых медиа, Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд или ЕСПЧ) в деле *Delfi AS v. Estonia* делает вывод о необходимости дифференциации подхода по отношению к традиционным и сетевым медиа при обращении к статье 10 Конвенции⁶⁶.

Сначала во время выборов президента США, затем во время пандемии коронавируса социальные сети стали активно использовать *маркировку контента* (когда пользовательский контент дополняется информацией о контексте высказывания уже после его публикации, ограничивая свободу выражения мнения). Например, если запись пользователя сопровождается пометкой «Информация может быть недостоверной», то такая маркировка сокращает количество просмотров, снижает охват аудитории. Кроме того, все большее количество пользователей платформ обращают внимание на *теневое блокирование их контента* (это такое ограничение распространения пользовательской информации, которое остается втайне от автора контента).

Проблема теневого блокирования контента усугубляется использованием *систем*, основанных на искусственном интеллекте. Чтобы снять риски их применения (например, дискриминационный характер

⁶⁵ См.: Тоффлер Э. Третья волна – М. : АСТ, 2004.

⁶⁶ European Court of Human Rights (далее – ECtHR). *Delfi As v. Estonia* [GC]. Application no. 64569/09. Judgment of 16 June 2015.

принимаемых автоматически решений), государство должно установить специальные правила, предотвращающие данные угрозы и устраняющие их последствия. Наконец, наиболее спорным инструментом стало *блокирование аккаунтов* пользователей, то есть односторонний отказ от предоставления услуг пользователю платформы⁶⁷.

Во-вторых, владельцы социальных сетей расширяют *участие некоммерческих организаций (далее – НКО) в процессе модерации контента*. Социальные сети фактически передают третьему сектору эту работу *по отсеиванию* недопустимого (небезопасного) контента, публикуемого пользователями на платформе, и стимулируют участие НКО в формировании правил использования платформ, преследуя тем самым цель повышения прозрачности управления сетевым пространством и применения мер, ограничивающих свободу выражения мнения пользователей платформ.

Сотрудничество НКО и цифровых компаний выгодно для всех сторон. Так, *цифровые компании* снизят издержки на модерацию контента и тем самым повысят операционные показатели. *Гражданское общество* приобретет цифровое пространство, свободное от нелегального контента. *Государство*, в свою очередь, избавится от негативной репутации в области контроля над цифровым пространством, что должно привести к восстановлению нарушенной легитимности действий органов власти в цифровой сфере.

Третьей особенностью ограничения свободы слова в социальных сетях стало *создание собственных квази-судебных органов*. Так в 2020 году был сформирован Наблюдательный совет Meta, – «верховный суд» социальной сети – призванный разрешать споры по поводу модерации контента в Facebook и Instagram, а также давать рекомендации по развитию норм саморегулирования.

⁶⁷ Подробнее об инструментах см. с. 57–61 (маркировка контента), с. 61–63 (теневое блокирование) и с. 63–65 (блокирование аккаунтов).

Свобода усмотрения платформ в некоторых случаях приводит к достаточно спорным решениям в модерации контента, в результате чего государству, стремящемуся защитить права пользователей и публичный интерес, приходится применять радикальные меры⁶⁸, не всегда приводящие исключительно к предусмотренным результатам. Например, как в случае с признанием компании Meta экстремистской организацией в России, когда, оправданно пресекая распространение в сети языка ненависти, государство попутно фактически ограничило ряд конституционных прав граждан («охлаждающий эффект»)⁶⁹.

Появление новых инструментов ограничения свободы выражения мнения в сети, использование новых технологий, а также возникновение все большего числа спорных случаев модерации контента подталкивает законодателей в различных юрисдикциях к разработке новых правил взаимодействия платформ, пользователей и государства, направленных в том числе на обеспечение конституционных прав.

В рамках настоящего исследования первоочередное внимание будет уделено положениям Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», Секции 230 Акта о соблюдении приличий в коммуникациях США и Акту о цифровых услугах ЕС⁷⁰.

Выбор американской и европейской юрисдикций обусловлен их влиянием на регулирование цифровой сферы в глобальном масштабе. Цифровые платформы, имея трансграничный характер, нередко распространяют действие норм саморегулирования, адаптированных к

⁶⁸ Блокировка сайта в сети является крайней мерой, сравнимой с запретом печатного издания или телеканала. См.: ECtHR. *Bulgakov v. Russia*. Application no. 20159/15. Judgment of 23 June 2020.

⁶⁹ Помимо этого, необходимо отметить, что решение о запрете деятельности Meta не во всем достигло и тех целей, которые государство преследовало в борьбе с экстремизмом на платформе. См. об этом подробнее в разделе 1.3 работы.

⁷⁰ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. L 277. 27.10.2022. P. 1–102.

правовому режиму крупных рынков (например, США и ЕС), на другие рынки и страны. Так, в частности, произошло с правилами Общего регламента по защите данных (GDPR)⁷¹, которые фактически реализуются в общемировом масштабе⁷².

В России документы платформ и нормы законодательства постепенно складываются в иерархическую систему, где нормы законодательства занимают позицию выше правил платформ, определяя общие подходы в регулировании (это доказывает упоминавшееся выше требование части 2 статьи 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ, которая определяет содержание правил использования социальных сетей).

В связи с развитием законодательства нельзя сказать, что в Российской Федерации отсутствуют конституционно-правовые гарантии свободы слова в пространстве социальных сетей (см. табл. 2). Такой гарантией является, к примеру, обязанность владельцев социальных сетей соблюдать права и законные интересы граждан⁷³. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) наделена полномочиями по осуществлению контроля за соблюдением требований по распространению информации в интернете⁷⁴, ведет реестр социальных сетей, может в некоторых случаях быть участником процесса рассмотрения жалоб на пользовательский контент⁷⁵ (подробнее об этом во второй главе) и таким образом обеспечивает гарантии свободы слова в пространстве социальных медиа.

⁷¹ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. L 119. 04.05.2016. P. 1–88.

⁷² См.: Bradford A. The Brussels effect: How the European Union rules the world. New York : Oxford University Press, 2020. P. 25–66.

⁷³ См. пункт 4 части 1 статьи 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ.

⁷⁴ См. статью 16.1 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ.

⁷⁵ См. статью 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ.

Табл. 2. Конституционно-правовые гарантии свободы выражения мнения пользователей социальных сетей, установленные в статье 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»

<i>Сущность гарантии</i>	<i>Описание</i>	<i>Источник</i>
Определенность	Установлен перечень нелегального контента	Пункты 1–3 и 5 части 1
Законность	Возложение обязанности на социальные сети соблюдать права и законные интересы граждан и организаций	Пункт 4 части 1
Прозрачность	Разместить сведения об организации и адрес для направления юридически значимых сообщений, ежегодно размещать отчет о результатах их рассмотрений	Пункты 6 и 7 части 1
Определенность	Разместить правила использования социальной сети	Пункт 8 части 1
Определенность и прозрачность	Информировать пользователей об изменении правил социальной сети	Пункт 9 части 1
Мотивированность и прозрачность	Уведомлять пользователей о принятых к его аккаунту мерах и об основаниях ограничений	Пункт 11 части 1
Законность, прозрачность, определенность	Требования к содержанию правил социальной сети и их доступности для пользователей	Части 2 и 3
Возможность обжалования	Возможность пользователя обжаловать решение об ограничении доступа к информации владельцу социальной сети и в Роскомнадзор	Части 8 и 9
Обеспечение гарантий	Установлена полномочия Роскомнадзора по контролю за реализацией норм, механизмы их реализации, необходимые инструменты и порядок	Пункт 10 части 1, части 5–7, 10–18

Источник: составлено автором

Как видно из таблицы, российское законодательство содержит определенный круг конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей социальных сетей. В целом система гарантий отвечает запросам пользователей на *прозрачность* в деятельности платформ, *мотивированность* и определенность их решений, а также предлагает механизмы восстановления нарушенных прав. Однако в ней остаются и белые пятна. Так, требуется установление конституционно-правовых гарантий в связи с появлением новых инструментов ограничения свободы выражения

мнения в социальных сетях (блокировка пользователей, теневое блокирование, маркировка контента), участием НКО в модерации контента, появлением квази-судебных организаций по разрешению споров о контенте, блокированием платформ (конкретные предложения изложены в разделе 2.3 работы), а также необходимо разработать правовые критерии ограничения высказываний государственных деятелей в сети (об этом подробнее в третьей главе диссертации).

При установлении конституционно-правовых гарантий необходимо исходить из баланса государственного регулирования и саморегулирования. С одной стороны, государственное регулирование, действительно, необходимо для компенсации негативных сторон регулирования платформ (доминирование частных интересов, низкая степень устойчивости норм в силу сравнительно легкого порядка их изменения и т.д.⁷⁶), обеспечения существующих и возникающих прав и свобод⁷⁷. С другой стороны, саморегулирование в случае цифровых компаний может выступать в качестве одного из инструментов обеспечения независимости от государственных органов и сохранения свободы их экономической деятельности⁷⁸. Чрезмерное ограничение возможности цифровых компаний пользоваться инструментами саморегулирования может привести к тому, что социальные сети окажутся слишком сильным орудием в руках государства⁷⁹. Поэтому в процессе установления правил функционирования социальных сетей необходимо

⁷⁶ См.: Иванов А.А. Цифровая этика и право // Закон. 2021. № 4. С. 67–73.

⁷⁷ См.: Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 3–7. Он же. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Там же. 2019. № 7. С. 23–28; Максимов А.А. Особенности конституционно-правового регулирования реализации отдельных политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в сети Интернет : дисс. ... к.ю.н. М., 2021. С. 12, 168–169; Сустина Т.И. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 52–54.

⁷⁸ См.: Васильева С.В. Саморегулирование и самоорганизация в системе демократии: внутри права, по ту сторону права или параллельно ему? // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 5(72). С. 39–51.

⁷⁹ См.: Balkin J. How to Regulate (and Not Regulate) Social Media // Journal of Free Speech Law. Vol. 1. No. 1. 2021. P. 85–87.

сохранить баланс между саморегулированием и государственным регулированием⁸⁰.

Глобальные социальные сети, осознавая проблему сохранения автономии, пытаются дистанцироваться от регулирования национальных государств и предпочитают заявлять о приверженности международным нормам. К примеру, компания Meta объявила о намерении уважать права человека и обязуется следовать Руководящим принципам предпринимательской деятельности в аспекте прав человека⁸¹. В частности, компания готова соблюдать Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах⁸², Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах⁸³ и другие международные документы в области прав человека⁸⁴. Компания ежегодно публикует отчеты о реализации взятых на себя обязательств в этой сфере⁸⁵. Аналогичные действия предпринимают и другие компании-владельцы социальных сетей. Их стремление соблюдать международные стандарты прав человека можно только приветствовать. Однако действующие международные акты создавались в ответ на вызовы индустриального общества, когда информационный обмен в основном развивался в условиях иерархически организованных национальных правопорядков. Последовавшие позднее попытки создать единое регулирование международного обмена

⁸⁰ См.: Cusumano M.A., Gawer A., Yoffie D.B. Can self-regulation save digital platforms? // *Industrial and Corporate Change*. Vol. 30. Iss. 5. 2021. P. 1259–1285.

⁸¹ Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. Документ ООН HR/PUB/11/04. 16 июня 2011 года. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/-GuidingPrinciplesBusinessHR_ru.pdf (дата обращения: 30.09.2023).

⁸² Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1976. № 17. Ст. 291.

⁸³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1976. № 17. Ст. 291.

⁸⁴ Corporate Human Rights Policy. URL: <https://humanrights.fb.com/policy/> (дата обращения: 30.09.2023).

⁸⁵ Annual Human Rights Report. URL: <https://humanrights.fb.com/annual-human-rights-report/> (дата обращения: 30.09.2023).

информацией провалились (и вероятно, были обречены на провал, поскольку противоречили сетевой природе информационных отношений)⁸⁶.

Технологические компании – частные субъекты. Менеджмент цифровых гигантов в первую очередь преследует финансовые цели. Стремление следовать международным стандартам в этой области, добровольное ограничение своего участия в модерации контента через создание специальных организаций и другие действия, направленные на обеспечение прав пользователей платформ, заслуживают самых позитивных оценок. Однако чрезмерно оптимистичным было бы полагать, что владельцы социальных сетей будут предпринимать масштабные усилия для обеспечения прав пользователей платформ, если это будет негативно сказываться на финансовых показателях компаний⁸⁷. Кроме того, не стоит ожидать от владельцев социальных сетей и идеологической нейтральности. Система взглядов на мир и индивидуальных предпочтений единоличных владельцев платформ не должны определять глобальные стандарты высказываний в сети. Пример Twitter после его приобретения Илоном Маском продемонстрировал насколько резкими и стремительными могут быть изменения правил. Правовые средства, разумеется, не могут изменить идеологических предпочтений владельцев сервисов, однако установить такие правила, которые позволят компенсировать их влияние на определение границ допустимых высказываний в сети, представляется возможным. Поэтому потребность именно в развитии национальных конституционно-правовых гарантий прав граждан сохраняется.

⁸⁶ См.: Шевердяев С.Н. Средства массовой информации в российском гражданском обществе в свете современных конституционно-правовых стандартов обеспечения политического плюрализма // Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы / С.А. Авакьян, О.И. Баженова, О.А. Ежукова и др. – М.: Юридический Дом "Юстицинформ", 2015. С. 276–281.

⁸⁷ Противоречие интересов пользователей платформ и цифровых компаний, наравне с хакерскими атаками и распространением недостоверной информации, считается одним из основных факторов присущих именно цифровой среде и ведущих к отчуждению прав человека. См., подробнее: Права человека: между прошлым и будущим / А. В. Алексенко, Н. В. Варламова, Т. А. Васильева [и др.]. – М.: Юридическое издательство "Норма", 2021. С. 401–402.

Как уже отмечалось выше, на владельцев социальных сетей автоматически не распространяются ограничения, разработанные в рамках конституционного права для сдерживания публичной власти. Однако, как мы еще убедимся на примере должностных лиц публичной власти, государства теряют роль основных гарантов прав и свобод в сети. На их место приходят цифровые гиганты.

Преодолеть возникающее в случае социальных сетей (и других цифровых компаний) противоречие между частным статусом компаний-владельцев платформ и их фактической возможностью ограничивать права и свободы можно, руководствуясь доктриной *горизонтального эффекта прав человека*⁸⁸, которая предполагает, что конституционные положения способны в ряде случаев ограничивать действия не только публичных, но и частных субъектов. При этом эффект может быть прямым, когда конституционные нормы непосредственно применяются в правоотношениях частных лиц, либо опосредованным, когда реализация конституционных положений происходит через нормы частного права⁸⁹.

В практике Суда Европейского Союза были разработаны критерии прямого применения положений об основных правах к частным субъектам, обладающим статусом «эманации государства». Для применения основных прав и, соответственно, признания организации «эманацией» (расширением) государства частному субъекту надо соответствовать одному из двух критериев: (1) действовать от имени государства или (2) осуществлять властные полномочия. В последнем случае властные полномочия не должны вытекать из правил, обычно применяющихся между сторонами частных отношений⁹⁰. Таким образом, учитывая, что, как было показано выше,

⁸⁸ См.: Theil S. Private Censorship and Structural Dominance: Why Social Media Platforms Should Have Obligations to Their Users Under Freedom of Expression // *The Cambridge Law Journal*. Vol. 81. No. 3. 2022. P. 645–672.

⁸⁹ См.: Урошлева А.С. Аргументация решений органов конституционного правосудия : основные элементы теории : дис. ... к.ю.н. М., 2023. С. 46.

⁹⁰ См.: Должиков А.В. Влияние конституционных прав на российскую правовую систему // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2012. № 6(91). С. 116.

социальные сети осуществляют функцию регулирования взаимодействия в сети, - свобода их усмотрения может быть ограничена на основании доктрины горизонтального эффекта прав человека. В том числе свобода усмотрения платформ должна быть ограничена и сложившимся стандартом недопустимости отдельных видов высказываний в сети. Иными словами, правила платформ должны устанавливать запрет экстремистских высказываний (призывов к насилию) и языка вражды, что многие платформы уже реализовали в своих нормах саморегулирования. Выше уже упоминалось, что аккаунт Д. Трампа был заблокирован *именно на основании нарушения правил платформы о запрете призывов к насилию*.

При этом пользоваться защитой должны, прежде всего, политические высказывания. В практике Европейского Суда политической речью признаются *любые высказывания по вопросам, вызывающим общественный интерес*⁹¹. Такие высказывания пользуются наибольшей степенью защиты в практике Суда⁹²: по мнению ЕСПЧ, при определенных обстоятельствах защите подлежат даже суждения о качестве предоставления ветеринарных услуг⁹³. При этом политические высказывания следует отличать от высказываний коммерческих или художественных.

Наименьшей степенью защиты со стороны Европейского Суда пользуется выражение мнения в форме художественного произведения. ЕСПЧ не признавал нарушения статьи 10 Конвенции в делах о конфискации киноленты⁹⁴, произведений изобразительного искусства⁹⁵ и литературных произведений⁹⁶. Тем не менее более поздняя практика Суда отмечена предоставлением большей степени защиты свободы художественному

⁹¹ См.: Sharland A. Focus on Article 10 of the ECHR // Judicial Review. Vol. 14. No. 1. 2009. P. 63.

⁹² См.: Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. Судебная практика с 1960 г. по 2002 г. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004; Sharland A. Op. Cit. P. 63–64.

⁹³ ECtHR. Barthold v. Germany. Application no. 8734/79. Judgement of 25 March 1985.

⁹⁴ ECtHR. Otto-Preminger-Institut v. Austria. Application no. 13470/87. Judgement of 20 September 1994.

⁹⁵ ECtHR. Müller v. Switzerland. Application no. 10737/84. Judgement of 24 May 1988.

⁹⁶ ECtHR. Handyside v. United Kingdom. Application no. 5493/72. Judgement of 7 December 1976.

выражению мнения. По всей видимости это объясняется тем, что провести черту между политическим и художественным становится все труднее⁹⁷.

В отечественной научной традиции свобода творчества обычно рассматривается как самостоятельное конституционное право гражданина, которое входит в группу культурных прав наравне с правом на образование, правом на доступ к культурным ценностям и другими правами. Гарантии свободы творчества выражены в положениях Конституции РФ об идеологическом многообразии (статья 13) и свободе различных видов творчества (статья 44). Закономерным образом вопросы реализации свободы творчества обычно рассматриваются отдельно от свободы выражения мнения и связываются в большей степени с гражданско-правовой охраной произведений⁹⁸.

Сравнительно большей степенью защиты со стороны Европейского Суда пользуются коммерческие высказывания. Закономерным образом и практика Суда в этой сфере несколько более разнообразна. Так ЕСПЧ отмечал недопустимость ложных и вводящих в заблуждение рекламных материалов⁹⁹. В то же время Суд считает недопустимым чрезмерное ограничение однозначно коммерческих высказываний¹⁰⁰.

В отечественной практике вопрос коммерческих высказываний в цифровой среде и, в частности, в социальных сетях, рассматривается чаще всего отдельно в связи с наличием отраслевого законодательства, в первую очередь Федерального закона от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе»¹⁰¹.

⁹⁷ См.: Lowe J. Freedom of artistic expression under Article 10 of the European Convention on Human Rights : PhD Thesis. The University of Edinburgh, 2016. P. 241–242. URL: <https://era.ed.ac.uk/handle/1842/23442> (дата обращения: 30.09.2023). В частности, см.: ECtHR. Vereinigung Bildender Künstler v. Austria. Application no. 68354/01. Judgement of 25 January 2007.

⁹⁸ См.: Шапорева Д.С. Конституционное право человека и гражданина на свободу творчества в современной России : автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2007. С. 13–15; Свиридова Е.А. Реализация права на свободу творчества в законодательстве России, Франции и Великобритании // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 7. С. 51–55.

⁹⁹ ECtHR. Markt Intern Verlag and Klaus Beermann v. Germany. Application no. 10572/83. Judgement of 20 November 1989.

¹⁰⁰ ECtHR. Krone Verlag GmbH & Co. KG (No. 3) v. Austria. Application no. 39069/97. Judgement of 11 December 2003.

¹⁰¹ СЗ РФ. 2006. № 12. ст. 1232.

В частности, относительно недавно этот акт был дополнен статьей устанавливающей особенности распространения рекламы в интернете и правила маркировки рекламы в сети (статья 18.1)¹⁰².

Одна из целей введения маркировки цифровой рекламы заключалась в разработке мер для понуждения к соблюдению норм Федерального закона от 1 июля 2021 года № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации»¹⁰³ путем ограничения распространения рекламы иностранного лица¹⁰⁴ или его информационного ресурса в качестве объекта рекламирования, а также запрета размещения рекламы на ресурсе иностранного лица в случае отказа от соблюдения положений указанного Федерального закона. Однако перечисленные нами и другие меры понуждения иностранных лиц к соблюдению норм потеряли (вероятно, временно) свою актуальность после полного ограничения доступа к части цифровых платформ государством (кейс блокировки Facebook и Instagram будет рассмотрен в части 1.3. работы) и добровольного отказа платформ от размещения рекламы в русскоязычном сегменте (например, такое решение принял YouTube¹⁰⁵) в марте 2022 года.

В любом случае, хотя вопрос рекламы на крупных цифровых платформах является частью дебатов о модели управления цифровым

¹⁰² Федеральный закон от 2 июля 2021 года № 347-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). ст. 5175.

¹⁰³ СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). ст. 5064.

¹⁰⁴ Иностранным лицом признается иностранное юридическое лицо, иностранная организация, не являющаяся юридическим лицом, иностранный гражданин или лицо без гражданства. Статья 1 Федерального закона от 1 июля 2021 года № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации». Более удачное на наш взгляд определение содержится в Федеральном законе от 18 июля 1999 года № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» (СЗ РФ. 1999. № 30. ст. 3774), где определение иностранного лица содержит указание на определение гражданской правоспособности и дееспособности (для физических лиц) по праву иностранного государства, в котором они учреждены (гражданами которого являются или, в случае лиц без гражданства, государства постоянного места жительства). Последнее определение позволяет дифференцировать лиц без гражданства, имеющих постоянное место жительства на территории Российской Федерации от иностранных граждан. Определение Федерального закона от 1 июля 2021 года № 236-ФЗ такой дифференциации не допускает.

¹⁰⁵ См.: Update related to Ukraine (March 2022). URL: https://support.google.com/adspolicy/answer/11940285?hl=en&ref_topic=29265&sjid=10757816481113114687-EU (дата обращения: 30.09.2023).

пространством, обычно проблема размещения рекламы в сети рассматривается за пределами конституционного права (отношения в сфере рекламы связаны со свободой предпринимательской деятельности¹⁰⁶), а соответствующие нормы законодательства имеют статус подотрасли гражданского права¹⁰⁷.

Конституционный Суд РФ принял значительное количество решений по спорам, орбита которых включает свободу выражения мнения. В первый период своей деятельности (примерно до 2008 года) Суд признал неконституционным расширение оснований лишения журналистов аккредитации¹⁰⁸, указывал на неконституционность запрета журналистам высказывать свое мнение в сюжетах о кандидатах в период предвыборной агитации¹⁰⁹. Кроме того, Суд рассматривал споры, связанные с *рекламой*. Так, в Постановлении от 4 марта 1997 года № 4-П статья 29 Конституции была использована в отношении «получения рекламной информации»¹¹⁰. Также Конституционный Суд РФ указал на особый характер *политической информации* в споре, связанном с предвыборной агитацией. По мнению Суда, понятия «агитация» и «распространение информации» имеют отличия в цели деятельности (агитация направлена на склонение избирателя к поддержке или противодействию конкретного кандидата или объединения)¹¹¹.

Однако с течением времени практика Конституционного Суда РФ становилась все более осторожной, а вероятность принятия постановлений по

¹⁰⁶ См., например: Белых С.В. Свобода предпринимательской деятельности как конституционно-правовая категория в Российской Федерации : автореф. дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2004; Зеко Л.Ю. Конституционно-правовое обеспечение права собственности и свободы предпринимательской деятельности : опыт России и Великобритании : автореф. дис. ... к.ю.н. Белгород, 2016.

¹⁰⁷ См.: Баранова М.В. Право и реклама : общетеоретический аспект : автореф. дис. ... д.ю.н. Нижний Новгород, 2010. С. 28.

¹⁰⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 года № 10-П // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3424.

¹⁰⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 года № 15-П // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4358. Подробнее об этих делах см.: Шаблинский И. Проблемы свободы слова и массовой информации в решениях конституционных судов // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2. С. 159–161.

¹¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 1997 года № 4-П // СЗ РФ. 1997. № 11. ст. 1372.

¹¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 года № 15-П // СЗ РФ. 2003. № 44. ст. 4358

вопросам, связанным с реализацией свободы выражения мнений, заметно снизилась¹¹². В качестве примера сугубо формального рассмотрения жалоб можно привести подход Конституционного Суда РФ к проблеме автоматической блокировки сайта, не содержащего незаконной информации, в случае совпадения его IP-адреса с IP-адресом другого ресурса, разместившего нелегальный контент¹¹³. Заявитель в этом случае смог доказать факт чрезмерного ограничения его права в Европейском Суде¹¹⁴.

Таким образом, в практике Конституционного Суда РФ можно найти отдельные случаи применения статьи 29 Конституции РФ, гарантирующей свободу выражения мнения, в спорах связанных с коммерческими высказываниями, а также примеры разграничения политической информации (агитации) и обычной информации (простого распространения информации). Однако утверждать, что на основе соответствующего комплекса решений Конституционного Суда РФ может быть сформирована устойчивая классификация правовых позиций, относящихся к различным сферам выражения мнения не приходится.

Возвращаясь к защите Европейским Судом высказываний политического характера, надо отметить, что ЕСПЧ с особым вниманием рассматривает дела об ограничении свободы выражения мнения, когда такое ограничение вызвано критическим характером высказываний в отношении политиков¹¹⁵. Одновременно с этим Европейский Суд отмечает необходимость

¹¹² См. об эволюции практики Конституционного Суда РФ и ее причинах: Григорьев И.С. Трансформация институтов судебной власти в процессе консолидации гибридного политического режима : на примере Конституционного суда Российской Федерации : дисс. ... к.п.н. - Санкт-Петербург, 2017.

¹¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 года № 1759-О // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁴ ECtHR. Vladimir Kharitonov v. Russia. Application no. 10795/14. Judgment of 23 June 2020. См. об этом деле подробнее: Шаблинский И.Г. Блокировка интернет-ресурсов: судебная практика // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 37. № 1-2. С. 108–113.

¹¹⁵ В отношении политиков Европейский Суд сформулировал принцип, согласно которому они должны проявлять большую толерантность по отношению к критическим высказываниям, поскольку политики неизбежно и сознательно подвергают себя тщательному изучению каждого их слова и поступка как со стороны журналистов, так и со стороны общественности в целом. См.: ECtHR. Lingens v. Austria. Application no. 9815/82. Judgment of 8 July 1986; Nadtoka v. Russia. Application no. 38010/05. Judgment of 31 May 2016. В частности, контролировать деятельность политиков могут блогеры и популярные пользователи социальных

осторожного ограничения свободы выражения мнения выборных членов парламента, находящихся в оппозиции действующему правительству¹¹⁶. Что же касается политиков в целом, то им следует избегать комментариев, которые могут способствовать развитию нетерпимости в обществе¹¹⁷.

Проблема установления критериев ограничений высказываний должностных лиц в социальных сетях стала широко обсуждаться экспертным сообществом в связи с блокировкой аккаунтов президента США Д. Трампа многими крупными площадками. На примере этого кейса стало понятно, что администраторы платформ получили неограниченную возможность *оценки реальности угрозы конституционному строю и дискрецию в блокировании аккаунтов политиков*. При этом не существует адекватного правового регулирования порядка принятия подобных решений.

Между тем политики регулярно вносят вклад в общественную дискуссию по важным и актуальным вопросам вне зависимости от того занимают они высшие государственные должности или находятся в оппозиции к действующему правительству. Значимая роль в формировании публичного дискурса принадлежит и государственным органам, которые ее осуществляют, например, путем публикации докладов и иных сообщений по актуальной социально-политической повестке¹¹⁸. Поэтому высказывания носителей государственной власти, в том числе онлайн, могут пользоваться защитой на

сетей, а значит их свобода выражения мнения может пользоваться равной степенью защиты с высказываниями журналистов. См.: ECtHR. *Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary* [GC]. Application no. 18030/11. Judgement of 8 November 2016. § 168; *Savva Terentyev v. Russia*. Application no. 10692/09. Judgement of 28 August 2018. § 81.

Идея о том, что политики должны иметь большую степень терпимости по отношению к высказываниям о них, нашла отражение и в практике высших судебных органов Российской Федерации. См. пункт 3 Определения Конституционного Суда РФ от 27 сентября 1995 года № 69-О (документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс») и абз. 3 пункта 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2005).

¹¹⁶ ECtHR. *Karácsony and Others v. Hungary* [GC]. Applications nos. 42461/13 and 44357/13, Judgement of 17 May 2016. § 137; *Selahattin Demirtaş v. Turkey* (no. 2) [GC]. Application no. 14305/17. Judgement of 22 December 2020. §§ 242-245; *Castells v. Spain*. Application no. 11798/85. Judgement of 23 April 1992. § 42.

¹¹⁷ ECtHR. *Erbakan v. Turkey*. 59405/00. Judgement of 6 July 2006. § 64.

¹¹⁸ Об использовании цифровых технологий, в государственном управлении, в том числе систем на основе ИИ см. подр.: Пашенко И.Ю. Информация как объект публично-правового регулирования в условиях цифровизации : дисс. ... к.ю.н. Краснодар, 2022. – 300 с.

основании сложившейся в США доктрины *государственной речи*. Тем не менее ограничение высказываний политических лидеров и органов власти в социальных сетях требует четких критериев. Данная проблема будет подробно рассмотрена в третьей главе диссертации. В этой связи стоит особо подчеркнуть, что примеры реализации свободы слова в сети *субъектами публичной власти* весьма показательны в плане подтверждения центральной гипотезы исследования о том, что *роль государства как ведущего «провайдера» юридических гарантий прав и свобод в сети размывается, а на его место приходят цифровые платформы*. Блокирование аккаунтов должностных лиц или применение к ним других ограничительных мер социальными сетями наглядно это показывает.

Итак, *суммируя* значимые для целей настоящей работы позиции данного параграфа, следует понимать под юридическими *гарантиями* прав и свобод *нормативно установленные правовые средства и условия, обеспечивающие реализацию, охрану и защиту прав и свобод*. Особое значение для реализации свободы слова (свободы выражения мнения) традиционно имеют *собственно конституционные и иные конституционно-правовые* нормативные гарантии, а также решения судов (международных и национальных).

Действие гарантий свободы выражения мнения в социальных сетях имеет следующие *особенности*. Гарантии устанавливаются и реализуются не только государством, но и *цифровыми платформами*, которые осуществляют таким образом публичные функции. Это делает возможным применение *конституционно-правовых предписаний* по отношению к частным компаниям-владельцам социальных сетей и ограничивает усмотрение последних в установлении *норм саморегулирования*. В то же время гарантии свободы слова в социальных сетях должны соответствовать уровню развития цифровых технологий и появлению новых инструментов ограничения мнений в сети. Вместе с тем свобода усмотрения цифровых компаний при установлении норм

саморегулирования, в свою очередь, является гарантией сохранения независимости платформ от чрезмерного вмешательства государства в их экономическую деятельность. Поэтому создание эффективных гарантий свободы выражения мнения помимо прочего предполагает *поиск баланса между правами пользователей платформ, автономией частных компаний и интересами государства.*

1.2. Специфика ограничения свободы слова в социальных сетях¹¹⁹

Социальные сети имеют возможность самостоятельно принимать решения относительно контента. Как уже отмечалось выше, возможность социальных сетей самостоятельно устанавливать правила взаимодействия с пользователями платформ основана на действующих в этой области нормативных актах (Акт о соблюдении приличий в коммуникациях в США, Директива о цифровой торговле в ЕС и Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в Российской Федерации и другие документы)¹²⁰.

Возможность социальных сетей самостоятельно устанавливать правила поведения в цифровом пространстве означает и то, что они же получили возможность использовать недоступные традиционным медиа инструменты ограничения свободы выражения мнения в сети. ***Появление новых инструментов ограничения свободы слова*** представляется ***первой особенностью*** ограничения данной свободы в социальных сетях. Такими инструментами стали *маркировка, теневое блокирование* контента и *блокирование пользователей платформ*¹²¹. Рассмотрим каждый из них подробнее.

¹¹⁹ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Булгаков А.Э. Теневое блокирование контента в социальных сетях как угроза свободе выражения мнения // Юрист. 2024. № 5. С. 38–43; Булгаков А.Э. Прозрачность участия некоммерческих организаций в модерации контента цифрового пространства // Законодательство. 2023. № 12. С. 36–43.

¹²⁰ См.: De Gregorio G. Digital Constitutionalism in Europe: Reframing Rights and Powers in the Algorithmic Society. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. P. 95–101.

¹²¹ Кроме того, социальные сети имеют возможность удалять контент. Однако этот инструмент ограничения свободы выражения мнения не представляется новым для сферы реализации свободы слова, поскольку традиционные СМИ и их интернет-аналоги также имеют возможность отзываться или удалять публикации. Тем не менее этот инструмент будет обсуждаться нами в контексте ответственности платформ за размещаемый пользователями контент (глава 2 настоящей работы).

Маркировка контента. Маркировкой контента (labeling) называют один из инструментов модерации контента, который используется для предоставления пользователю платформы информации о контексте или свойствах того или иного информационного материала¹²². К примеру, социальная сеть сопровождает потенциально недостоверную информацию сообщением «Информация может быть недостоверной»¹²³. Такие дополнительные информационные сообщения напоминают информацию о пищевой ценности продукта, специальные надписи или изображения, демонстрирующие последствия употребления табака. И те и другие призваны минимизировать потребление вредных для здоровья человека товаров. По всей видимости аналогичную цель – предотвратить или, по крайней мере, замедлить, распространение потенциально нелегального контента – преследуют и владельцы социальных сетей¹²⁴. Как показывают количественные исследования, маркировка недостоверной информации действительно приводит к уменьшению количества просмотров контента за счет, главным образом, сокращения количества репостов (повторного размещения информации пользователем на своей странице, аналог цитирования прямой речи)¹²⁵.

Маркировку как инструмент модерации контента необходимо отличать от других видов маркировки информации в социальных сетях, в частности маркировки рекламы. Последняя осуществляется в России на основании закона¹²⁶ и скорее используется для учета информации о размещенных

¹²² См.: Morrow G., et al. The emerging science of content labeling: Contextualizing social media content moderation // Journal of the Association for Information Science and Technology. Vol. 73. No. 10. P. 1365–1386.

¹²³ См.: ВКонтакте и Одноклассники тестируют предупреждение о потенциально недостоверной информации. URL: <https://vk.com/press/fact-check> (дата обращения: 30.09.2023); Недостоверная информация. URL: <https://vk.com/safety?section=misinformation> (дата обращения: 30.09.2023).

¹²⁴ См.: Spradling M., Straub J., Strong J. Protection from ‘fake news’: the need for descriptive factual labeling for online content // Future Internet. Vol. 13. No. 6. 2021. URL: <https://www.mdpi.com/1999-5903/13/6/142> (дата обращения: 30.09.2023).

¹²⁵ См.: Mena P. Cleaning up social media: The effect of warning labels on likelihood of sharing false news on Facebook // Policy & internet. Vol. 12. No. 2. 2020. P.165–183.

¹²⁶ См. ст. 18.1 Федерального закона от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

объявлениях и передачи соответствующей информации в Роскомнадзор. Функция информирования пользователя о рекламном характере сообщений сохраняется, но является в данном случае вторичной.

Маркировка как инструмент модерации контента вошла в практику зарубежных социальных сетей во время президентской кампании 2020 года в США. Любопытно, что любой связанный с выборами контент социальные сети сопровождали ссылками на дополнительные материалы о процедуре выборов. Отдельные единицы потенциально недостоверного с точки зрения модераторов контента также отмечались в качестве такового. Социальные сети ограничивались маркировкой, даже если авторы записей нарушали правила сообщества. Данное решение обосновывалось ссылкой на общественную значимость контента. В частности, специального комментария от владельца платформ была удостоена запись Д. Трампа от 28 мая 2020 года, в которой он обещал отправить армейские подразделения в один из штатов в связи с беспорядками, вызванными убийством Джорджа Флойда (которое, напомним, привело к всплеску активности движения Black Lives Matter)¹²⁷.

Российские цифровые медиа платформы ввели практику маркировки контента во время пандемии коронавируса. Например, социальная сеть «ВКонтакте» сопровождала записи пользователей, связанные с вирусом специальным сообщением. Это сообщение предлагало пользователям перейти на страницу «единого центра информации по коронавирусу» – специальной страницы социальной сети с фактами о коронавирусе¹²⁸ и другой информацией¹²⁹.

¹²⁷ См.: Mena P. Cleaning up social media: The effect of warning labels on likelihood of sharing false news on Facebook // Policy & internet. Vol. 12. No. 2. 2020. P.165–183.

¹²⁸ Например, первый факт о коронавирусе сообщает, что «[в]акцины от COVID-19 проходят **тщательную проверку на безопасность** и эффективность перед тем, как попасть в оборот» (сохранено форматирование оригинала – А.Б.). См.: URL: Коронавирус. <https://vk.com/covid19> (дата обращения: 30.09.2023).

¹²⁹ См.: ВКонтакте продолжает кампанию по информированию пользователей о коронавирусе. URL: <https://vk.com/press/covid-label> (дата обращения: 30.09.2023).

Впоследствии сфера применения маркировки контента расширилась в трех направлениях. Во-первых, социальная сеть «ВКонтакте» стала добавлять сообщение «Информация может быть недостоверной» к контенту, содержание которого было опровергнуто экспертами международных или локальных организаций, или в СМИ¹³⁰. Во-вторых, социальная сеть показывает сообщение с предупреждением на страницах сообществ, если, по ее мнению, информация, размещенная на страницах этих сообществ может нарушать требования Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ, Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹³¹ и другие законы¹³². Наконец, ВКонтакте стала использовать отметку государственной организации для профилей государственных учреждений¹³³.

В случае отметки профилей государственных организаций маркировка может нести позитивное сообщение (информация заслуживает доверия) или подразумевать негативную оценку (информация не заслуживает доверия). Примером последнего можно считать маркировку профилей, аффилированных с государствами СМИ на зарубежных платформах¹³⁴. Это обстоятельство позволяет говорить о *негативной и позитивной* маркировке контента¹³⁵.

Отдельный случай маркировки контента – это маркировка сгенерированной с использованием искусственного интеллекта (ИИ) информации. Она выполняет те же функции, что и обычная маркировка

¹³⁰ См.: ВКонтакте и Одноклассники тестируют предупреждение о потенциально недостоверной информации. URL: <https://vk.com/press/fact-check> (дата обращения: 30.09.2023).

¹³¹ СЗ РФ. 2011. № 1. ст. 48.

¹³² См.: Почему ВКонтакте показывает плашку с предупреждением? URL: <https://vk.com/@vk-notification> (дата обращения: 30.09.2023).

¹³³ См.: Отметка государственной организации. URL: <https://vk.com/faq19973> (дата обращения: 30.09.2023).

¹³⁴ Аффилированным с государством СМИ считается, если правительство имеет возможность контролировать его редакционную политику. См., например, About government and media account labels on X. URL: <https://help.twitter.com/en/rules-and-policies/government-media-labels> (дата обращения: 30.09.2023).

¹³⁵ См.: Wihbey J.P., Kopec M., Sandler R. Informational Quality Labeling on Social Media: In Defense of a Social Epistemological Strategy. Yale Journal of Law & Technology. Vol. 23. 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3858906> (дата обращения: 30.09.2023).

контента – предупреждение пользователя о свойствах контента, в данном случае о его синтезированной природе. Но ее главным отличием является большая объективность – пометки об использовании ИИ для создания информации может применяться в отношении всего сгенерированного контента и в автоматическом режиме на основе специального программного продукта. Необходимость введения требования о маркировке ИИ-контента активно обсуждается российскими парламентариями (но законопроект еще опубликован не был)¹³⁶; аналогичные правила уже действуют в Европейском Союзе¹³⁷. Между тем социальные сети уже осуществляют ее глобально¹³⁸.

В любом случае практика маркировки контента в социальных сетях поднимает по крайней мере два вопроса о конституционных гарантиях свободы выражения мнения в социальных сетях. Во-первых, маркировка контента ставит под сомнение нейтральный статус социальной сети, ее положение информационного посредника. Это важно уточнить: если социальные сети не осуществляют публичных полномочий, то и не должны нести ответственность за размещаемый пользователями контент¹³⁹.

Во-вторых, маркировка контента может чрезмерно ограничить свободу выражения мнения пользователей платформ. Хотя исследователи называют маркировку «мягким» инструментом модерации контента¹⁴⁰, а сами социальные сети отмечают пропорциональность маркировки как инструмента

¹³⁶ См.: Интеллект получает метку // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6712258> (дата обращения: 31.08.2024).

¹³⁷ См.: Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L 2024/1689. 12.7.2024. ELI: <http://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (дата обращения: 31.08.2024).

¹³⁸ См., например: Our Approach to Labeling AI-Generated Content and Manipulated Media. URL: <https://about.fb.com/news/2024/04/metis-approach-to-labeling-ai-generated-content-and-manipulated-media/> (дата обращения: 31.08.2024).

¹³⁹ См.: Spradling M., et al. Op. cit.

¹⁴⁰ См.: Singhal M. et al. SoK: Content Moderation in Social Media, from Guidelines to Enforcement, and Research to Practice // 2023 IEEE 8th European Symposium on Security and Privacy (EuroS&P), Delft, Netherlands, 2023. P. 868–895.

модерации контента¹⁴¹, маркировка снижает коммуникационную силу сообщения и влияет на его интерпретацию. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ об информации не устанавливает никаких гарантий прав пользователей социальных сетей в связи с использованием рассматриваемого инструмента модерации контента (и даже никаким образом не обращается к теме маркировки контента в своих нормах).

Теневое блокирование контента. Теневым блокированием называется практика ограничения распространения контента *без уведомления* пользователя. Теневое блокирование может осуществляться в форме исключения из выдачи на странице рекомендаций, исключения из выпадающего списка предложений по поиску, блокирования возможности использования отдельных функций платформы (например, прикрепить ссылку на профиль пользователя к записи в социальной сети) и в других формах¹⁴². В любом случае последствием теневого блокирования для пользователя станет уменьшение аудитории и снижение ее вовлеченности (количества комментариев и реакций на контент).

Формы теневого блокирования были обнаружены пользователями платформ – представителями отдельных социальных групп – которые наблюдали наступление негативных для себя последствий. Позднее осуществление платформами теневого блокирования было подтверждено в результате количественных исследований¹⁴³, показавших, помимо прочего, что аккаунты, размещающие политический контент, подвергаются теневому

¹⁴¹ «Считаем демонстрацию интерфейсного предупреждения достаточной мерой, отвечающей интересам защиты пользователей в рамках требований закона, а блокировку страниц целиком — избыточной». См.: Почему ВКонтакте показывает плашку с предупреждением? URL: <https://vk.com/@vk-notification> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁴² См.: Blunt D., Wolf A., Coombes E., et al. Posting into the Void: studying the impact of shadow-banning on sex workers and activists. Report, Hacking/Hustling. URL: <https://hackinghustling.org/wp-content/uploads/2020/09/Posting-Into-the-Void.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁴³ См., напр.: Le Merrer E., Morgan B., & Trédan G. Setting the record straighter on shadow banning. // IEEE INFOCOM 2021-IEEE Conference on Computer Communications. May 2021. URL: <https://arxiv.org/pdf/2012.05101.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

блокированию чаще других (вне зависимости от политической принадлежности их владельцев)¹⁴⁴.

Явление теневого блокирования напрямую не подтверждается владельцами социальных сетей. Более того, используя свое эксклюзивное положение обладателей информации о работе алгоритмов для смены нарратива, владельцы отрицают наличие теневого блокирования и заявляют, что отсутствие упоминания о тех или иных пользователях в рекомендациях сети является результатом собственных действий пользователей. Тем самым платформы стремятся подорвать всякие разумные основания для критики своих действий¹⁴⁵.

Одновременно с этим разъяснения платформ о работе алгоритмов косвенно подтверждают осуществление ими теневого блокирования. «Некоторые публикации, – поясняет компания Meta, – *не нарушают правила сообщества, однако не подходят для глобальной аудитории, поэтому мы ограничиваем их появление в разделе "Интересное"*»¹⁴⁶. Также Facebook ограничивает распространение контента, который *потенциально нарушает* правила платформы¹⁴⁷, а Instagram стремится не рекомендовать аккаунты, которые, к примеру, неоднократно размещали дезинформацию о вакцинации¹⁴⁸.

Эти и другие меры по ограничению распространения информации применяются компаниями без уведомления пользователей. Именно данное обстоятельство делает теневоое блокирование юридической проблемой, являясь такой практикой *ограничения* свободы выражения мнения, которая

¹⁴⁴ См.: Jaidka K., et al. Silenced on social media: the gatekeeping functions of shadowbans in the American Twittersverse // Journal of Communication. Vol. 73. No. 2. 2023. P. 163–178.

¹⁴⁵ См.: Cotter K. “Shadowbanning is not a thing”: black box gaslighting and the power to independently know and credibly critique algorithms // Information, Communication & Society. Vol. 26. No. 6. 2023. P. 1226–1243.

¹⁴⁶ Почему некоторые публикации в Instagram не появляются в разделе "Интересное" и на страницах хэштегов? URL: https://www.facebook.com/help/instagram/613868662393739/?helpref=uf_share (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁴⁷ См.: Hate Speech Prevalence Has Dropped by Almost 50% on Facebook. URL: <https://about.fb.com/news/2021/10/hate-speech-prevalence-dropped-facebook/> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁴⁸ См.: Рекомендации в Instagram. URL: https://help.instagram.com/313829416281232/-?helpref=uf_share (дата обращения: 30.09.2023).

предполагает *экслюзивную* оценку его пропорциональности самой социальной сетью, когда даже окончательное решение не покидает пределы «черного ящика». Оспорить применение таких мер не представляется возможным, ведь пользователи точно не знают, применено ли к их аккаунтам теневое блокирование.

Европейский Союз предпринял попытку решить проблему теневого блокирования путем установления требований об обязательном уведомлении пользователей платформ об ограничении распространяемой ими информации и обязательном раскрытии параметров систем рекомендаций. Эти требования могут в будущем привести к полному запрету на теневое блокирование контента¹⁴⁹.

В Российской Федерации требования к системам рекомендаций также были установлены сравнительно недавно¹⁵⁰. Однако новые нормы не решают проблему теневого блокирования контента.

*Блокирование пользователей платформ*¹⁵¹. Владельцы социальных сетей имеют возможность отказаться от предоставления услуг пользователю

¹⁴⁹ См.: Leerssen P. An End to Shadow Banning? Transparency rights in the Digital Services Act between content moderation and curation // *Computer Law & Security Review*. Vol. 48. 2023. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0267364923000018?via%3Dihub> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁵⁰ Федеральный закон от 31 июля 2023 года № 408-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.07.2023.

¹⁵¹ Запрет использовать социальные сети может быть наложен и государственными органами. Однако в таком случае конституционные права граждан пользуются куда большими гарантиями, поскольку запрет накладывается в связи с юридической ответственностью. Так, например, подозреваемому в совершении преступления может быть запрещено использовать интернет (статья 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). ст. 4921). Также лишение права заниматься деятельностью, связанной с размещением обращений и иных материалов в Интернете может быть установлена в качестве одного из наказаний за совершение преступления, если оно обусловлено обстоятельствами совершения преступления (абз. 2 п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2016). Кроме того, запрет использовать Интернет фактически установлен правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, недискриминационный характер которого был подтвержден Верховным Судом РФ (см.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12 мая 2022 года по делу № АПЛ22-115).

В зарубежной практике подобные ограничения признаны неконституционными. Верховный Суд США при рассмотрении закона одного из штатов, запрещавшего лицам, совершившим преступления на сексуальной почве, доступ к социальным сетям отметил, что этот закон нарушает Первую поправку. Помимо прочего Суд отметил, что закон штата запрещал доступ к платформам, которые стали «для многих основными

платформы. Как правило, такое решение принимается в ответ на неоднократное нарушение пользователем правил социальной сети. Например, YouTube удаляет аккаунты пользователей после трехкратного нарушения правил платформы¹⁵². В исключительных случаях аккаунт пользователя может быть заблокирован при однократном серьезном нарушении норм без предварительного уведомления пользователя¹⁵³. К серьезным нарушениям правил платформы, например, относится размещение призывов к насилию, кибербуллинг, спам. Установление списка серьезных нарушений остается прерогативой владельца сервиса.

Аккаунт пользователя может быть заблокирован временно или бессрочно. Не всегда правила платформ определяют четкие критерии применения бессрочного ограничения доступа к платформе¹⁵⁴.

Наиболее заметной блокировка аккаунтов пользователей платформ и сопутствующие ей правовые проблемы стали заметны после удаления страниц Дональда Трампа на фоне штурма Капитолия в 2020 году, о чем подробнее будет сказано далее в работе. Подвергались блокировкам и российские политические деятели. Наиболее яркие примеры – это бессрочная блокировка аккаунтов в Facebook и Twitter Евгения Пригожина, а также временная блокировка страницы Дмитрия Рогозина. Оба события произошли в январе 2021 года и были связаны с комментариями указанных политиков к записям других пользователей¹⁵⁵.

источниками, позволяющими узнавать о текущих событиях, проверять объявления о приеме на работу, говорить и слушать на современной общественной площади и иным образом исследовать обширные сферы человеческой мысли и знаний». См.: United States Supreme Court. *Packingham v. North Carolina*, 582 U.S. 98 (2017).

¹⁵² См.: Community Guidelines strike basics on YouTube // URL: https://support.google.com/youtube/-answer/2802032?hl=en-GB&ref_topic=9387060&sjid=14953277583117461096-EU (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁵³ См., например: My personal Facebook account is disabled // URL: https://www.facebook.com/help/-103873106370583/?helpref=uf_share (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁵⁴ См., например: About suspended accounts // URL: <https://help.twitter.com/en/managing-your-account/suspended-twitter-accounts> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁵⁵ См.: Компания Пригожина сообщила о блокировке его страниц в Facebook и Twitter. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/01/2021/60112c6b9a794750525c7bf3> (дата обращения: 30.09.2023). Facebook на сутки заблокировал аккаунт Рогозина. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/01/2021/600d5a059a7947a5f078fe92> (дата обращения: 30.09.2023).

Таким образом, в распоряжении платформ имеются новые инструменты ограничения свободы выражения мнения пользователей, а именно *маркировка, теневое блокирование контента и блокирование пользователей платформ*. На данный момент отечественное законодательство не предлагает *достаточных* гарантий свободы выражения мнения, которые препятствовали бы применению платформами этих инструментов и чрезмерному ограничению прав пользователей платформ.

Проблема неограниченного усмотрения частного сектора парадоксальным образом усугубляется в связи с участием в модерации контента некоммерческих организаций. *Участие НКО в ограничении прав пользователей* представляется *второй особенностью* ограничения свободы выражения мнения в социальных сетях.

Неправительственные организации играют заметную роль в противодействии распространению незаконного контента и отслеживании нарушений авторского права¹⁵⁶. Так, например, по данным мониторинга Европейской комиссии в период с 28 марта по 13 мая 2022 года технологические компании получили 3634 уведомления о незаконном контенте от 36 организаций. В почти 60 % случаев доступ к контенту был заблокирован¹⁵⁷. Среди организаций, занимающихся мониторингом социальных сетей можно назвать Международную ассоциация горячих линий Интернета (International Association of Internet Hotlines, INHOPE), которая создана с целью предотвращения распространения в цифровом пространстве материалов, содержащих сцены насилия с участием детей¹⁵⁸. Аналогичную

¹⁵⁶ См.: Quintais J., Schwemer S. The Interplay between the Digital Services Act and Sector Regulation: How Special Is Copyright? // European Journal of Risk Regulation. Vol. 13. No. 2. 2022. P. 191–217.

¹⁵⁷ См.: 7th evaluation of the Code of Conduct. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/combating-discrimination/racism-and-xenophobia/eu-code-conduct-countering-illegal-hate-speech-online_en (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁵⁸ См.: Сайт Ассоциации INHOPE. <https://www.inhope.org/EN/our-story?locale=ru> (дата обращения: 30.09.2023). Партнером организации в России выступает Фонд «Содействие развитию сети Интернет «Дружественный Рунет». URL: <http://www.friendlyrunet.ru/index.phtml> (дата обращения: 30.09.2023).

деятельность в России ведет Ассоциация участников рынка интернет-индустрии «Лига безопасного интернета» (подробнее о ее деятельности ниже).

В рамках сотрудничества некоммерческие организации наделяются особым статусом. Цифровые компании называют их чаще всего *trusted reporters* или *trusted flagger* (буквально – доверенными отправителями сообщений)¹⁵⁹. Пока не существует общепринятого русского варианта данных терминов, наиболее удачным видится использование словосочетания «друзья платформ», по аналогии с существующем в конституционном праве понятием друзей суда. Последние, как известно, призваны делиться результатами профессиональной экспертизы с органами конституционного контроля. Друзья платформ выполняют схожие функции: они обладают необходимыми компетенциями для противодействия распространению в цифровом пространстве незаконного контента, а также способны давать рекомендации по развитию норм саморегулирования цифровых платформ¹⁶⁰.

Особый статус состоит в наличии привилегий по сравнению с обычными пользователями платформ в области модерации контента. Друзья платформ могут предупреждать социальные сети о возможном всплеске языка вражды в связи с событиями, происходящими офлайн¹⁶¹. Также они имеют возможность принимать участие в совершенствовании правил цифровых платформ, обладают особыми средствами сообщения о незаконном контенте, которые недоступны обычным пользователям. Это, в частности, возможность

¹⁵⁹ Платформы сотрудничают и с правительственными организациями, которые наделяются статусом *trusted flagger*. Проблема взаимодействия с государственными органами заслуживает рассмотрения в рамках отдельного исследования.

¹⁶⁰ Так, например, участники программы «Наблюдатель YouTube» получают возможность обсуждать с сотрудниками социальной сети решения по поводу контента. См.: О программе «Наблюдатель YouTube». URL: <https://support.google.com/youtube/answer/7554338?hl=ru&sjid=1197526891549496646-EU> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁶¹ Указанная мера упоминается в приложении к Кодексу по противодействию языку вражды онлайн – совместном заявлении технологических компаний и НКО. См.: <https://commission.europa.eu/system/files/2022-12/Annex%20to%20the%20Code%20%E2%80%93%20Joint%20statement%20by%20IT%20companies%20and%20trusted%20flagger%20organisations%20to%20enhance%20cooperation.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

автоматического удаления контента по обращению некоммерческой организации¹⁶².

Участие друзей платформ в модерации сопряжено с несколькими проблемами. В первую очередь, *критерии* наделения организаций особым статусом далеки от прозрачности. Они устанавливаются технологическими компаниями самостоятельно и не всегда их можно назвать объективными. Так, например, Facebook выдвигает критерии *наличия опыта* в мониторинге социальных сетей, *интереса* к познанию правил платформы в отношении контента, а также *приверженности идее* безопасной онлайн-среды¹⁶³. «Интерес» и «приверженность идее» – явно оценочные категории, предполагающие широкую дискрецию платформы в ходе отбора «достойного друга».

Во-вторых, участие некоммерческого сектора в модерации контента связано с риском непропорциональной реализации норм сообществ и чрезмерным удалением контента, то есть, - с чрезмерным ограничением права на свободу выражения мнения. Дело в том, что интересы платформ и некоммерческих организаций не совпадают. Первые хотят удалить *достаточное* количество контента, а третий сектор стремится удалить *как можно больше* незаконного контента¹⁶⁴. Стремление платформ сохранить максимальный объем контента объясняется тем, что информационное разнообразие делает социальную сеть привлекательной для пользователей. Некоммерческие организации, напротив, такой цели перед собой не ставят. Они, в силу разных причин, скорее будут стремиться подавать как можно большее количество жалоб на нелегальный контент.

¹⁶² См.: Appelman N., Leerssen P. On “Trusted” Flaggers // Yale Journal of Law & Technology. Vol. 24. 2022. P. 468.

¹⁶³ См.: Bringing local context to our global standards. URL: <https://transparency.fb.com/policies/improving/bringing-local-context> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁶⁴ См.: Schwemer S. Trusted notifiers and the privatization of online enforcement // Computer Law & Security Review. Vol. 35. No. 6. 2019. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/288817963.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

Последнее замечание можно проиллюстрировать количественными данными из сферы защиты интеллектуальной собственности. Так, мониторинг применения норм Закон об авторском праве в цифровую эпоху (Digital Millennium Copyright Act) показал, что около 4 % всех запросов об удалении контента на основании нарушения авторских прав не были обоснованы, около 28 % запросов вызвали сомнение. При этом наибольшее количество «некачественных» запросов было связано с изображениями в сети: 38 % запросов имели слабое обоснование¹⁶⁵.

Проблема большого количества слабо обоснованных жалоб усугубляется возможностью недобросовестного использования механизма уведомления о нелегальном контенте с целью осуществления цензуры. Широкую огласку получила практика направления правительством Эквадора (через юридическое лицо, зарегистрированное в Европейском Союзе) запросов на удаление контента с критикой действующей власти¹⁶⁶.

Наконец, прозрачность взаимодействия друзей платформ и социальных сетей находится на достаточно низком уровне. К примеру, социальная сеть Facebook не публикует информацию о количестве единиц контента, удаленного в ответ на обращения друзей платформы, не раскрывает список авторизованных организаций и не предоставляет сведений о том входят ли в этот перечень правительственные организации¹⁶⁷. Известно лишь, что сеть друзей платформы насчитывает более 400 организаций в 113 странах мира¹⁶⁸.

¹⁶⁵ См.: Urban J., Karaganis J., Schofield B. Notice and Takedown in Everyday Practice. UC Berkeley Public Law Research Paper No. 2755628. 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=27556288> (дата обращения: 30.09.2023). Другие примеры необоснованного удаления контента см.: Keller D. Empirical Evidence of “Over-Removal” by Internet Companies Under Intermediary Liability Laws. URL: <https://cyberlaw.stanford.edu/blog/2015/10/empirical-evidence-over-removal-internet-companies-under-intermediary-liability-laws> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁶⁶ См.: Sutton M. State Censorship by Copyright? Spanish Firm Abuses DMCA to Silence Critics of Ecuador's Government. URL: <https://www.eff.org/deeplinks/2014/05/state-censorship-copyright-spanish-firm-abuses-DMCA> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁶⁷ См.: Facebook: Improvements in transparency reporting more urgent amid Coronavirus pandemic. URL: <https://www.article19.org/resources/facebook-improvements-in-transparency-reporting-more-urgent-amid-coronavirus-pandemic/> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁶⁸ См.: Bringing local context to our global standards. URL: <https://transparency.fb.com/policies/improving/bringing-local-context> (дата обращения: 30.09.2023).

Под покровом тайны находится и взаимодействие платформы YouTube с общественными организациями: для получения статуса «Наблюдатель YouTube» неправительственная организация должна подписать соглашение о конфиденциальности с владельцем сервиса¹⁶⁹.

Эти проблемы, взятые вместе, приводят к возникновению вопроса о легитимности надления некоммерческих организаций особым статусом и соответствующими привилегиями¹⁷⁰.

Таким образом, взаимодействие некоммерческих организаций и социальных сетей приобретает форму постоянного сотрудничества. Это сотрудничество не лишено недостатков, среди которых, в том числе вероятность чрезмерного ограничения свободы выражения мнения пользователей платформ. Опасность непропорционального применения мер модерации контента ставит под сомнение легитимность всей конструкции участия третьего сектора в данном процессе. Действенным способом снижения рисков сотрудничества представляется обеспечение его прозрачности. Именно по такому пути идет европейский законодатель¹⁷¹.

В России наиболее активно участвует в модерации контента и в регулировании цифрового пространства Ассоциация участников рынка интернет-индустрии «Лига безопасного интернета». Направления деятельности этой некоммерческой организации включают, помимо прочего, защиту прав пользователей в интернете и борьбу с распространением противоправного контента. Кроме того, на сайте заявлено участие организации в разработке новой Концепции информационной безопасности детей¹⁷² и

¹⁶⁹ См.: О программе "Наблюдатель YouTube". URL: <https://support.google.com/youtube/-answer/7554338?hl=ru&sjid=1197526891549496646-EU> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁷⁰ См.: Schwemer S. Op. cit.

¹⁷¹ Подробнее об этом см. на с. 120–123 работы.

¹⁷² Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 года № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в РФ и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р» // СЗ РФ. 2023. № 19. Ст. 3481.

разработке четырех федеральных законов (без уточнения о каких именно актах идет речь)¹⁷³.

По данным сайта «Лиги безопасного интернета» за время ее существования (с 2011 года) было обработано около 400 тысяч обращений о распространении противоправного контента в интернете и заблокировано около 185 тысяч ресурсов с опасным контентом. На этом конкретная информация на сайте организации исчерпывается. На ресурсе не указаны участники ассоциации, конкретные федеральные законы, в разработке которых «Лига» приняла участие, детализированная информация о работе с обращениями граждан и блокировке контента¹⁷⁴. Остается непонятным на каких ресурсах размещался противоправный контент, кто блокировал доступ к нему и какое участие в этом процессе принимала «Лига»: только перенаправляла обращения граждан или активно призывала государственные учреждения и цифровые платформы блокировать противоправный с ее точки зрения контент?

В то же время социальные сети заявляют о сотрудничестве с государственными и общественными организациями: «Мы оперативно реагируем на обращения пользователей, государственных регуляторов и общественных организаций, а также блокируем страницы пользователей, которые распространяют наркотические вещества», - сказано в разделе Здоровая среда Центра безопасности социальной сети ВКонтакте¹⁷⁵. Однако на страницах Центра безопасности ВКонтакте нет информации о том, с какими конкретными общественными и государственными организациями социальная сеть сотрудничает, какие типы обращений от них получает и какова статистика удовлетворения требований о применении мер к пользователям.

¹⁷³ См.: Сайт Ассоциации «Лига безопасного интернета». URL: <https://ligainternet.ru/o-nas/> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁷⁴ См.: там же.

¹⁷⁵ Здоровая среда. URL: <https://vk.com/safety?section=health> (дата обращения: 30.09.2023).

Отсутствие требования о раскрытии информации делает процесс модерации контента непрозрачным. В то же время это именно та сфера, где с большой степенью вероятности возможно непропорциональное ограничение права на свободу выражения мнения. Таким образом чрезмерное ограничение прав пользователей *может быть как результатом действий владельцев платформ, так и организаций гражданского общества.*

Гарантией соблюдения прав пользователей в процессе модерации контента может стать *установление требований к прозрачности деятельности* некоммерческих организаций, взаимодействующих с социальными сетями¹⁷⁶.

Особым случаем участия некоммерческих организаций в модерации контента и *третьей особенностью* ограничения свободы выражения мнения пользователей социальных сетей представляется *деятельность специальной организации по разрешению споров относительно контента*. Такой организацией, в частности является Наблюдательный совет Meta (также известной под названием Facebook Oversight Board или Oversight Board). Наблюдательный совет создан для рассмотрения споров связанных с модерацией контента в социальных сетях компании Meta (Facebook и Instagram). Решения Наблюдательного совета обязательны для выполнения компанией «даже если я [генеральный директор и основатель компании Марк Цукерберг] или кто-либо в Facebook с этим не согласен»¹⁷⁷. В связи с этим нередко Наблюдательный совет называют «верховным судом Facebook».

Созданию Наблюдательного совета предшествовала серия провалов в модерации контента в социальной сети Facebook: от удаления фотографии

¹⁷⁶ В первую очередь речь идет о внесении изменений в статью 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Кроме того, соответствующие изменения потребуется внести и в Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 145). В последнем случае законодатель может пойти по пути расширения видов деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (пункт 1 статьи 31.1).

¹⁷⁷ Facebook's commitment to the Oversight Board. URL: <https://about.fb.com/wp-content/uploads/2019/09/letter-from-mark-zuckerberg-on-oversight-board-charter.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

«Ужас войны» («Terror of War») 1972 года, на которой изображены спасающиеся бегством дети во время атаки с использованием напалма во Вьетнаме¹⁷⁸ до провала модерации призывов к совершению насилия, который считается одним из главных факторов, способствовавших геноциду этнической группы рохинджа в Мьянме¹⁷⁹.

Впервые о создании «верховного суда Facebook» компания объявила в 2018 году. Затем последовал двухлетний период консультаций с различными общественными организациями. Предметом этих консультаций были устройство Наблюдательного совета, процедура отбора жалоб и рассмотрения дел, обеспечение независимости нового института от менеджмента компании и другие вопросы. Рассмотрение первого дела началось в 2021 году¹⁸⁰.

Деятельность Наблюдательного совета регулируется двумя документами: Уставом Наблюдательного совета¹⁸¹ и Регламентом¹⁸². Во многом эти документы по своему содержанию напоминают соответствующие нормативные акты, регулирующие деятельность судебных органов государства¹⁸³. Устав Наблюдательного совета регулирует отношения между компанией Meta, пользователями социальных сетей Facebook и Instagram, Наблюдательным советом, Фондом и доверительными управляющими

¹⁷⁸ Автор снимка, фотограф Ник Ут, получил за свою работу Пулитцеровскую премию – одну из самых престижных наград в области журналистики.

¹⁷⁹ См. подр.: Nourooz Pour H. Transitional justice and online social platforms: Facebook and the Rohingya genocide // *International Journal of Law and Information Technology*, Vol. 31. No. 2. 2023. P. 95–113; Whitten-Woodring J., et al. Poison If You Don't Know How to Use It: Facebook, Democracy, and Human Rights in Myanmar // *The International Journal of Press/Politics*. Vol. 25. No. 3. 2020. P. 407–425; Богуш Г.И., Кудинова О.Ф. Управа на Facebook: социальные сети в свете нарушений прав человека // *Международное правосудие*. 2020. № 4(36). С. 59–76.

¹⁸⁰ Историю создания Наблюдательного совета см. подр.: Klonick K. The Facebook Oversight Board: Creating an Independent Institution to Adjudicate Online Free Expression // *Yale Law Journal*. Vol. 129. 2020. No. 2418. P. 2418–2499.

¹⁸¹ Oversight Board charter. URL: <https://oversightboard.com/attachment/494475942886876/> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁸² Bylaws and Code of Conduct. URL: <https://www.oversightboard.com/attachment/578723797462534/> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁸³ Речь идет о законах, определяющих статус судебных органов власти (например, Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (СЗ РФ. 1997. № 1. ст. 1), и о нормативных актах, устанавливающих процедуры рассмотрения споров (например, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (СЗ РФ. 2002. № 46. ст. 4532).

(trustees), функция которых заключается в обеспечении финансовой независимости Совета от компании¹⁸⁴, а также организацией с ограниченной ответственностью (Oversight Board LLC), созданной с целью обеспечения деятельности Наблюдательного совета, заключения договоров с его членами и вспомогательным персоналом. Внесение изменений в Устав возможно по решению большинства доверительных управляющих с согласия компании Meta и большинства членов Совета (статья 6 Устава).

Регламент определяет порядок текущей деятельности Наблюдательного совета. Изменения в Регламент вносятся Советом самостоятельно, за исключением Кодекса поведения членов Совета и сотрудников его администрации, который является частью Регламента. Внесение изменений в этот документ должно быть одобрено доверительными управляющими.

Процедура рассмотрения спора Наблюдательным советом может быть разделена на несколько стадий. На первой стадии пользователь социальной сети направляет жалобу на удаление размещенного им контента. Затем происходит отбор жалоб. Критерии отбора жалоб устанавливаются Советом ежегодно. В перечень критериев включаются *вопросы*, имеющие большую значимость для публичного дискурса, затрагивающие большое количество пользователей и отражающие языковое и географическое разнообразие. В 2022 году приоритетными вопросами были названы *выборы, кризисы и конфликты, язык вражды, использование социальных сетей публичными субъектами* и другие темы¹⁸⁵. Если жалоба соответствует установленным Советом критериям, то для ее рассмотрения назначается секция, состоящая из пяти членов Совета, один из которых представляет регион пользователя, направившего жалобу. Секция рассматривает дело по существу, готовит текст

¹⁸⁴ Доверительных управляющих шесть. См. полный список: <https://www.oversightboard.com/governance/> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁸⁵ См.: Overarching Criteria for Case Selection. URL: <https://www.oversightboard.com/attachment/5811051945613525/> (дата обращения: 30.09.2023).

решения. Итоговый текст затем одобряется Наблюдательным советом и публикуется на его сайте. С момента начала своей работы Совет принял 78 решений (два из которых связаны с российским сегментом социальной сети Facebook) и 3 заключения (policy advisory opinions)¹⁸⁶.

Деятельность Наблюдательного совета имеет два позитивных последствия. Во-первых, она позволяет выявлять слабые стороны разработки норм саморегулирования социальных сетей и делает их доступными для широкой публики. Во-вторых, Наблюдательный совет является площадкой для легитимации норм саморегулирования путем вовлечения большего количества заинтересованных сторон в процесс обсуждения возникающих в процессе модерации контента споров (Совет открыт к комментариям от различных организаций, которые напоминают *amicus curiae*)¹⁸⁷.

Для того чтобы деятельность Наблюдательного совета могла рассматриваться в качестве действительно эффективной институциональной гарантии свободы выражения мнения платформ необходимо найти ответы на ряд вызовов, которые сегодня стоят перед этой уникальной организацией¹⁸⁸.

В первую очередь, перед Наблюдательным советом стоит *проблема легитимности* его решений. Действительно, беспристрастность Совета при разрешении дел вызывает большие сомнения. К обстоятельствам позволяющим ставить вопрос о действительной независимости Совета можно отнести то, что в отборе первоначального состава Наблюдательного совета активно участвовал менеджмент компании Meta, а также то, что компания продолжает финансировать деятельность Совета. Совет пытается обосновать свою легитимность через принимаемые им решения, побуждающие к

¹⁸⁶ Список решений Наблюдательного совета см.: Case decisions and policy advisory opinions. URL: <https://www.oversightboard.com/decision/> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁸⁷ См.: Douek E. Facebook's oversight board: Move fast with stable infrastructure and humility // North Carolina Journal of Law & Technology. Vol. 21. Iss. 1. URL: <https://scholarship.law.unc.edu/ncjolt/vol21/iss1/2> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁸⁸ Обзор проблем см.: Schultz M. Six Problems with Facebook's Oversight Board. Not enough contract law, too much human rights // Bayer J. et. al. (eds.) Perspectives on Platform Regulation. Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG., 2021. P.145–164; Wong D., Floridi L. Meta's Oversight Board: A Review and Critical Assessment // Minds & Machines. Vol. 33. 2023. P. 261–284.

имплементации международных стандартов прав человека¹⁸⁹ в нормы саморегулирования платформ¹⁹⁰. Укреплению легитимности может также способствовать деятельность Совета, направленная на *повышение прозрачности* взаимодействия социальных медиаплатформ с заинтересованными сторонами (стейкхолдерами)¹⁹¹, а также систем рекомендаций платформ¹⁹².

Правовые инструменты, призванные способствовать преодолению недостаточной легитимности Наблюдательного совета и других аналогичных институтов, также должны быть созданы. Это необходимо, поскольку Наблюдательный совет в соответствии со своим Уставом не может принимать решения, противоречащие национальному законодательству страны пользователя, вовлеченного в конфликт. Создание соответствующей конституционно-правовой базы для деятельности Совета минимизирует риск его конфронтации с правительствами национальных государств. В то же время, как было отмечено выше, Наблюдательный совет все больше опирается на международные стандарты прав человека и советующие документы (в первую очередь на Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН). Это обстоятельство может способствовать возникновению напряженности, поскольку в перспективе дает основание Совету оценивать действия Meta по реализации национального права¹⁹³.

Акт о цифровых услугах ЕС устанавливает процедуру внесудебного разрешения споров лицензированными общественными организациями, что

¹⁸⁹ Одновременно с этим Совет не имеет цели реализовывать местное законодательство. Т.е. решение относительно пользовательского контента не учитывает положения законодательства страны, гражданином которой является заявитель, что следует из статьи 7 Устава Наблюдательного совета.

¹⁹⁰ См.: Price M.E., Price J.M. Building Legitimacy in the Absence of the State: Reflections on the Facebook Oversight Board // International Journal of Communication. Vol. 17. 2023. P. 3315–3365.

¹⁹¹ См.: Dvoskin B. Expertise and participation in the Facebook oversight board: From reason to will // Telecommunications Policy. Vol. 47. No. 5. 2023. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0308596122001653> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁹² См.: Edward L. The Oversight Board's Dormant Power to Review Facebook's Algorithms // Yale Journal on Regulation Bulletin. Vol. 23. No. 1. URL: <https://www.yalejreg.com/bulletin/the-oversight-boards-dormant-power-to-review-facebooks-algorithms/> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁹³ См.: Wong D., Floridi L. Meta's oversight board: a review and critical assessment // Minds and Machines. Vol. 33. No. 2. 2023. P. 261–284.

является косвенным признанием благоприятных перспектив такого способа разрешения конфликтов со стороны ЕС. Выдача лицензий началась в марте 2024 года, поэтому оценивать эффективность этого механизма пока рано¹⁹⁴. Распространяются ли соответствующие нормы на деятельность Наблюдательного совета также предстоит еще выяснить.

Российское законодательство, а именно Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», не устанавливает каких-либо требований к процедуре рассмотрения споров по поводу контента с привлечением НКО. Процедура разрешения споров с участием Роскомнадзора будет подробно рассмотрена в разделе 2.3. работы, здесь же достаточно отметить, что опыт функционирования Наблюдательного совета и лицензированных организаций в ЕС может быть плодотворным источником для совершенствования отечественной системы разрешения споров между платформами и пользователями. Организации третьего сектора вполне способны взять на себя функцию не только модерации записей пользователей (друзья платформ), но и стать посредником в разрешении споров по поводу контента. В таком случае за Роскомнадзором останется функция лицензирования НКО, контроля за исполнением их решений и другие сопряженные функции.

Важный вопрос – непосредственный состав арбитров по разрешению споров. Наиболее удачным представляется пойти по пути равного удаления арбитров как от бизнеса, так и от государственных органов. Поэтому в круг предполагаемых судей должны входить видные общественные деятели, обладающие безупречной репутацией – представители некоммерческого сектора, искусства, образования и науки, духовенства и других сфер общественной жизни. Отсутствие в этом перечне представителей государства вовсе не означает умаления его интересов. Достаточно того, что государство

¹⁹⁴ См.: Husovec M. Certification of Out-of-court Dispute Settlement Bodies under the Digital Services Act. URL: <https://ssrn.com/abstract=4501726> (дата обращения: 30.09.2023).

устанавливает общие правила взаимодействия в сети и будет лицензировать деятельность таких организаций (в России это полномочие может осуществлять Роскомнадзор).

Вторая проблема – исполнение решений Наблюдательного совета. Meta выполняет далеко не все рекомендации Совета. В 2022 году из 191 рекомендации 29 были отмечены компанией как уже реализованные, но Совет не обнаружил тому доказательств; 10 рекомендаций были отклонены компанией, а еще 23 рекомендации были попросту проигнорированы¹⁹⁵. Рекомендации Совета не обязательны к исполнению платформой, однако немотивированный отказ или введение в заблуждение относительно изменения политики компании представляются недопустимыми.

Третья проблема для Наблюдательного совета – это *доступность организации для пользователей*. В 2022 году пользователи подали 1.290.942 апелляции на решения платформы¹⁹⁶ (для сравнения в тот же период ЕСПЧ получил 45.500 жалоб¹⁹⁷). Решение же было вынесено по 7 жалобам (еще 5 запросов сделала Meta). Соотношение этих цифр наводит на мысль о недоступности обжалования решений платформы для пользователей. Конечно, Наблюдательный совет не может выносить развернутые решения по всем обращениям пользователей и отбирает только существенные кейсы. По мнению Совета, таким образом организация фокусируется на разрешении глобальных проблем и не тратит ресурсы понапрасну. Однако, как отмечают эксперты, на сегодняшний день не существует надежной системы оценки влияния решений Наблюдательного совета на глобальный уровень свободы выражения мнения онлайн¹⁹⁸. В любом случае, Совет в будущем вынужден

¹⁹⁵ См.: 2022 Annual Report: Oversight Board reviews Meta's changes to bring fairness and transparency to its platforms. URL: <https://www.oversightboard.com/news/560960906211177-2022-annual-report-oversight-board-reviews-meta-s-changes-to-bring-fairness-and-transparency-to-its-platforms/> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ См.: ECtHR. Analysis of statistics 2023. URL: <https://www.echr.coe.int/statistical-reports> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁹⁸ См.: Douek E. The Meta Oversight Board and the Empty Promise of Legitimacy (September 7, 2023). Harvard Journal of Law & Technology, Vol. 37, 2024 Forthcoming. URL: <https://ssrn.com/abstract=4565180> (дата обращения: 30.09.2023).

будет адаптировать свою деятельность к большему количеству жалоб, а подобные ему организации должны с самого начала своей деятельности учитывать эту проблему. Источником идей в данном случае может стать Европейский Суд и его ноу-хау в этой области, например, пилотные постановления.

Таким образом, социальные сети могут создавать квазисудебные институты для разрешения споров. Именно по такому пути следует компания Meta, Наблюдательный совет которой решает споры относительно контента в социальных сетях Facebook и Instagram и дает рекомендации по развитию норм саморегулирования цифровой платформы. В деятельности Совета прослеживаются три проблемы – *легитимности его решений, их исполнения и доступности обжалования* для пользователей платформ. Преодоление этих проблем возможно при помощи *конституционно-правовых* инструментов.

Для этого необходимо в соответствующих законодательных актах признать возможность деятельности таких организаций по разрешению споров, установить гарантии реализации их решений владельцами социальной сети (например, внедрить систему мониторинга органами власти исполнения таких решений и ввести систему административных штрафов за их игнорирование), разработать прозрачные критерии приемлемости жалоб (к примеру, сроков, обоснованности (аргументированности) и т.д.). Опыт функционирования Наблюдательного совета может быть полезен для построения эффективной системы разрешения споров по поводу контента в России. Кооперация бизнеса и НКО в разрешении споров позволит передать функцию по рассмотрению споров относительно контента от Роскомнадзора третьему сектору. Ведомство при этом получит возможность лицензировать деятельность НКО, контролировать исполнение решений независимых советов и выполнять другие необходимые функции.

Подводя итог настоящему параграфу, отметим, что ограничению свободы выражения мнения пользователей социальных сетей характерны по

меньшей мере *три* особенности, каждая из которых требует установления дополнительных гарантий свободы выражения мнения.

Во-первых, владельцы социальных сетей имеют в своем распоряжении новые инструменты ограничения свободы выражения мнения. В частности, это *блокировка* доступа пользователя к платформе, *маркировка* контента или ограничение его распространения при помощи инструментов *теневого блокирования* контента. Применение этих средств ограничения свободы выражения мнения не регулируется отечественным конституционным правом на должном уровне. В этой связи представляется необходимым включение в законодательство таких гарантий свободы выражения мнения как *обязательное уведомление пользователя* о применении ограничительных мер к его контенту, *предоставление ему возможности обжаловать* маркировку контента и другие *ограничения* доступа к платформам. Предстоит также уточнить *круг субъектов*, которые могут рассматривать эффективно жалобы пользователей.

Во-вторых, заметную роль в ограничении свободы выражения мнения пользователей платформ играют некоммерческие организации. Парадоксальным образом участие НКО делает процесс модерации контента менее прозрачным. В этом случае гарантией прав пользователей может стать *установление требований к прозрачности* взаимодействия третьего сектора и социальных сетей. Обе стороны этого взаимодействия должны публиковать информацию о количестве обращений, направленных владельцам платформ, о результатах рассмотрения таких обращений, сведения об участии в разработке нормативных актов, норм саморегулирования платформ и другие существенные данные.

В-третьих, владельцы социальных сетей предприняли попытку установить институциональные гарантии свободы выражения мнения пользователей социальных сетей. С этой целью компанией Meta была создана независимая организация для рассмотрения споров по поводу удаления

контента – Наблюдательный совет. Деятельность этой организации регулируется только нормами саморегулирования (кроме юрисдикции ЕС, где нормы Акта о цифровых услугах потенциально могут распространяться на деятельность Совета). Международные акты используются Наблюдательным советом при обосновании своих решений. Последние не должны противоречить национальному законодательству страны автора контента. *Основная проблема* Совета, как и других подобных организаций, возникновение которых возможно в будущем, заключается в обосновании легитимности ее деятельности. Правовым способом преодоления этой проблемы может стать реформирование законодательства в пользу *признания* таких организаций и установления *гарантий* реализации их решений владельцами социальной сети, *критериев* приемлемости жалоб и других важных аспектов их деятельности.

1.3. Конституционно-правовые гарантии прав и блокирование доступа к социальным сетям в Российской Федерации¹⁹⁹

Законодательство может устанавливать разнообразные гарантии свободы выражения мнения в социальных сетях. Однако гарантии утрачивают свою ценность, когда государство принимает решение об исключении из правового поля отдельных цифровых платформ. Более того, в стремлении защитить права граждан действия государства порой влекут «непредвиденные» ограничения ряда свобод. В этом отношении показателен случай блокирования доступа к социальным сетям Facebook и Instagram в России.

В марте 2022 года компания Meta изменила политику модерации контента. Корпорация разрешила пользователям социальных сетей Facebook и Instagram публиковать призывы к насилию по отношению к военнослужащим и к президенту РФ²⁰⁰. Ранее такие призывы удалялись на основании нарушений правил платформ о недопустимости языка вражды²⁰¹.

К моменту изменения политики компании Facebook уже был частично заблокирован на территории России в связи нарушением основополагающих

¹⁹⁹ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Булгаков А.Э. Доктрина охлаждающего эффекта как универсальный инструмент защиты прав // Государственная власть и местное самоуправление. № 5. 2024. С. 18–22.

²⁰⁰ Призывы к насилию конвертируются в реальное насилие, как показало исследование активности СМИ во время геноцида руандских тутси. См.: Yanagizawa-Drott D. Propaganda and Conflict: Evidence from the Rwandan Genocide // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 129. Iss. 4. 2014. P. 1947–1994.

²⁰¹ Изменения политики компании появились в СМИ и впоследствии были подтверждены представителями Meta. См.: Meta's Ongoing Efforts Regarding Russia's Invasion of Ukraine. URL: <https://about.fb.com/news/2022/02/metas-ongoing-efforts-regarding-russias-invasion-of-ukraine/> (дата обращения: 12.11.2023). Вероятно, компания отказалась от удаления спорной информации из-за высоких финансовых издержек модерации контента не на английском языке. Ранее Meta обвинялась в неприятии должных мер по модерации контента во время геноцида народа рохинджа в Мьянме. См.: Myanmar: The social atrocity: Meta and the right to remedy for the Rohingya. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/ASA16/5933/2022/en/> (дата обращения: 12.11.2023).

прав и свобод человека²⁰². Доступ к Instagram как к ресурсу, распространяющему информацию с нарушением закона²⁰³, также был ограничен. Однако Генеральная прокуратура потребовала запретить деятельность компании Meta по реализации ее продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram на территории РФ ввиду осуществления экстремистской деятельности. Суд поддержал заявленные требования²⁰⁴. В юридической практике это первый случай признания частной компании экстремистской организацией²⁰⁵. Ее услугами пользовалось значительное число граждан (количество пользователей Facebook и Instagram в России составляло примерно 80 млн и 60 млн, соответственно).

Нередко, сопоставляя решения российских судов с практикой зарубежных органов правосудия в рамках дихотомии «хорошо-плохо», мы обедняем практический потенциал сравнительного исследования, ограничиваясь движением в пределах этой оценочной шкалы. Между тем внимания заслуживают юридические инструменты, которые используются или от применения которых воздерживаются в разных правовых порядках. В связи с делом о запрете Facebook и Instagram представляется возможным обратиться к доктрине охлаждающего эффекта (*chilling effect*)²⁰⁶, которая, как будет показано далее, универсальна в юрисдикционном измерении и с точки зрения каталога прав человека.

²⁰² Статья 3.3 Федерального закона от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). ст. 7597.

²⁰³ Статья 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). ст. 3448.

²⁰⁴ Решение Тверского районного суда от 21 марта 2022 года по делу № 02-2473/2022.

²⁰⁵ Поэтому дело рассматривалось по правилам Гражданского процессуального кодекса РФ, а не Кодекса административного судопроизводства РФ. Последний применим только к случаям ликвидации НКО, религиозных и незарегистрированных общественных объединений.

²⁰⁶ Иногда в литературе название доктрины переводится как «настораживающее воздействие» или «сдерживающий эффект». Здесь используется наиболее популярный вариант перевода. См., напр.: Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской Конвенции. Учебное пособие для вузов / Экштайн К. - М.: Nota Bene, 2004. С. 152; Швердяев С.Н. Потенциал средств массовой информации как института общественного антикоррупционного контроля // Журнал российского права. 2017. № 9 (249). С. 142–150 и др.

В основе доктрины охлаждающего эффекта лежит идея о том, что ошибочное ограничение свободы приносит больший социальный ущерб, чем ошибочное расширение свободы²⁰⁷. Например, охлаждающий эффект возникает в том случае, когда лица, желающие заниматься определенной деятельностью, лишаются этой возможности в результате правительственного регулирования, не направленного непосредственно на эту деятельность²⁰⁸. Иными словами, доктрина *раскрывает природу косвенного посягательства*²⁰⁹ на конституционные права лица, когда оно формально не ограничено в их осуществлении, но решения органов власти объективно препятствуют этому.

В научной литературе охлаждающий эффект рассматривается как инструмент управления в руках авторитарных лидеров²¹⁰. Поэтому суды, в том числе, в целях конституционного контроля, применяют ее, чтобы выявить истинную правовую природу действий государственных органов и их должностных лиц, формально, казалось бы, не направленных на ограничение конкретных прав, но фактически несоразмерно их ограничивающие.

Усугубляет положение текущий уровень развития цифровых технологий. Когда речь идет об автоматизированном контроле за поведением граждан, охлаждающий эффект «не только удерживает человека от некоторых действий, но и подталкивает его к совершению других»²¹¹. Например, пользователи социальных сетей под угрозой юридической ответственности

²⁰⁷ См.: Schauer F. Fear, risk and the first amendment: Unraveling the chilling effect // Boston University Law Review. Vol. 58. 1978. P. 693.

²⁰⁸ Ibid. P. 688.

²⁰⁹ В теории права и конституционной доктрине в связи с характеристикой конституционных прав чаще используется термин «ограничение прав». Однако упомянутый термин может обозначать разные юридические явления. Особенно это справедливо для конституционного права, где «ограничение прав» выражается в трех основных формах: пределы (сфера защиты), вмешательства (посягательство или вторжение) и тесты («пределы пределов», критерии вмешательства). Например, право на свободу и личную неприкосновенность имеет предел в форме допустимого задержания лица на срок не более 48 часов без решения суда, а вмешательством в рассматриваемое право в тексте статьи 22 Конституции РФ названы арест и содержание под стражей. См. подробнее: Должиков А. стакан наполовину полон или пуст? Вмешательство как форма ограничения конституционных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1 (122). С. 80–112.

²¹⁰ См.: Уитц Р. Конституционные практики в эпоху «после свободы» // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 6 (145). С. 60–61.

²¹¹ Талапина Э.В. Автоматизированное принятие решений в государственном управлении: теоретический разбор возможностей // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 65.

зачастую удаляют контент с упоминанием экстремистских или нежелательных на территории России организаций. Нередко правоохранительные органы собирают соответствующие доказательства при помощи систем «Призма», «Инцидент менеджмент» и других программных продуктов²¹².

В судебной практике США – где доктрина появилась, – ее применение началось с дел об ограничении свободы выражения мнения. Позднее Верховный Суд США начал применять доктрину при оценке допустимости ограничения права на отказ от дачи показаний, на свободу передвижения и других прав²¹³. По пути широкого использования этого инструмента пошли Европейский Суд и национальные органы конституционного контроля зарубежных государств.

И хотя доктрина охлаждающего эффекта не могла быть применена в деле о запрете деятельности компании Meta в России, данный процесс дает повод задуматься о перспективах применения рассматриваемого инструмента в отечественной практике.

Впервые идея о том, что решение исполнительной власти может негативно влиять на свободу выражения мнения широкого круга лиц, встречается в особом мнении судьи Верховного Суда США Феликса Франкфуртера по делу *Wieman v. Updegraff*²¹⁴. Соглашаясь с позицией большинства Суда о нарушении Первой поправки при предъявлении требования к учителям давать клятву, судья Франкфуртер отметил, что «[т]акое необоснованное ограничение свободы духа преподавателей затрагивает *не только тех, кто, подобно истцам, непосредственно находится в суде.* Оно

²¹² Показательный пример – привлечение к административной ответственности политика Николая Кавказского за демонстрацию символики экстремистской организации на своей странице в Facebook (ч. 1 ст. 20.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях). Из-за вступления в силу решения суда политик не смог принять участие в муниципальных выборах в Москве в 2022 году. Запись в социальной сети с изображением символики экстремистской организации была сделана в сентябре 2021 года. Решение Басманного районного суда города Москвы от 24 июня 2022 года по делу № 05-2161/2022.

²¹³ См.: P. Note: The Chilling Effect in Constitutional Law // Columbia Law Review. Vol. 69. No. 5. 1969. P. 832–840.

²¹⁴ United States Supreme Court. 344 U.S. 183, 195 (1952) (Frankfurter, J., concurring).

имеет несомненную тенденцию к подавлению той свободной игры духа, которую *все преподаватели* должны особенно культивировать и практиковать».

Десятью годами позднее понятие «chilling effect» впервые появляется в основном тексте решения по делу *Gibson v. Florida Legislative Investigation Committee*²¹⁵. Суд указал на особое значение Первой поправки в случае, «когда речь идет о частной жизни лиц, отстаивающих убеждения, которые так *непопулярны среди их соседей*, что сдерживающий и “охлаждающий” эффект свободного осуществления конституционно закрепленных прав на свободу выражения мнений и объединений, является более непосредственным и существенным».

Непопулярность защищаемой точки зрения может усиливать охлаждающий эффект решений исполнительной власти. В таких случаях его первопричиной иной раз оказывается правовая неопределенность регулирования. На это указал в своем особом мнении по делу *Walker v. City of Birmingham*²¹⁶ судья Уильям Бреннан: «Мы сформировали как материальные права, так и процессуальные средства правовой защиты перед лицом различных конфликтующих интересов, чтобы соответствовать нашему главному долгу оградить всех людей от “охлаждающего эффекта” при осуществлении свобод, предусмотренных Первой поправкой, вызванного *нечеткостью, чрезмерной широтой и неограниченной свободой усмотрения в ограничении их осуществления*».

В большинстве случаев доктрина охлаждающего эффекта используется в рамках стандартного для Верховного Суда США метода взвешивания (balancing test) для определения того какие действия государства являются

²¹⁵ United States Supreme Court. *Gibson v. Florida Legislative Investigation Comm.*, 372 U. S. 556, 557 (1963).

²¹⁶ United States Supreme Court. *Walker v. City of Birmingham*, 388 U.S. 307, 344–45 (1967) (Brennan, J., dissenting).

неконституционным ограничением конституционных прав²¹⁷. В этом случае доктрина «подсвечивает» *негативные последствия решения* суда для других лиц, находящихся в таком же положении, как и заявитель²¹⁸. Например, в ключевом для сферы применения Первой поправки деле *New York Times Co. v. Sullivan*²¹⁹ Суд пришел к выводу, что правила, толкающие авторов к *отказу от публикации из-за опасения судебного разбирательства*, несовместимы с Первой поправкой. Здесь Суд выстраивает аргументацию от противного: он утверждает, что если оппоненты власти будут вынуждены доказывать в суде истинность всех своих утверждений о фактах, то «потенциальные критики поведения должностных лиц будут воздерживаться от критических высказываний, (...) даже, если [высказывания], действительно, правдивы, из-за сомнений в том, что это можно доказать в суде, или из-за страха перед [судебными] расходами». Именно к таким последствиям для общественной дискуссии могло привести решение Суда, если бы он не ввел понятие *действительного злого умысла (actual malice)*²²⁰.

²¹⁷ Note: The Chilling Effect in Constitutional Law // Columbia Law Review. Vol. 69. No. 5. 1969. P. 809. Также доктрина охлаждающего эффекта может быть использована для снятия процессуальных преград рассмотрения дела в суде, а именно для преодоления доктрины невмешательства (abstention doctrine). Доктрина невмешательства представляет собой правило, в соответствии с которым суд может (а в некоторых случаях должен) воздержаться от рассмотрения дела, когда сам факт судебного слушания потенциально может привести к коллизии полномочий с другим судом Соединенных Штатов (См.: Weinberger L. Frankfurter, Abstention Doctrine, and the Development of Modern Federalism: A History and Three Futures // University of Chicago Law Review. Vol. 87. Iss. 7. 2020. P. 1737–1797). В частности, доктрина охлаждающего эффекта была использована для преодоления невозможности рассмотрения дела *Dombrowski v. Pfister* (United States Supreme Court. 380 U.S. 479 (1965), в котором Суд пришел к выводу, что угроза судебного преследования на основании законов штата допускающих чрезмерно широкое (overbroad) толкование представляет значительную угрозу свободе выражения мнения и это само по себе является достаточным основанием для федерального вмешательства).

²¹⁸ Ibid. P. 822. Множество примеров применения доктрины можно найти в решениях касающиеся свободы ассоциаций, когда к союзам выдвигались требования раскрыть списки участников объединений. См., напр.: United States Supreme Court. *Shelton v. Tucker*, 364 U.S. 479 (1960); *Communist Party of the United States v. Subversive Activities Control Bd.*, 367 U.S. 1, 90 (1961) и др.

²¹⁹ United States Supreme Court. 376 U.S. 254 (1964).

²²⁰ Наличие такого умысла должен доказать государственный служащий (public official) для привлечения нарушителя к ответственности. Действительный *злой умысел* имеет место, когда оскорбительный материал содержит заведомо ложную информацию, или опубликован с пренебрежением (reckless disregard) к тому, была она ложной или нет. См.: United States Supreme Court. *New York Times Co. v. Sullivan*. 376 U.S. 254, 279–280 (1964). Этот стандарт доказывания не применяется в спорах о диффамации частного лица. См.: United States Supreme Court. *Gertz v. Robert Welch, Inc.*, 418 U.S. 323 (1974).

Угроза судебного преследования рассматривалась в качестве охлаждающего эффекта реализации Первой поправки и в делах, где стороной выступал информационный посредник – издатель или распространитель печатных материалов. Показательно в этом плане решение Верховного Суда США по делу *Bantam Books, Inc. v. Sullivan*²²¹. Суд признал угрозы судебного преследования в отношении книжных магазинов, исходящие от Комиссии штата Род-Айленд по поощрению нравственности в молодежной среде, равносильными неформальной цензуре²²². Аналогичные правила применимы и в отношении социальных сетей, которые также выполняют функции информационных посредников.

В связи с деятельностью социальных сетей доктрина охлаждающего эффекта уже используется в Соединенных Штатах как аргумент в спорах об ответственности цифровых платформ за результаты работы алгоритмов рекомендаций. Рекомендации на основе алгоритмов в США пользуются защитой секции 230 Акта о соблюдении приличий в коммуникациях, в соответствии с которой платформы не несут ответственности за размещаемый пользователями контент. Исключение алгоритмов из этого правила привело бы к необходимости радикального изменения политики платформ в отношении пользовательского контента. В таком случае социальные сети будут вынуждены или удалять большее количество пользовательского контента, или

²²¹ United States Supreme Court. *Bantam Books, Inc. v. Sullivan*, 372 U.S. 58 (1963). Четыре дистрибьютора печатных изданий обжаловали в суде действия Комиссии штата Род-Айленд по поощрению нравственности в молодежной среде. Комиссия рекомендовала правоохранительным органам подавать иски против дистрибьютеров, отказывающихся от снятия с полок непристойной, по мнению Комиссии, литературы. Дистрибьютеры считали такую практику цензурой. Правовой механизм обжалования действий Комиссии отсутствовал, поскольку она не имела статуса государственного органа. Верховный Суд США не только усмотрел в действиях Комиссии нарушение Первой поправки, но и признал, что на них распространяется Четырнадцатая поправка к Конституции США (запрет на ограничение прав во внесудебной процедуре) поскольку Комиссия действовала «под прикрытием законов штата» («under color of state law»). Сегодня в научной литературе существует точка зрения, согласно которой охлаждающий эффект может быть вызван действиями частных субъектов (в форме критики, бойкота, преследований на рабочем месте и др.), которые, в свою очередь, вызваны действиями государственных органов. См. Youn M. *The Chilling Effect and the Problem of Private Action* // *Vanderbilt Law Review*. Vol. 66. No. 5. 2013. P. 1471–1539.

²²² Кроме того, суд отмечал «почти равную силу» угрозы применения наказания и действительного применения наказания в решении по делу *NAACP v. Button* (United States Supreme Court. 371 U.S. 415, 486 (1963)).

отключить алгоритмы рекомендаций. Учитывая принципы функционирования социальных сетей, с достаточной степенью уверенности можно предположить, что владельцы платформ сделают выбор в пользу удаления пользовательского контента. В случае такого развития событий, в первую очередь, следует ожидать устранения высказываний представителей политической оппозиции, спорных суждений или критики в отношении власти (*critical of the powerful*), то есть высказываний, вносящих заметный вклад в общественную дискуссию²²³.

В этом отношении показателен пример использования норм авторского права для удаления критического по отношению к правительству Эквадора контента на Facebook, Twitter и YouTube. Частная консалтинговая компания по поручению правительства этой страны подавала жалобы на политический контент используя нормы авторского права США. Впоследствии платформы восстанавливали доступ к заблокированному контенту, поскольку использование защищаемых материалов возможно для производства критических комментариев или пародий. Однако именно пользователи понесли существенные издержки связанные с необходимостью подавать апелляции на слаженные действия платформ и фирм, специализирующихся на защите авторского права, конечными патронами которых могут выступать публичные субъекты²²⁴.

Отдельного внимания заслуживает использование доктрины охлаждающего эффекта в контексте мониторинга активности пользователей в социальных сетях. Мониторинг, как отмечается в литературе, имеет охлаждающий эффект для реализации свободы выражения мнения в сетевом

²²³ См.: Brief of The Knight First Amendment Institute at Columbia University as Amicus Curiae in Support of Respondent. P. 10–14. URL: <https://knightcolumbia.org/cases/gonzalez-v-google> (дата обращения: 12.11.2023). В деле *Gonzalez v. Google LLC* (598 U. S. ____ (2023)), в рамках которого и было подготовлено заключение amicus curiae, Верховный суд США отказался от рассмотрения возможности применения Секции 230 Акта о соблюдении приличий в коммуникациях, поскольку дело должно быть рассмотрено на тех же основаниях, что и дело *Twitter, Inc. v. Taamneh* (598 U. S. ____ (2023)), где суд счел недоказанным пособничество в совершении террористического акта социальными сетями с помощью алгоритмов рекомендаций.

²²⁴ См.: Vivanco J. *Censorship in Ecuador has made it to the Internet*. URL: <https://www.hrw.org/news/2014/12/15/censorship-ecuador-has-made-it-internet> (дата обращения: 12.11.2023).

пространстве²²⁵. Дело в том, что законодательно мониторинг социальных сетей не ограничен. Положение затрудняет и тот факт, что мониторинг социальных сетей зачастую передается частным подрядчикам, которые стремятся защитить свои ноу-хау. В итоге общество остается в неведении относительно того насколько в действительности практика мониторинга социальных сетей распространена, объективны ли выводы, полученные в результате анализа собранной информации и эффективен ли мониторинг в целом²²⁶.

Исходя из краткого анализа применения доктрины охлаждающего эффекта в практике Верховного Суда США можно сделать *следующие выводы* полезные и для отечественной правовой системы. Прежде всего, охлаждающий эффект представляет собой *косвенное осуществление цензуры*. В данном случае цензура выступает в *форме угроз уголовного преследования* и связанных с судебной процедурой *издержками*, в том числе материальными. Как и в случаях применения традиционных форм цензуры, охлаждающему эффекту в первую очередь *подвержены критики власти и выразители непопулярных точек зрения*, вносящие заметный вклад в общественную дискуссию и на этом основании требующие защиты.

Доктрина охлаждающего эффекта стала для Верховного Суда США необходимым средством восстановления баланса в сфере реализации Первой поправки в делах о критике действий представителей власти. Но этим ее потенциал не исчерпывается. Как было указано выше, данная доктрина также может быть использована для более точного распределения ответственности за распространение запрещенной законом информации в социальных сетях.

²²⁵ Мониторинг должен быть признан обыском для того, чтобы на него распространялись правила Четвертой поправки к Конституции США, которая запрещает необоснованные обыски и задержания. Кроме того, требуется пересмотреть доктрину третьей стороны, в соответствии с которой информация, свободно переданная третьему лицу, не получает защиты на основании Четвертой поправки. См. об этом также: Shankar S. Fourth Amendment Constraints on Automated Surveillance Technology in the Public to Safeguard the Right of an Individual to be “Secure in Their Person” // Journal of Business & Technology Law. Vol. 18. Iss. 2. 2023. P. 209–249.

²²⁶ См.: Scott J. Social media and government surveillance: The case for better privacy protections for our newest public space // Journal of Business & Technology Law. Vol. 12. Iss. 2. 2017. P. 151–164. См. также: Stoycheff E. Under surveillance: Examining Facebook’s spiral of silence effects in the wake of NSA internet monitoring // Journalism & Mass Communication Quarterly. Vol. 93. Iss. 2. 2016. P. 296–311.

Последний вариант актуален и для российского регулирования цифрового пространства.

Практика применения доктрины охлаждающего эффекта не ограничивается только юрисдикцией Соединенных Штатов. Опыт Европейского Суда по правам человека в этой сфере также может представлять интерес для построения правовых позиций при разрешении споров в Российской Федерации.

В практику ЕСПЧ доктрина охлаждающего эффекта пришла из США и использовалась первоначально именно в спорах о чрезмерном ограничении свободы выражения мнения. В постановлении по делу *Goodwin v. the United Kingdom* Европейский Суд признал, что раскрытие журналистами своих источников информации будет иметь охлаждающий эффект для реализации свободы печати, поскольку без предоставления защиты источникам последние отказались бы продолжать сотрудничество с журналистами²²⁷. В тексте упомянутого решения Суд ограничивается единичным упоминанием доктрины²²⁸. Однако он и ранее соглашался с тем, что наказание за злоупотребление свободой выражения мнения может вызвать у лица желание воздержаться от выступления с подобными высказываниями в будущем²²⁹.

Позднее ЕСПЧ начал использовать доктрину при рассмотрении вмешательств в другие права, гарантированные Конвенцией. Европейский Суд применял ее при рассмотрении дел о нарушении права на справедливое

²²⁷ ECtHR. *Goodwin v. the United Kingdom*. Application no. 17488/90. Judgment of 27 March 1996. § 39.

²²⁸ Применение доктрины без ее прямого упоминания можно найти в решении по делу *The Sunday Times v. the United Kingdom (No. 2)*. ЕСПЧ признал сохраняющийся после утечки в СМИ запрет на публикацию конфиденциальной информации помехой в осуществлении прессой своего права и обязанности предоставлять уже имеющуюся информацию по вопросу, вызывающему законное общественное беспокойство (§ 55). Хотя основной аргумент суда заключался в том, что запрещенные к публикации в прессе материалы уже были опубликованы в другой юрисдикции (на английском языке в США) и их конфиденциальность тем самым была уже нарушена. ECtHR. *The Sunday Times v. the United Kingdom (No. 2)*. Application no. 13166/87. Judgement of 26 November 1991.

²²⁹ ECtHR. *Lingens v. Austria*. Application No. 9815/82. Judgement of 8 July 1986. § 44.

судебное разбирательство²³⁰, свободы собраний²³¹, а также при оценке приемлемости жалобы²³².

В деле *A, B and C v. Ireland*²³³ Европейский Суд применяет доктрину охлаждающего эффекта практически таким же образом как это делает Верховный Суд США: «суд считает очевидным, что уголовные положения Закона 1861 года будут представлять собой значительный ограничительный фактор (chill factor) как для женщин, так и для врачей в процессе медицинского консультирования, независимо от того, было ли на самом деле возбуждено уголовное преследование по этому закону. И (...) заявитель, и любой врач рисковали получить серьезное уголовное наказание и лишиться свободы в случае, если решение, принятое в ходе медицинской консультации (...), будет впоследствии признано не соответствующим статье 40.3.3 Конституции. Врачам также грозило профессиональное дисциплинарное разбирательство и серьезные санкции»²³⁴. Другой показательный пример – дело *Tysiac v. Poland*, в котором Европейский Суд указал на охлаждающий эффект уголовного законодательства при установлении врачом наличия оснований для прерывания беременности²³⁵.

Попытку ограничить действие доктрины охлаждающего эффекта можно найти в решении Большой Палаты ЕСПЧ по делу *Sanchez v. France*.

²³⁰ ECtHR. *Parlov-Tkalčić v. Croatia*. Application no. 24810/06. Judgement of 22 December 2009.

²³¹ ECtHR. *Kasparov v. Russia*. Application no. 21613/07. Judgment of 3 October 2010.

²³² ECtHR. *Nurmagomedov v. Russia*. Application no. 30138/02. Judgement of 7 June 2007; *Michaud v. France*. Application no. 12323/33. Judgement of 6 December 2012 и др. В данном случае суд признает за заявителем статус жертвы не потому, что заявитель пострадал от конкретного вреда, а потому, что он в будущем, вероятно, понесет вред в связи с отказом от каких-либо действий либо, наоборот, подвергнется правовым санкциям за совершение действия.

²³³ Трое заявительниц проживали в Ирландии. Они, находясь в по-своему трудных жизненных ситуациях, приняли решение о прерывании беременности. Для совершения медицинской процедуры заявительницы были вынуждены отправиться в Англию, поскольку полагали невозможным прерывание беременности по месту жительства ввиду законодательных ограничений, а именно статьи 40.3.3 Конституции Ирландии, признающей право на жизнь нерожденного, и других законодательных актов, принятых в развитие упомянутого конституционного положения.

²³⁴ ECtHR. *A, B and C v. Ireland [GC]*. Application no. 25579/05. Judgment of 16 December 2010. § 254.

²³⁵ ECtHR. *Tysiac v. Poland*. Application no. 5410/03. Judgement of 20 March 2007. Правда в последнем случае ЕСПЧ скорее выражал общее мнение о формулировках национального законодательства, не связывая их напрямую с нарушением права. См.: Chybalski P. "Chilling Effect" in the Judicial Decisions of the Polish Constitutional Tribunal as an Example of Legal Transplant // *Review of European and Comparative Law*. Vol. 48. No. 1. 2022. P. 218.

Ранее Европейский Суд признал французского политика ответственным за все публикации на его странице в социальной сети, в том числе и за комментарии пользователей. Закономерно возник вопрос об охлаждающем эффекте такого решения²³⁶. Однако ЕСПЧ не стал использовать доктрину ссылаясь на то, что хотя он и «осознает, что уголовное преследование способно... оказать охлаждающее воздействие на пользователей Facebook, других социальных сетей или дискуссионных форумов», но оно не должно учитываться, когда высказывания приобретают форму языка вражды или призывов к насилию²³⁷. Сам политик в рамках процесса не утверждал, что имел место «охлаждающий эффект на осуществление его свободы выражения мнений или *любое другое негативное влияние* на его последующую политическую карьеру и его отношения с избирателями»²³⁸.

В решении Большой Палаты следует обратить внимание на два обстоятельства. *Во-первых*, Европейский Суд ограничил применение доктрины охлаждающего эффекта и отказался использовать его для защиты *высказываний в форме языка вражды* в социальных сетях. *Во-вторых*, он ограничил применение доктрины только случаями свободы выражения мнения. Поскольку формула «любое другое негативное влияние» относилась к политической деятельности, можно говорить о том, что ЕСПЧ с большой осторожностью отнесся к применению доктрины в контексте политических прав. Последнее особенно важно в связи с переносом доктрины в национальные правовые порядки.

Восприятие доктрины охлаждающего эффекта национальными судебными органами, вероятно, затруднено тем, что хотя Европейский Суд и использует доктрину охлаждающего эффекта, сформулировать на основе

²³⁶ См.: Соболева А. Дело Sanchez v. France: защита от разжигания вражды или очередной шаг ЕСПЧ на пути к ограничению свободы слова в Интернете? // Международное правосудие. 2021. № 4 (40). С. 14–15.

²³⁷ ECtHR. Sanchez v. France [GC]. Application no. 45581/15. Judgement of 15 May 2023. § 206.

²³⁸ Там же. § 208.

практики Суда определение «охлаждающего эффекта» все еще затруднительно²³⁹.

Показательным в этом отношении представляется путь использования доктрины охлаждающего эффекта в Польше. Первоначально в польской национальной правовой системе доктрина развивалась по уже знакомому пути: от использования в спорах о свободе слова к применению в делах об ограничении других конституционных прав. Однако этим польские судьи не ограничились. Доктрина охлаждающего эффекта стала использоваться Конституционным трибуналом Польши и в делах об устройстве политической системы. Например, по мнению Трибунала, ограничение гарантий независимости судей ведет к охлаждающему эффекту и поэтому противоречит Конституции²⁴⁰. Эта и подобные позиции оценены некоторыми экспертами как *отклонение* от традиционных целей применения доктрины (то есть – защиты прав и свобод) и *превращение* этого юридического инструмента в политическое средство²⁴¹.

Предпосылки для использования доктрины охлаждающего эффекта можно найти в российской судебной практике. Так, Конституционный Суд Российской Федерации при толковании понятия «лишение свободы» (статья 22 Конституции РФ) указывает, что оно охватывает «любые вводимые в отраслевом законодательстве ограничения, если они фактически влекут лишение свободы»²⁴².

²³⁹ См.: Baumbach T. Chilling Effect as a European Court of Human Rights' Concept in Media Law Cases // *Bergen Journal of Criminal Law & Criminal Justice*. Vol. 6. No. 1. 2018. P. 113.

²⁴⁰ Judgment of the Constitutional Tribunal of 28.11.2007, Ref. No. K 39/07. См.: Kos K. Evolution or Entropy of the Concept of Chilling Effect? – Polish Perspective // *Teisė*. Vol. 110. 2019. P. 168–177. Также доктрина использовалась при рассмотрении вопросов о конституционном статусе Национального банка Польши, Уполномоченного по гражданским правам, Верховной контрольной палаты. См.: Chybalski P. "Chilling Effect" in the Judicial Decisions of the Polish Constitutional Tribunal as an Example of Legal Transplant // *Review of European and Comparative Law*. Vol. 48. No. 1. 2022. P. 209–234.

²⁴¹ См.: Chybalski P. "Chilling Effect" in the Judicial Decisions of the Polish Constitutional Tribunal as an Example of Legal Transplant // *Review of European and Comparative Law*. Vol. 48. No. 1. 2022. P. 209–234.

²⁴² Постановление Конституционного Суда РФ от 23 мая 2017 года № 14-П // СЗ РФ. 2017. № 23. Ст. 3473. См.: Должиков А. Стакан наполовину полон или пуст? Вмешательство как форма ограничения конституционных прав // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2018. № 1 (122). С. 107–108.

Характерный для рассматриваемой доктрины подход может быть использован и для обоснования необходимости отказа от уголовного преследования за клевету. Причиной существенного дисбаланса в соотношении права на свободу слова с правом на репутацию в этом случае стоит признать охлаждающий эффект возможного уголовного преследования. Угроза уголовного преследования и вероятность наступления негативных последствий, связанных с приговором суда, побуждает к отказу от острых тем в медиа. Собрать в рамках журналистского расследования исчерпывающую и достоверную информацию, например, о коррупции, в большинстве случаев попросту невозможно. Разумнее отказаться от таких публикаций. Подобный конформизм обесценивает функции СМИ. Чтобы не блокировать реализацию свободы слова в этих ситуациях - перспективным видится отказ от уголовного преследования в пользу более пропорционального инструмента ограничения права, которым, как представляется, может стать гражданско-правовая ответственность за распространение недостоверных сведений. В противном случае охлаждающий эффект уголовного преследования достигнет своей цели и количество критических публикаций в медиа будет только падать²⁴³.

Основой использования рассматриваемой доктрины в отечественной практике разрешения споров могут стать рассмотренные выше доктринальные разработки и появление в практике Конституционного Суда РФ конструкции *фактического вмешательства* в конституционные права. Стоит также подчеркнуть ее актуальность и в связи с проблемами доступа к цифровым площадкам.

Как уже было упомянуто, Тверской районный суд в марте 2022 года пришел к выводу, что под видом коммерческой деятельности компания Meta осуществляла экстремистскую деятельность. Деятельность компании по реализации на территории РФ социальных сетей Facebook и Instagram была

²⁴³ См.: Кульнев А.С. Криминализация клеветы: необходимость или угроза? // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4 (113). С. 68–69.

запрещена. На основании решения суда компания включена Министерством юстиции в перечень экстремистских²⁴⁴.

В основании решения суда лежат три аргумента в пользу признания нарушения норм законодательства со стороны платформы.

Во-первых, суд установил, что компания игнорирует требования об удалении размещенных на платформе материалов, признанных судами экстремистскими. Она неоднократно привлекалась к административной ответственности за отказ от удаления незаконного контента, неисполнение решений судебных органов и органов исполнительной власти.

Во-вторых, компания частично отказалась от модерации контента и допустила появление в социальных сетях большого количества материалов с прямыми призывами к убийству граждан.

И, наконец, платформа допустила нарушение собственных правил и принципов по обеспечению равных возможностей распространения и получения информации, которое выразилось в блокировке страниц российских государственных медиа с целью «подавления российских СМИ, выражающих позицию, противоречащую интересам стран Европейского Союза, Украины и США»²⁴⁵.

Аргументы суда, на основании которых компания Meta признана экстремисткой убедительны. Они не оспаривались ответчиком в суде и были подтверждены менеджментом компании. Тем не менее стоит отметить, что итоговое решение суда стало результатом достаточно творческого толкования закона.

В отношении организации, осуществляющей экстремистскую деятельность, может быть принято решение о ликвидации или запрете ее

²⁴⁴ Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 12.11.2023).

²⁴⁵ Этот аргумент суда примечателен тем, что является признанием юридической силы актов саморегулирования цифровых платформ.

деятельности. Выбор правового средства в данном случае зависит от того, существует ли организация как юридическое лицо. Если да, то выносятся решение о ее ликвидации, в противном случае ее деятельность должна быть запрещена²⁴⁶. Вместе с тем закон не предусматривает возможности частичного ограничения деятельности юридического лица. Поэтому представляется, что суд был в затруднительном положении, принимая решение о запрете распространения социальных сетей.

Примечателен и охлаждающий эффект решения, то есть фактическое ограничение прав *пользователей* платформ (свободы выражения мнения и свободы предпринимательской деятельности), а также *акционеров* компании (право собственности) и ее *работников* (право на труд).

Таким образом решение суда и включение компании Министерством юстиции в список экстремистских организаций фактически привело к ограничению ряда конституционных прав и свобод граждан, хотя это и не являлось целью данного решения. В первую очередь ограничена *свобода выражения мнения*. Размещение записей в социальных сетях компании может рассматриваться как участие в деятельности экстремистской организации (часть 2 статьи 282.1 УК РФ)²⁴⁷. Участием в деятельности экстремистской организации может считаться и нахождение в трудовых отношениях с компанией, а также владение акциями компании, что фактически ограничивает *право на труд* и *право собственности*, соответственно.

Покупка рекламы у компании может быть квалифицирована как финансирование деятельности экстремистской организации (статья 282.3 УК РФ). Учитывая то, что Instagram являлся популярной платформой для ведения

²⁴⁶ См. статью 9 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности» (СЗ РФ. 2002. № 30. ст. 3031) и статью 44 Федерального закона от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (СЗ РФ. 1995. № 21. ст. 1930).

²⁴⁷ Учитывая механизм функционирования социальных сетей, в основе которого лежит пользовательский контент, размещение пользователем записей в социальной сети можно считать снабжением информацией в значении пункта 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2011.

малого бизнеса можно говорить и о фактическом ограничении *свободы предпринимательской деятельности*.

Решением были ограничены права не только рядовых пользователей платформ, но и возможности должностных лиц. До блокировки Instagram аккаунты в социальной сети вело около 80 глав регионов. Предпочтение в пользу Instagram губернаторы отдавали в силу размера российского сегмента социальной сети (около 39 млн пользователей), возможности получать моментальную обратную связь и общего доброжелательного настроения аудитории. В марте 2022 года губернаторы были вынуждены почти с нуля начинать вести страницы на альтернативных площадках, главным образом в Telegram. При этом не все из них допустили для пользователей возможности комментариев к своим записям или резко отрицательных реакций в форме эмодзи.

Вместе с тем стоит подчеркнуть, что хотя охлаждающий эффект и стал следствием решения Тверского суда, но в деле о запрете деятельности Meta *одноименная доктрина и не могла быть применена, поскольку речь шла о распространении высказываний, содержащих язык вражды*. Как бы ни были значительны упомянутые выше ограничения конституционных прав, но *тот вред, который наносило распространение экстремистских материалов и осуществление экстремистской деятельности Meta более серьезен*. В этом отношении выбранный судом подход к оценке решений платформы находится в русле решения Большой Палаты ЕСПЧ по делу *Sanchez v. France*, в котором Европейский Суд отметил невозможность учета охлаждающего эффекта в контексте распространения высказываний в форме языка вражды или призывов к насилию.

При этом необходимо отметить, что представители правоприменительных органов, по всей видимости, осознавали возможные негативные последствия решения для третьих лиц и стремились

минимизировать его, что было отмечено и в комментариях авторитетных политиков²⁴⁸.

Опыт запрета деятельности Meta необходимо учитывать при принятии аналогичных решений в будущем, если (или когда) возникнет вопрос о необходимости блокирования доступа к другой социальной сети. Главными «претендентами» на повторение участи Facebook и Instagram сегодня остаются YouTube и Telegram.

Первым юридическим аргументом в пользу отказа от блокировки упомянутых платформ может стать охлаждающий эффект такого решения. В отличие от Meta компания Google (YouTube) и владелец Telegram продолжают реализовывать политику, направленную на ограничение высказываний, содержащих призывы к насилию или язык вражды. Google не отказывается от продолжения взаимодействия с государственными органами РФ и продолжает исполнять направленные Роскомнадзором запросы на удаление контента. С января по июнь 2023 года цифровой гигант удалил 16 749 единиц контента «по требованию закона»²⁴⁹. В свою очередь основатель и генеральный директор Telegram Павел Дуров в связи с акцией протеста в Махачкале в октябре 2023 года принял решение о блокировке каналов, распространявших побуждающие к вражде материалы, и заявил о недопустимости использования социальной сети для распространения призывов к насилию²⁵⁰. Таким образом, продолжение сетевыми компаниями политики противодействия распространению языка вражды делает возможным применение доктрины охлаждающего эффекта в потенциальном споре о блокировке доступа к этим площадкам. В этой связи стоит еще раз подчеркнуть, что данный эффект

²⁴⁸ Комментировали решения в своих блогах в том числе сенатор А.А. Клишас и депутат Государственной Думы А.Е. Хинштейн.

²⁴⁹ См.: Запросы государственных органов на удаление контента. URL: <https://transparencyreport.google.com/government-removals/government-requests/RU?hl=ru> (дата обращения: 12.11.2023). Компания Meta на момент подготовки настоящего текста не опубликовала данные о запросах государственных органов в период после июня 2022 года.

²⁵⁰ Примечательно, что в качестве основания блокировки каналов, в которых размещались призывы к насилию названы «нарушение правил Telegram, Google, Apple и всего цивилизованного мира», и не упоминается национальное законодательство. URL: https://t.me/durov_russia/46 (дата обращения: 12.11.2023).

актуален не только для прав пользователей платформ, но и для возможностей политических лидеров взаимодействовать со своей аудиторией. Особенно это актуально в случае Telegram, пользователями которого сегодня являются не только губернаторы, как уже было упомянуто, но и сенаторы, депутаты Государственной Думы, и другие видные политики.

Помимо этого, необходимо отметить, что решение о запрете деятельности Meta фактически не во всем достигло своих целей. Напомним, что решение суда запрещает распространение на территории РФ двух продуктов компании – социальных сетей Facebook и Instagram. Запрет не касается мессенджера WhatsApp «ввиду отсутствия – по мнению суда, – функций по публичному распространению информации»²⁵¹. Теперь становится понятным, что распространение решения суда лишь на две платформы оставляет пространство для реализации признанной угрожающей конституционному строю политики компании. Компания Meta запустила новую социальную сеть Threads – аналог платформы X (ранее – Twitter) для обмена короткими текстовыми сообщениями. Функционирование новой платформы не может быть ограничено на основании решения Тверского районного суда, поскольку она является отдельным продуктом компании²⁵². Таким образом, как показывает практика развития рынка цифровых сервисов, решение суда о запрете распространения социальных сетей Facebook и Instagram, в действительности, не во всем становится препятствием для реализации политики компании. Данное обстоятельство представляется еще

²⁵¹ Остается непонятным правовой статус приложения Facebook Messenger. Этот программный продукт «забыли» и в рамках судебного процесса, и в публичном обсуждении. Компания Meta считает это приложение самостоятельным продуктом. См.: What are the Meta Products? URL: https://www.facebook.com/help/1561485474074139?helpref=related_articles (дата обращения: 12.11.2023).

²⁵² См.: Introducing Threads: A New Way to Share With Text. URL: <https://about.fb.com/news/2023/07/introducing-threads-new-app-text-sharing/> (дата обращения: 12.11.2023). В то же время новая платформа тесно связана с Instagram. В частности, правила социальной сети Threads указывают, что «использование Сервиса Threads считается частью... использования Instagram», а сами правила использования являются частью пользовательского соглашения Instagram («supplement and amend the Instagram Terms of Use and the Instagram Community Guidelines which are incorporated into these Terms by reference»). См.: Threads Terms of Use. URL: <https://help.instagram.com/769983657850450> (дата обращения: 12.11.2023). Скорее всего такое позиционирование сервиса компанией продиктовано желанием обхода антимонопольных ограничений.

одним примером затруднительного применения правовых конструкций, придуманных для аналогового мира, в условиях экспоненциального развития цифрового пространства.

Подводя итог изложенному в параграфе следует подчеркнуть, что доктрина охлаждающего эффекта приобрела характер универсального инструмента защиты прав, что имеет по меньшей мере два проявления. *Во-первых*, как было показано, упомянутая доктрина применяется в различных правопорядках, относящихся к англосаксонской и континентальной системам. *Во-вторых*, в обеих правовых системах доктрина охлаждающего эффекта действует в случаях ограничения многих, если не всех, конституционных прав.

«Охлаждающий эффект» можно определить как косвенное ограничение конституционного права лица, вынужденного отказаться от его реализации с целью избежать неблагоприятных для себя последствий (уголовного преследования, например). Использование данной доктрины в целях анализа решений (действий) органов и должностных лиц государственной власти создает возможность исключить непропорциональное ограничение права на свободу выражения мнения и других конституционных прав.

Применение доктрины охлаждающего эффекта уместно и в отечественной практике, в частности, в возможной дискуссии о блокировании доступа к цифровым платформам, но только в том случае, если они продолжают проведение правомерной политики в отношении противодействия высказываниям, содержащим призывы к насилию, и предпринимают меры по удалению незаконного контента.

ГЛАВА 2. ДИНАМИКА НОРМАТИЧНОГО КОМПОНЕНТА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ СВОБОДЫ СЛОВА, РЕАЛИЗУЕМОЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ОПЫТ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Известны случаи, когда разработанные в одной из юрисдикций нормы становятся глобальными стандартами. Именно такой путь нередко характерен для разработанных Европейским Союзом норм. Феномен распространения стандартов, разработанных европейским законодателем за пределы его юрисдикции получил название «Эффект Брюсселя». Он возникает *в силу величины европейского рынка и при соблюдении двух условий*: (1) если предметом регулирования становятся неэластичные с экономической точки зрения явления (например, рынок данных, ведь в отличие от капитала, главным производителям данных – пользователям – сравнительно сложнее менять свою юрисдикцию), (2) а также когда издержки следования разработанным в ЕС правилам в глобальном масштабе ниже издержек выделения европейского сегмента бизнеса в отдельную структуру²⁵³.

Примечательные примеры влияния европейского законодателя на регулирование за пределами своей юрисдикции принадлежат именно цифровой сфере. «Эффект Брюсселя» имеет место в сфере регулирования использования персональных данных после принятия Общего регламента по защите данных (GDPR)²⁵⁴ и в области противодействия распространению языку вражды²⁵⁵.

²⁵³ См.: Bradford A. The Brussels effect: How the European Union rules the world. New York : Oxford University Press, 2020. P. 25–66.

²⁵⁴ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. L 119. 04.05.2016. P. 1–88.

²⁵⁵ См.: Bradford A. Op. cit.

Еще одной сферой, в которой с большой долей вероятности можно будет наблюдать «Эффект Брюсселя», помимо сфер персональных данных и противодействия языку вражды, может стать сфера регулирования цифровых платформ. Особенно после принятия Европейским Союзом Акта о цифровых сервисах, направленного на регулирование и социальных сетей в том числе.

Европейский законодатель также нередко использует зарубежные наработки. Одним из таких правовых решений стал сложившийся в Соединенных Штатах подход к регулированию цифровых посредников, гарантирующий им иммунитет при модерировании цифрового пространства²⁵⁶. Эта норма вот уже несколько десятилетий определяет баланс власти в сетевом пространстве: цифровые платформы, как уже отмечалось выше, благодаря этому подходу фактически сместили государства с позиции главного гаранта свобод в сети.

Таким образом, предложенное в ЕС и США регулирование цифровых платформ нередко приобретает характер глобальных стандартов. Прежде всего, это происходит в силу экономических причин. Поэтому в работе уделено внимание регулированию цифрового сектора именно в этих юрисдикциях.

²⁵⁶ Это правило в США известно как Секция 230 Акта о соблюдении приличий в коммуникациях, а в ЕС оно нашло свое закрепление в Директиве о цифровой торговле. Подробнее об этом см. разделы 2.1. и 2.2. работы, соответственно.

2.1. Модель конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей социальных сетей в США

Вопрос установления гарантий свободы выражения мнения пользователей социальных сетей в Соединенных Штатах непосредственно связан с проблемой ответственности информационных посредников за распространение контента. Первоначально он рассматривался в основном через призму нарушений авторского права, то есть исключительно в рамках частноправовых отношений. При этом публичные интересы, связанные с модерацией контента, достигался при помощи актов саморегулирования платформ. В общем и целом, как и будет показано далее, сложившийся подход не претерпел радикальных изменений. Контроль за распространением нелегального контента, таким образом, остается за информационными посредниками²⁵⁷.

Такой правовой режим, как уже отмечалось в первой главе, сложился в США, прежде всего, на основании секции 230(c)(1) Акта о соблюдении приличий в коммуникациях (Communications Decency Act) (далее – Секция 230), которая делает невозможным привлечение платформ к ответственности за информацию, размещенную пользователями²⁵⁸.

Секция 230 имеет, по мнению многих исследователей, колоссальное значение не только для реализации свободы слова в сети, но и для развития интернета в целом. Именно иммунитет цифровых платформ позволил интернет-предпринимателям создать «широкий спектр различных

²⁵⁷ См.: Азизов Р.Ф. Правовое регулирование в сети интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование : дисс. ... д.ю.н. Санкт-Петербург, 2016. С. 131–148; Чумаченко З.М. Особенности правового регулирования деятельности социальных сетей в США // Международное публичное и частное право. 2022. № 5. С. 42–45.

²⁵⁸ См.: Communications Decency Act, Section 230(c)(1). 2 August 1996. URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/652/text> (дата обращения: 30.09.2023).

приложений и сервисов, позволяющих людям общаться друг с другом и предпринимать совместные действия»²⁵⁹. Правило Секции 230 имеет репутацию «26 слов, определивших будущее интернета»²⁶⁰. Тем не менее в последнее время вопрос отмены Секции 230 или, по крайней мере, изменения модели ответственности цифровых сервисов вновь актуализировался в США.

Дискуссия о возможности привлечения информационных посредников к ответственности *имеет свои корни в судебной практике середины прошлого века*. В частности, интерес представляют два решения Верховного Суда США, опубликованные в 1959 году.

В деле *Farmers Educational & Cooperative Union of America, North Dakota Division v. WDAY, Inc.*²⁶¹ Верховный Суд США признал, что Акт о коммуникациях 1934 года (The Communications Act of 1934)²⁶² хоть и прямо не устанавливает невозможность привлечения к ответственности информационного посредника за переданное им в эфире сообщение, тем не менее, должен быть истолкован именно таким образом в целях создания благоприятных условий для политических высказываний. Коротко фабулу дела можно описать так. Телеканал на основании Секции 315 Акта о коммуникациях 1934 года предоставил эфирное время кандидату на выборах в Сенат США. Менеджеры телеканала осознавали, что высказывания кандидата могли иметь негативные юридические последствия, но они не имели возможности редактировать его выступление в силу предписания упомянутого закона²⁶³. Помимо прочего в своем телевыступлении кандидат обвинил Американский образовательный и кооперативный союз фермеров и

²⁵⁹ Balkin J.M. The future of free expression in a digital age // *Pepperdine Law Review*. Vol. 36. Iss. 2. 2008. P. 433. См. также: Goldman E. The complicated story of FOSTA and section 230 // *First Amendment Law Review*. Vol. 17. P. 279.

²⁶⁰ По названию книги, описывающих историю создания Секции 230. См.: Kosseff J. *The Twenty-Six Words That Created the Internet*. Ithaca : Cornell University Press, 2019.

²⁶¹ United States Supreme Court. *Farmers Educ. & Co-op. Union v. WDAY, Inc.*, 360 U.S. 525 (1959).

²⁶² The Communications Act. 19 June 1934. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-936/uslm/COMPS-936.xml> (дата обращения: 30.09.2023).

²⁶³ Акт запрещает цензуру высказываний кандидата: «...такой лицензиат (т.е. владелец медиа – *прим. А.Б.*) не имеет права цензуры над материалом, передаваемым в эфир в соответствии с положениями настоящего раздела.»

других кандидатов в сговоре, попутно клеймя их как коммунистов. Общественная организация обратилась в суд с иском о клевете. В качестве ответчика был указан не только кандидат, выступивший с речью, но и телеканал. Верховный Суд США в решении по этому делу указал, что информационный посредник не может быть привлечен к ответственности в данном случае, поскольку Секция 315 Акта о коммуникациях была направлена на стимулирование политической дискуссии в средствах массовой информации. При этом исключение не было основано на Первой поправке.

Первая поправка была задействована Верховным Судом США для обоснования невозможности привлечения к ответственности дистрибьютера информационной продукции в деле *Smith v. California*²⁶⁴. Продавец книжного магазина продал книгу и другую печатную продукцию, содержащую непристойные материалы полицейскому под прикрытием. Тем самым он нарушил требования законодательства города Лос-Анджелеса о запрете иметь при себе любые информационные материалы с непристойным содержанием в общественном месте. Обвинение о нарушении соответствующего положения закона были предъявлены владельцу книжного магазина – Э. Смиту. Суд штата нашел Э. Смита виновным в совершении правонарушения, хотя он и не знал о содержании проданной печатной продукции. Верховный Суд США признал, что в данном случае было чрезмерно ограничено право, гарантированное Первой поправкой. Главным образом аргумент Суда опирается на то, что нормы аналогичные принятым в Лос-Анджелесе могут вынудить владельцев книжных магазинов, равно как и других дистрибуторов информационных материалов, из-за немалой вероятности наступления юридической ответственности распространять только те материалы, которые они могли предварительно проверить. Это, по мнению Суда, является

²⁶⁴ United States Supreme Court. *Smith v. California*, 361 U.S. 147 (1959).

наложением фактического запрета на распространение информационных материалов авторами произведений в обход требований Первой поправки.

Решение Верховного Суда США в деле *Smith v. California* установило правило, согласно которому Первая поправка делает невозможным привлечение к ответственности дистрибьютора информации (информационного посредника), пока не доказано, что он знал о противозаконном содержании сообщения. Это решение имеет большое значение для развития дальнейшей практики Суда по Первой поправке. Именно на нем во многом основано уже упоминавшееся ранее дело *New York Times Co. v. Sullivan*, в котором был разработан тест привлечения к ответственности журналиста за диффамационное высказывание (см. раздел 1.3. работы).

В первой половине 1990-х годов, на заре развития интернета, применение разработанного Верховным Судом США в деле *Smith v. California* теста к случаю онлайн-сервисов привело к потере у интернет-ресурсов мотивации модерировать контент. Это демонстрируют два кейса, рассмотренные судами штатов примерно в одно и то же время.

В первом деле – *Cubby, Inc. v. CompuServe Inc.*²⁶⁵ – провайдер интернет-хостинга был признан дистрибьютером контента, к которому применяются общие правила о привлечении к ответственности за распространение противоправных материалов. Поскольку провайдер не осуществлял модерацию контента на своем ресурсе он не мог быть привлечен к ответственности за распространение диффамационных материалов.

Во втором кейсе – *Stratton Oakmont, Inc. v. Prodigy Services Co.*²⁶⁶ – провайдер хостинга был признан ответственным за распространение диффамационных материалов, поскольку осуществлял модерацию контента (editorial control). Это выразилось в том, что провайдер, во-первых,

²⁶⁵ *Cubby, Inc. v. CompuServe Inc.*, 776 F. Supp. 135 (S.D.N.Y. 1991).

²⁶⁶ *Stratton Oakmont, Inc. v. Prodigy Services Co.*, 23 Media L. Rep. 1794 (N.Y. Sup. Ct. 1995).

опубликовал правила портала (content guidelines), во-вторых, осуществлял реализацию этих правил силами модераторов и использовал специальное программное обеспечение для мониторинга размещенной на портале информации.

Конгресс США достаточно быстро отреагировал на последнее решение и в 1996 году принял поправки к Акту о соблюдении приличий в коммуникациях. Одним из основных аргументов в пользу реформирования законодательства стало стремление создать условия для технологического роста цифрового сектора²⁶⁷. С тех пор Секция 230 содержит указание на то, что «[н]и один провайдер или пользователь интерактивного компьютерного сервиса не должен рассматриваться как издатель или источник (speaker) какой-либо информации, предоставленной другим провайдером информационного контента». Таким образом, интернет-посредник не может быть привлечен к ответственности даже в том случае, если он знал или имел основания знать о противозаконном характере высказывания пользователя²⁶⁸.

Выдержав в 1997 году конституционный контроль²⁶⁹, Секция 230 стала предоставлять неограниченный иммунитет онлайн-платформам, даже в тех случаях, когда размещаемый пользователями контент проходил предварительную проверку модераторами цифровой площадки²⁷⁰.

Тем не менее иммунитет цифровых платформ был впоследствии заметно ограничен. В ряду ограничивающих Секцию 230 решений более всего

²⁶⁷ Kosseff J. The Gradual Erosion of the Law That Shaped the Internet: Section 230's Evolution Over Two Decades // Columbia Science and Technology Law Review. Vol. 18. No. 1. 2017. P. 7. Подробнее см. Kosseff J. What Was the Purpose of Section 230? That's a Tough Question, a Response to Danielle Citron's How to Fix Section 230 Boston University Law Review. Forthcoming, 2023. URL: <https://ssrn.com/abstract=43882166> (дата обращения: 30.09.2023).

²⁶⁸ Note: Section 230 as First Amendment Rule // Harvard Law Review. Vol. 131. Iss. 7. 2018. P. 2029.

²⁶⁹ Zeran v. America Online, 129 F.3d 327 (4th Cir. 1997). Предоставляя иммунитет платформам при распространении информации, суд отметил, что иное толкование положений Секции 230 привело бы к невозможности достижения ее целей, в том числе стимулирования саморегулирования платформ.

²⁷⁰ Batzel v. Smith, 333 F.3d 1018, 1020-21 (9th Cir. 2003). Это решение содержит наиболее широкое из возможных толкований Секции 230. Поскольку подсудность Девятого апелляционного суда, вынесшего это решение, включает штат Калифорния, где расположены штаб-квартиры наиболее крупных цифровых компаний, решения этого суда пользуются особым вниманием у других судебных инстанций, выносящих решения в спорах с участием цифровых гигантов. См.: Kosseff J. The Gradual Erosion... P. 14–15.

выделяется дело *Fair Hous. Council of San Fernando Valley v. Roommates.com, LLC*²⁷¹. Портал *Roommates.com* позволял пользователям размещать объявления о сдаче в аренду жилья, а потенциальным арендаторам искать ночлег. Для регистрации на портале необходимо было заполнить форму и, в частности, указать пол, сексуальную ориентацию, информацию о наличии детей и другие сведения. Жилищный совет Долины Сан-Фернандо обратился в суд с иском на основании положений закона, запрещающего дискриминацию по признаку пола, сексуальной ориентации и семейному положению при аренде жилья. Суд пришел к выводу, что платформы не пользуются иммунитетом в том случае, если они участвуют в подготовке сообщения (create or develop). Таким образом Суд ввел тест для ограничения иммунитета цифрового сервиса. При этом «участие в подготовке сообщения» суд определил как «существенный вклад в незаконное поведение» пользователя. В данном случае вклад выразился в том, что пользователь при регистрации на портале не имел возможность не указать информацию о своем семейном положении и т.д. (иными словами, поля соответствующей формы были обязательными)²⁷².

Решение по делу *Fair Hous. Council of San Fernando Valley v. Roommates.com, LLC* не стало точкой разворота в судебной практике по Секции 230, однако оно запустило цепочку судебных решений, ограничивающих иммунитет цифровых платформ. Например, в иммунитете было отказано оператору поисковой системы, пользователи которой искали в сети предложения о продаже персональных данных, поскольку поисковая система делала предложения злоумышленников доступными широкой публике²⁷³. Это и подобное ему решение позволяют говорить о сложившемся в судебной практике США тренде на ограничение иммунитета платформ²⁷⁴.

²⁷¹ *Fair Hous. Council of San Fernando Valley v. Roommates.com, LLC*, 521 F.3d 1157 (9th Cir. 2008) (en banc).

²⁷² См.: Koseff J. Op. cit. P. 16–17.

²⁷³ *FTC v. Accusearch Inc.*, 570 F.3d 1187 (10th Cir. 2009). См. др. примеры: Koseff J. Op. cit. P. 18–19.

²⁷⁴ См.: Koseff J. Op. cit. P. 39.

Будучи ограниченным, иммунитет платформ, тем не менее, все еще распространяется на системы рекомендаций. Платформы по-прежнему считаются судами дистрибьюторами информации, но не стороной, участвующей в подготовке сообщения²⁷⁵.

С другой стороны, платформы пользуются иммунитетом в том случае, если они удаляют потенциально нелегальный контент действуя *с добрыми намерениями* (in good faith). Это правило установлено Секцией 230(c)(2)(a)²⁷⁶. Взятые вместе оба положения Секции 230 «побуждают сайты заниматься модерацией контента, не опасаясь, что их усилия по отсеиванию контента приведут к ответственности за клеветнические материалы, проскочившие мимо [их фильтров]»²⁷⁷.

Иммунитет платформ считается чрезмерным различными субъектами, формирующими политику в отношении цифровых сервисов. В этом отношении примечательно продолжение (после около 25-летнего перерыва) дискуссии в Верховном Суде США.

Судья Кларенс Томас²⁷⁸ выступил с критикой расширительного толкования Акта о соблюдении приличий в коммуникациях и указал на возможность законодателя исправить сложившиеся нормы²⁷⁹. Критика чрезмерно широкого, с точки зрения судьи К. Томаса, толкования основана на необходимости «естественного прочтения текста» («natural reading of the

²⁷⁵ Force v. Facebook, Inc., 934 F.3d 53, 68 (2d Cir. 2019).

²⁷⁶ Текст Секции 230(c)(2)(a): «Ни один провайдер или пользователь интерактивного компьютерного сервиса не может быть привлечен к ответственности за любые действия, добровольно предпринятые с добрыми намерениями (in good faith) для ограничения доступа к материалу, который, по мнению провайдера или пользователя, является непристойным, развратным (obscene, lewd, lascivious, filthy), чрезмерно жестоким, доставляющим беспокойство (harassing) или иным образом предосудительным, независимо от того, пользуется ли такой материал защитой Конституции».

²⁷⁷ Note: Section 230 as First Amendment Rule // Harvard Law Review. Vol. 131. Iss. 7. 2018. P. 2027.

²⁷⁸ Судья Томас известен своими консервативными взглядами. Ярким проявлением этой черты можно считать его позицию по делу Bush v. Gore (531 U.S. 98 (2000)), когда судья Томас отдал свой голос в пользу остановки пересчета голосов в штате Флорида. Это решение Суда фактически предупредило исход выборов президента 2000 года в пользу республиканца Джорджа Буша – младшего. См.: Clarence Thomas. URL: <https://www.britannica.com/biography/Clarence-Thomas> (дата обращения: 30.09.2023).

²⁷⁹ United States Supreme Court. Malwarebytes, Inc. v. Enigma Software Group USA, LLC, 592 U. S. ____ (2020) (Statement of Thomas, J.).

text»)²⁸⁰ Секции 230. По мнению автора аргумента, если бы Конгресс хотел наделить платформы столь широким иммунитетом, то текст Секции 230 был бы сформулирован иначе (в обоих случаях следовало бы использовать выражение «не должен привлекаться к ответственности» («no provider shall be held liable»)²⁸¹. Однако суды отказались от системного прочтения текста закона и при помощи телеологического толкования начали применять положения Акта в достаточно неоднозначных случаях. В итоге платформы стали пользоваться иммунитетом даже в тех спорах, когда речь идет на самом деле не о статусе издателя или распространителя информации, а о дефектах в продуктах, предлагаемых платформами, в частности, системах рекомендаций. Однако судья К. Томас не выступал за необходимость пересмотра судебной практики, отмечая, что «[ш]таты и федеральное правительство могут свободно обновлять свои законы об ответственности, чтобы сделать их более подходящими для информационного общества (Internet-driven society)»²⁸². Иными словами, он предложил Конгрессу США пересмотреть законодательство, которое было принято в период, когда «большинство современных крупных интернет-платформ не существовало»²⁸³.

Действительно, дискуссия относительно необходимости реформирования Секции 230 уже проходит в стенах американского парламента и приобретает формы законопроектов. В ответ на различные эксцессы в модерации контента члены Конгресса США активно вносят предложения, направленные на ограничение саморегулирования платформ и, в частности, свободы их усмотрения при модерации контента. Так, например, положения одного из законопроектов предлагают ввести механизм

²⁸⁰ Ibid. P. 6.

²⁸¹ Ibid. P. 5.

²⁸² Ibid. P. 9-10.

²⁸³ Ibid. P. 1.

«уведомления и удаления» незаконного контента в течение 24 часов с момента получения соответствующего уведомления²⁸⁴.

Хотя ни один из законопроектов, направленных на реформирование Секции 230, не был принят, Конгресс уже предпринял шаги для ограничения иммунитета платформ в контексте современной работоторговли. Акт о предоставлении штатам и жертвам возможности бороться с онлайн торговлей людьми с целью сексуальной эксплуатации (Allow States and Victims to Fight Online Sex Trafficking Act)²⁸⁵ был принят в 2018 году с целью исключения возможности использования платформами иммунитета в случае привлечения их к ответственности за пособничество в такого рода преступлениях. Учитывая, что упомянутый закон вводит ответственность за «сознательное» (knowingly) содействие в совершении преступления, применение его положений достаточно затруднительно. Однако после вступления в силу документа крупные платформы усилили модерацию контента, а некоторые небольшие платформы либо прекратили свое существование, либо отказались от предоставления части своих услуг (например, сервис размещения объявлений Craigslist закрыл секцию объявлений о знакомствах, потому что компания «не может пойти на такой риск [привлечения к ответственности], не поставив под угрозу все остальные услуги»²⁸⁶)²⁸⁷.

Дальше всех в стремлении ограничить усмотрение платформ зашел президент Д. Трамп, который в мае 2020 года подписал указ «О предотвращении онлайн цензуры»²⁸⁸. Документ примечателен тем, что в нем нашли отражение основные аргументы в пользу необходимости

²⁸⁴ Armijo E. Reasonableness as Censorship: Section 230 Reform, Content Moderation, and the First Amendment // Florida Law Review. Vol. 73. 2021. P. 1203–1204.

²⁸⁵ Allow States and Victims to Fight Online Sex Trafficking Act. 11 April 2018. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ164/PLAW-115publ164.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

²⁸⁶ FOSTA. URL: <https://www.craigslist.org/about/FOSTA> (дата обращения: 30.09.2023).

²⁸⁷ См. об этом законе подробнее: Goldman E. The complicated story of FOSTA and section 230 // First Amendment Law Review. Vol. 17. P. 279–293.

²⁸⁸ Executive Order on Preventing Online Censorship, Exec. Order No. 13925, 85 Fed. Reg. 34,079 (June 2, 2020). URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-preventing-online-censorship/> (дата обращения: 30.09.2023).

регулирования деятельности социальных сетей и наделения их статусом «создателей контента» (content creators). Указ содержит по крайней мере три основания для этого:

- *Защита ценности демократии.* Сложившаяся практика модерации контента названа в документе «фундаментально антидемократической». При этом дискуссия онлайн и офлайн важны в равной степени. Учитывая количество пользователей современных платформ, которые присутствуют в социальных сетях ежедневно, в том числе для общения с близкими и обмена мнениями по политическим вопросам, социальные сети можно назвать «общественной площадью XXI века» (о доктрине «публичного форума» см. далее в этом разделе).

- *Ограничение власти платформ.* В документе говорится о том, что платформы получили беспрецедентные возможности по «формированию интерпретаций общественных событий; цензуре, удалению или исчезновению информации; контролю над тем, что люди видят или не видят». В качестве примера приводятся маркировка не нарушающего законы контента, не объявляемые заблаговременно и не объясняемые изменения правил платформ, немотивированные блокировки пользователей платформ без предупреждения и возможности их обжалования.

- *Ограничение иностранного влияния.* В качестве примера приводится неназванная социальная сеть, повинная в сотрудничестве с правительством Китая, в частности в распространении недостоверной информации о пандемии коронавируса и замалчивании протестов в Гонконге.

Конечно, нельзя не обратить внимание на то, что обоснование, предложенное в документе, несколько сгущает краски (особенно в части «фактора Китая»). Тем не менее исполнительный указ предписывал Министерству юстиции разработать критерии для случаев, когда цифровые компании не могут пользоваться одновременно иммунитетом на основании

двух разделов Секции 230, а также определить критерии отсутствия «добрых намерений» (good faith) при модерации контента.

Между тем Министерство юстиции США начало разработку реформы Секции 230 еще в феврале 2020 года (примерно за 4 месяца до опубликования исполнительного указа). Министерство провело серию мероприятий о будущем Секции 230 с представителями гражданского общества, науки и индустрии. Итогом обсуждения стал доклад «Секция 230 - стимулирование инноваций или поощрение неподотчетности?»²⁸⁹ В документе определены четыре направления реформирования законодательства:

- Стимулирование платформ к ограничению распространения незаконного контента. Для этого предлагается отказать в иммунитете тем платформам, которые распространяют информацию, очевидно противоречащую уголовному законодательству. Также предлагается исключить иммунитет для случаев распространения контента связанных с эксплуатацией детей и сексуальным насилием, терроризмом и киберпреследованиями (cyber-stalking). Кроме того, предлагается четко обозначить невозможность сослаться на иммунитет, если платформа знала, что контент нарушает уголовное законодательство или ей было предоставлено соответствующее судебное решение;

- Ведение невозможности применения Секции 230 в гражданских спорах, инициированными федеральным правительством;

- Ведение невозможности применения Секции 230 в антимонопольных спорах, когда в обосновании иска указано на умаление конкуренции;

- Повышение уровня определенности законодательства: отказ от неоднозначных терминов в тексте Секции 230 (предлагается заменить термин «спорный» (objectionable) на «незаконный»). Кроме того, предлагается ввести

²⁸⁹ См.: Section 230 — Nurturing Innovation or Fostering Unaccountability? Key Takeaways and Recommendations. URL: <https://www.justice.gov/file/1286331/download> (дата обращения: 30.09.2023).

критерии соответствия действий платформ при модерации контента «добрым намерениям»²⁹⁰.

И хотя реформа далее обсуждения на площадке Министерства юстиции не продвинулась (исполнительный указ был отменен Д. Байденом в 2021 году), подготовленный документ отражает область согласия всех заинтересованных сторон (экспертное сообщество, федеральное правительство и индустрия) о направлении реформы и таким образом является наиболее вероятным ее результатом.

Тем временем споры о дальнейшем направлении реформирования цифрового законодательства продолжаются²⁹¹. В литературе можно встретить самые различные предложения о будущем Секции 230. Одни авторы считают, что Секция 230 не должна применяться по отношению к поведению самой платформы (алгоритмы рекомендаций)²⁹². Другие, что Секцию 230 можно и вовсе отменить. Правда отмена положения не исключает того, что суды способны гарантировать аналогичную защиту платформам на основании Первой поправки²⁹³. Третья группа исследователей отмечает недостаточное количество информации о работе социальных сетей и предлагает узнать

²⁹⁰ «Во-первых, платформа должна иметь общедоступные условия предоставления услуг или использования, в которых *четко и ясно* указаны критерии, используемые платформой при модерации контента. Во-вторых, *любые ограничения доступа должны соответствовать этим условиям* предоставления услуг или использования, а также любым официальным заявлениям о политике платформы в отношении модерации контента. В-третьих, *любые ограничения доступа должны быть основаны на объективно обоснованном убеждении, что контент подпадает под одну из категорий, указанных в подразделе (с)(2)(А)*. И, в-четвертых, платформа должна *своевременно направить поставщику контента уведомление с конкретным объяснением фактических оснований для ограничения доступа*, за исключением случаев, когда поставщик обоснованно полагает, что контент связан с преступной деятельностью или уведомление грозит неминуемым ущербом для третьих лиц.» См.: Ibid. P. 22.

²⁹¹ The Catholic University Journal of Law and Technology Hosts Annual Symposium, 25 Years and 26 of the Internet's Most Controversial Words: Section 230 and the Modern Internet. URL: <https://www.law.edu/news-and-events/2022/04/2022-0401-JLT-symposium-section-230.html> (дата обращения: 30.09.2023).

²⁹² См., например, Kim N.S. Beyond Section 230 Liability for Facebook // St. John's Law Review. Vol. 96. No. 2. 2022. P. 353–394. Другие авторы считают, что повышение прозрачности деятельности платформ должно быть частью реформы: Whitehouse S. Section 230 Reforms // Bollinger L.C., & Stone G.R. (Eds.). Social media, freedom of speech, and the future of our democracy. New York : Oxford University Press, 2022. P. 103–118.

²⁹³ Note: Section 230 as First Amendment Rule // Harvard Law Review. Vol. 131. Iss. 7. 2018. P. 2048. Альтернативную точку зрения см.: Goldman E. Why Section 230 is better than the First Amendment // Notre Dame Law Review Reflection. Vol. 95. Iss. 1. 2019. P. 33–46.

больше о том, как работают алгоритмы рекомендаций, прежде чем продолжать реформу²⁹⁴.

Нет согласия и относительно общего направления изменений и природы самой проблемы. Чаще всего основным препятствием в реформировании Секции 230 называется то, что цифровые компании не соответствуют разработанным в практике и законодательстве определениям («издатель», «дистрибьютор» и другие), что еще раз подчеркивает несоответствие законодательства уровню развития информационных технологий²⁹⁵.

Также существует точка зрения, что основной проблемой является не применение существующих правовых доктрин, а природа бизнеса цифровых платформ. По мнению ряда авторов на самом деле усилия необходимо сконцентрировать на изменении бизнес-модели социальных сетей с тем, чтобы они стали «заслуживающими доверия организациями» и способствовали общественной дискуссии. Для этого предлагается использовать антимонопольное законодательство и законодательство о защите прав потребителей²⁹⁶.

Основной аргумент в пользу применения антимонопольного законодательства состоит в том, что нормы направленные на стимулирование конкуренции (например, запрет поглощений стартапов) будут гарантировать права пользователей платформ, поскольку последние смогут «голосовать ногами» и делать выбор в пользу сервисов, заботящихся о реализации прав человека²⁹⁷.

²⁹⁴ См.: Kosseff J. A User's Guide to Section 230, and a Legislator's Guide to Amending It (or Not) // Berkeley Technology Law Journal. Vol. 37. 2022. P. 757–801.

²⁹⁵ Stjernfelt F., Lauritzen A.M. Your post has been removed: Tech giants and freedom of speech. Springer Nature, 2020. P. 169.

²⁹⁶ См., например: Balkin J.M. To Reform Social Media, Reform Informational Capitalism // Bollinger L.C., & Stone G.R. (Eds.). Social media, freedom of speech, and the future of our democracy. New York : Oxford University Press, 2022. P. 233–254.

²⁹⁷ См., например: Fukuyama F., Grotto, A. Comparative Media Regulation in the United States and Europe // N. Persily, J. Tucker (Eds.), Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. P. 199–219.

В рамках еще одного подхода к ограничению усмотрения платформ при саморегулировании предлагается рассматривать социальные сети в качестве *публичного форума*.

Публичный (открытый) форум является пространством, в пределах которого выражение мнения гарантировано Первой поправкой. Публичные форумы могут быть традиционными (улицы, общественные парки), специальными или ограниченными²⁹⁸ (муниципальные помещения для собраний). От типа публичного форума зависит степень ограничения свободы выражения мнения. В пределах традиционного публичного форума выражение мнения не может быть ограничено с точки зрения предмета (темы) высказывания. В случае специального и ограниченного публичного форума такие ограничения допустимы. Также в последнем случае допустимы ограничения, связанные с временем и способами высказывания²⁹⁹.

Отметкой возникновения доктрины публичного форума можно считать решение Верховного Суда США по делу *Hague v. Committee for Industrial Organization*³⁰⁰. В этом деле Суд признал нарушающим Первую и Четырнадцатую поправки городской акт о запрете группе граждан без разрешения собираться в общественном месте для обсуждения и распространения литературы, касающейся Национального закона о трудовых отношениях. Суд обосновал свое решение традицией использования публичных пространств для обсуждения важных общественных вопросов³⁰¹.

²⁹⁸ United States Supreme Court. *International Soc. for Krishna Consciousness, Inc. v. Lee*, 505 U. S. 672, 678 (1992). Специальным (designated) публичным форумом является собственность, которую штат открыл для выражения мнения всеми общественными группами.

²⁹⁹ United States Supreme Court. *Grayned v. City of Rockford*, 408 U.S. 104 (1972). Суд, установил, что постановление о борьбе с шумом во время массовых демонстраций было специально разработано для удовлетворения непреодолимой заинтересованности города в непрерывности процесса образования.

³⁰⁰ United States Supreme Court. 307 U.S. 496 (1939). Мнение суда представил судья Оуэн Робертс (Owen Roberts). Судья Робертс также был автором других прецедентных в контексте свободы выражения мнения решений Суда в делах *Herndon v. Lowry*, 301 U.S. 242 (1937), *Cantwell v. Connecticut*, 310 U.S. 296 (1940), *Taylor v. Mississippi*, 319 U.S. 583 (1943).

³⁰¹ «[Улицы и парки] с незапамятных времен использовались для собраний, обмена мыслями между гражданами и обсуждения общественных вопросов. Такое использование улиц и общественных мест с древних времен было частью привилегий, иммунитетов, прав и свобод граждан».

Термин «публичный форум» стал активно использоваться Судом в 1970-е годы, как в контексте расширения гарантий³⁰², так и в случае их ограничения³⁰³. В 1980-е годы Суд проводит описанную выше классификацию публичных форумов³⁰⁴ и таким образом завершает формирование концепции.

Предпосылки применения доктрины публичного форума к случаю социальных сетей можно найти в практике Верховного Суда США. В уже упоминавшемся нами в контексте блокирования пользователей платформ решении по делу *Packingham v. North Carolina* социальные сети были названы «современной общественной площадью». Кроме того, другие суды использовали доктрину публичного форума для случаев ограничения свободы выражения мнения в социальных сетях. Так, Апелляционный суд второго округа признал публичным форумом пространство, ассоциируемое с аккаунтом Д. Трампа в социальной сети Twitter (ныне – X) и посчитал нарушением Первой поправки блокировку возможности несколькими пользователями комментировать записи в блоге президента³⁰⁵. Это решение было впоследствии обжаловано, но Верховный Суд США, сославшись на то, что Д. Трамп на момент рассмотрения дела более не являлся действующим президентом, устранился от оценки применения доктрины публичного форума к социальным сетям по существу и передал дело обратно в апелляционный суд³⁰⁶.

Однако особого внимания заслуживает опубликованное вместе с решением Суда особое мнение судьи К. Томаса, которое содержит

³⁰² United States Supreme Court. *Southeastern Promotions, Ltd. v. Conrad*, 420 U.S. 546 (1975). Суд признал разрешительную систему в отношении публичных мероприятий случаем классической предварительной цензуры (prior restraint), которая не обеспечивает адекватных процессуальных гарантий свободы выражения мнения.

³⁰³ United States Supreme Court. *Greer v. Spock*, 424 U.S. 828 (1976). Суд признал невозможность публичного форума на военной базе.

³⁰⁴ United States Supreme Court. *Perry Education Association v. Perry Local Educators' Association*, 460 U.S. 37 (1983).

³⁰⁵ *Knight First Amdt. Inst. at Columbia Univ. v. Trump*, 928 F. 3d 226 (2d Cir. 2019).

³⁰⁶ United States Supreme Court. *Biden v. Knight First Amendment Institute at Columbia University*, 593 U.S. 1220 (2021).

рассуждения относительно возможной модели регулирования социальных сетей.

Судья К. Томас отвергает возможность применения доктрины публичного форума к социальным сетям. Он указывает на то, что аккаунт Д. Трампа не является публичным форумом поскольку частная компания может распоряжаться этим цифровым пространством как сочтет нужным и даже имеет возможность закрыть его. Между тем, в практике Суда публичный форум должен контролироваться государством. Далее судья К. Томас, напоминая, что Первая поправка не может применяться в отношении частных субъектов, предлагает применять в отношении социальных сетей другие правовые доктрины. В частности, доктрину *средств общедоступного использования* (*common carriers doctrine*, буквально «общественный перевозчик»).

Использование модели средств общедоступного использования предполагает сохранение иммунитета посредника, которым пользуются другие провайдеры средств общедоступного использования, в обмен на принятие фидуциарных обязательств по отношению к конечным пользователям платформы и обязательств по обеспечению надлежащих правовых процедур и прозрачности³⁰⁷.

Точка зрения на социальные сети как на средства общедоступного использования была впоследствии использована судом при вынесении решения по делу *Twitter, Inc. v. Taamneh*³⁰⁸. Суд счел недоказанным пособничество в совершении террористического акта социальными сетями с помощью алгоритмов рекомендаций. По мнению Суда, которое было подготовлено судьей К. Томасом, платформы нельзя считать пособниками в

³⁰⁷ См.: Balkin J. How to Regulate (and Not Regulate) Social Media // *Journal of Free Speech Law*. Vol. 1. 2021. No. 1. P. 92–94; Volokh E. Treating Social Media Platforms Like Common Carriers? // *Journal of Free Speech Law*. Vol. 1. 2021. No. 1. P. 408–409.

³⁰⁸ Unites States Supreme Court. *Twitter, Inc. v. Taamneh*, 598 U.S. ____ (2023).

совершении преступления, поскольку они пассивны в процессе распространения контента.

Решение по делу *Twitter, Inc. v. Taamneh* примечательно не только тем, что в нем получил отражение взгляд на платформы как на средства общедоступного использования (и тем самым оно ставит знак равенства между цифровой социальной сетью и телефоном, будто модерации контента как феномена не существует³⁰⁹) но и тем, что оно стало основанием для отказа от рассмотрения по существу дела *Gonzalez v. Google LLC*³¹⁰, где ставился вопрос о применении Секции 230 Акта о соблюдении приличий в коммуникациях к системам рекомендаций платформ.

Тем не менее в ближайшем будущем Суд, по всей видимости, будет вынужден сформулировать позицию о Секции 230. На момент подготовки настоящего раздела на рассмотрении Суда находятся два дела, связанные с законами штата Техас и штата Флорида, которые ограничили саморегулирование крупных социальных сетей³¹¹. При этом закон штата Флорида был отменен апелляционным судом³¹², а закон штата Техас – нет³¹³.

Между тем, в отсутствии законодательного регулирования и прецедентного решения Верховного Суда США взаимодействие федерального

³⁰⁹ В решении ни разу не упоминается то обстоятельство, что платформы имеют возможность (и пользуются ею) удалять контент, блокировать пользователей платформ и использовать другие инструменты модерации контента. См.: *What the Supreme Court Says Platforms Do*. URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/what-the-supreme-court-says-platforms-do> (дата обращения: 30.09.2023). Примечательно, что не замечает роли социальных сетей в распространении контента и Конституционный Суд РФ. Рассматривая возможность привлечение к уголовной ответственности администратора группы в социальной сети за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к его совершению (ч. 1 ст. 110.2 Уголовного кодекса РФ), Конституционный Суд РФ ссылаясь на статью 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», устанавливающую обязанность владельца социальной сети удалять нелегальный контент (в том числе содержащий призывы к совершению самоубийства), вовсе не упоминает роль владельца социальной сети в организации функционирования таких групп и, более широко, в управлении цифровым пространством. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 года № 1104-О // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

³¹⁰ Unites States Supreme Court. *Gonzalez v. Google LLC*, 598 U. S. ____ (2023).

³¹¹ Unites States Supreme Court. *NetChoice v. Paxton*, No. 22-555; *Moody v. NetChoice*, No. 22-277.

³¹² *NetChoice v. Moody*, 34 F.4th 1196 (11th Cir. 2022).

³¹³ *NetChoice v. Paxton*, 49 F.4th 439 (5th Cir. 2022).

правительства и владельцев социальных сетей в области модерации контента получило правовую оценку.

Представители нескольких штатов обратились в суд с жалобой на участие федеральной исполнительной власти в процессе модерации контента. По мнению заявителей правительство оказывало давление на владельцев социальных сетей с целью побудить их удалять недостоверный контент о коронавирусе. В случае отказа от сотрудничества правительство угрожало открытием новых антимонопольных расследований и реформой Секции 230 Акта о пристойности в коммуникациях³¹⁴. Суд первой инстанции, а затем и апелляционный суд, признали такую практику нарушающей Первую поправку и постановили прекратить консультации правительства и владельцев социальных сетей³¹⁵. Действие этих мер было временно приостановлено Верховным Судом США, который впоследствии отказал заявителям в удовлетворении требований, поскольку никто из них не доказал, что имеет место «существенный риск того, что в ближайшем будущем они понесут ущерб, который вызван в конечном итоге действиями правительства и который можно устранить с помощью судебного запрета, которого они добиваются»³¹⁶.

Потенциальное участие федеральной исполнительной власти в процессе модерации контента связано с возможностью применения владельцами социальных сетей Первой поправки для защиты своих решений. По общему правилу Первая поправка к Конституции США применяется

³¹⁴ Хотя это вызывает сомнения. Во-первых, администрация президента Байдена еще до начала пандемии заявляла об использовании антимонопольного законодательства в отношении крупных социальных сетей. Во-вторых, реформа секции 230 была частью политической программы обоих кандидатов на президентский пост в 2020 году. Наконец, сами владельцы социальных сетей не заявляли о том, что на них оказывалось или оказывается какое-либо давление (по крайней мере до публикации письма Марка Цукерберга в августе 2024 года). См.: Persuasion or Coercion? The Fifth Circuit's Muddled View of Missouri v. Biden. URL: <https://knightcolumbia.org/blog/persuasion-or-coercion-the-fifth-circuits-muddled-view-of-missouri-v-biden> (дата обращения: 30.09.2023).

³¹⁵ Missouri, et al., v. Joseph R. Biden, et al. No. 3:22-CV-01213 (W.D. La. Mar. 20, 2023); Missouri v. Biden. No. 23-30445 (5th Cir. Sep. 8, 2023).

³¹⁶ «...a substantial risk that, in the near future, they will suffer an injury that is traceable to a government defendant and redressable by the injunction they seek». Unites States Supreme Court. Murthy v. Missouri, 603 U.S. ____ (2024).

только к актам Конгресса и не распространяется на действия или решения частных компаний. Это правило носит название «доктрина действия государства» (state action или government action doctrine). Исключение возможно в трех случаях, когда «[1] частная организация выполняет традиционную, исключительную государственную функцию; [2] ... правительство вынуждает частную организацию предпринять определенные действия; или [3] ... правительство действует совместно с частной организацией»³¹⁷. Таким образом в практике Верховного Суда США сложился тест «публичной функции», который позволяет применять Первую поправку в отношении частных компаний для защиты прав граждан. Однако сказать, что Суд имеет тенденцию к расширительному толкованию Первой поправки было бы большим преувеличением. В практике достаточно случаев неудачного прохождения теста³¹⁸.

На использовании доктрины действий государства была основана попытка Дональда Трампа оспорить блокировку его аккаунтов в социальных сетях в 2020 году. Он обвинил членов Конгресса в давлении на социальную сеть Twitter. Однако доказать этого не удалось. Суд счел критические в отношении Трампа высказывания членов Конгресса недостаточными для установления факта давления на социальную сеть, поскольку такие комментарии обычны для членов парламента и не имеют такую же силу как высказывания представителей исполнительной власти³¹⁹. Этот вывод суда представляется обоснованным, поскольку именно в руках исполнительной власти находятся инструменты принуждения.

³¹⁷ Manhattan Cmty. Access Corp. v. Halleck, No. 17-702, slip op. at 6 (U.S. June 17, 2019). В тексте приведены ссылки на следующие решения: Jackson v. Metro. Edison Co., 419 U.S. 345, 352–54 (1974), Blum v. Yaretsky, 457 U.S. 991, 1004–05 (1982), and Lugar v. Edmondson Oil Co., 457 U.S. 922, 941–42 (1982).

³¹⁸ Например, Columbia Broadcasting System v. Democratic National Committee (412 U.S. 94 (1973)), где требования Первой поправки не были распространены на радиостанции, которые на основании своей редакционной политики отказывались продавать эфирное время лицам для размещения спорных политических высказываний. В указанном деле эфир не был предоставлен противникам войны во Вьетнаме.

³¹⁹ Trump v. Twitter Inc., 602 F. Supp. 3d 1213 (N.D. Cal. 2022).

Важность доктрины действий государства обусловлена в первую очередь негативным характером закрепления в тексте американской Конституции свободы слова – текст *запрещает* ограничивать свободу слова, но *не содержит позитивного обязательства*. Особенно заметным это обстоятельство стало при рассмотрении спора о реализации свободы выражения мнения в торговых центрах. Верховный суд штата Калифорния обязал владельцев частных торговых комплексов предоставить возможность реализовывать это право на их территории, поскольку Конституция штата гарантирует свободу слова позитивным способом³²⁰. Федеральная Конституция не позволяет установить аналогичное требование, что подтверждено решением Верховного суда США³²¹. Таким образом, на основании сложившейся судебной практики требование об обеспечении владельцами социальных сетей свободы слова пользователей с использованием доктрины действий государства представляется крайне затруднительным.

Для развития российской правоприменительной практики и законодательства приведенный сюжет использования доктрины действий государства полезен в двух отношениях. Во-первых, она предлагает понятный перечень случаев, когда платформа реализует публичные функции (случай простого и вынужденной реализации, а также кооперации с государственным органом), и таким образом может быть полезным инструментом для поиска баланса между свободой выражения мнения пользователей платформ и свободой экономической деятельности их владельцев. Во-вторых, учитывая позитивный характер закрепления в российской Конституции свободы

³²⁰ Unites States Supreme Court. *Pruneyard Shopping Center v. Robins*, 447 U.S. 74 (1980). Раздел 2 (а) статьи 1 Конституции штата Калифорния гласит: «Каждый вправе свободно выражать устно, письменно и публиковать свои взгляды по любым вопросам, неся ответственность за злоупотребление этим правом. Закон не может ограничивать свободу слова или печати.». California Constitution, article I, section 2 (a). URL: https://leginfo.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=CONS&division=&title=&part=&chapter=&article=1 (дата обращения: 31.08.2024).

³²¹ Unites States Supreme Court. *Lloyd Corp. v. Tanner*, 407 U.S. 551 (1972). Примечательно, что размещение плакатов было признано судом нарушением права на частную собственность.

выражения мнения (статья 29), американский опыт предлагает дополнительные аргументы (помимо доктрины горизонтального эффекта прав человека, рассмотренной ранее) в пользу распространения указанной конституционного положения на действия и решения частных компаний – владельцев социальных сетей.

Итак, подводя итог краткому обзору опыта США, характеризующему подходы законодательной и судебной власти к формированию гарантий реализации свободы слова в социальных сетях, стоит выделить следующее.

Развитие конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей цифровых платформ в США можно разделить на три этапа. *На первом этапе* (1959–1996 гг.), специальных подходов к формированию юридических гарантий именно в цифровой сфере не было выработано и к соответствующим отношениям применялись те же правила, что и «off line». Все информационные посредники были наделены Верховным Судом США иммунитетом от преследования на основании Первой поправки к Конституции США. Условием освобождения от ответственности стало невмешательство лица (в том числе юридического) в процесс распространения информации. С развитием новых информационных технологий это правило фактически привело к невозможности модерации контента цифровыми платформами, ведь любое вмешательство в информационный поток влекло для них риск привлечения к ответственности.

На втором этапе (1996–2018 гг.), понимая необходимость модерации цифрового пространства и для стимулирования роста технологического сектора, Конгресс США установил правило о невозможности привлечения цифровых платформ к ответственности за размещаемый пользователями контент и его модерацию (Секция 230 Акта о соблюдении приличий в коммуникация). Результатом введения этой законодательной меры стало приобретение социальными сетями неограниченного усмотрения в

определении правил модерации контента. Суды неоднократно использовали *расширительное толкование* Секции 230 и предоставляли защиту платформам даже в тех случаях, когда речь шла о действиях самих платформ, но не их пользователей (например, в случае создания систем рекомендаций).

На третьем этапе (с 2018 г. по настоящее время) одновременно происходят точечная настройка правила Секции 230 (так, иммунитет платформ был ограничен для борьбы с онлайн торговлей людьми) и определение будущего направления изменений правил игры в цифровой сфере, где на первый план вышли крупные диджитал-компании. Так, помимо прочего, платформы предлагается рассматривать в качестве *публичного форума* – пространства, где свобода слова пользователей платформ гарантируется Первой поправкой к Конституции США. Указанная доктрина развивается в практике Верховного Суда США с середины XX века. В практике ординарных судов уже есть прецеденты применения этой доктрины для признания противоправным блокирования политическими деятелями доступа к своим публичным страницам отдельным пользователям. Однако Верховный Суд США пока что отказывается применять ее в случае социальных сетей (*Biden v. Knight First Amendment Institute at Columbia University*).

Это и другие решения Суда о модерации контента в социальных сетях представляются индикатором выжидательной позиции высшей судебной инстанции. Судья К. Томас (основной докладчик в Суде по цифровой тематике) неоднократно заявлял о необходимости изменения практики и законодательства, но скорее считает, что это должен сделать Конгресс США, а не судебные органы. Однако нельзя исключать, что в ближайшем будущем Суд пересмотрит свою позицию в целях восстановления единообразия судебной практики. Между тем, определенные признаки наличия консенсуса

о направлении реформы есть (см. доклад Министерства юстиции США³²²), но они так и не трансформировались в правовые нормы.

Таким образом, платформы в Соединенных Штатах продолжают пользоваться *ограниченным иммунитетом*, а их свобода усмотрения в отношении пользовательского контента ограничена *в наименьшей степени* по сравнению с другими юрисдикциями, в чем мы убедимся далее. При этом законодатели в США с большой долей вероятности в будущем примут во внимание опыт регулирования платформ в Европейском Союзе.

³²² См.: Section 230 — Nurturing Innovation or Fostering Unaccountability? Key Takeaways and Recommendations. URL: <https://www.justice.gov/file/1286331/download> (дата обращения: 30.09.2023).

2.2. Европейская модель конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях

Европейский Союз, пожалуй, наиболее последователен в стремлении разработать правила для цифрового пространства и – в силу описанного выше «Эффекта Брюсселя» – это объединение является самым влиятельным регулятором в цифровой сфере.

В Европейском Союзе, как и в Соединенных Штатах, нет специальных актов, устанавливающих конституционно-правовые гарантии свободы слова пользователей социальных сетей. Европейское цифровое законодательство образуют по меньшей мере три основных документа³²³: Директива о цифровой торговле (e-Commerce Directive)³²⁴, Акт о цифровых услугах (Digital Services Act)³²⁵ и Акт о цифровых рынках (Digital Markets Act)³²⁶. Наибольшим значением для обеспечения свободы слова пользователей социальных медиа

³²³ Разумеется, актуальных для цифровой среды законодательных актов несколько больше. Помимо тех, которые рассматриваются в настоящем разделе, можно упомянуть Регламент ЕС о противодействии распространению террористического контента в интернете (Regulation (EU) 2021/784 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 on addressing the dissemination of terrorist content online // Official Journal of the European Union. L 172. 17.05.2021. P. 79–109), Директиву об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке (Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC // Official Journal of the European Union. L 130. 17.05.2019. P. 92–125) и другие документы. Немаловажным источником регулирования цифровых гигантов в будущем станет и Акт об искусственном интеллекте, который сейчас находится на стадии обсуждения. См.: Proposal for a regulation of the European parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain union legislative acts. COM/2021/206 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52021PC0206> (дата обращения: 30.09.2023). Здесь же мы останавливаемся только на тех документах, в фокусе которых находятся общие проблемы регулирования цифровых платформ и, в частности, социальных сетей.

³²⁴ Directive (EU) 2015/1535 of the European Parliament and of the Council of 9 September 2015 laying down a procedure for the provision of information in the field of technical regulations and of rules on Information Society services (codification) // Official Journal of the European Union. L 241. 17.9.2015. P. 1–15.

³²⁵ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. L 277. 27.10.2022. P. 1–102.

³²⁶ Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) // Official Journal of the European Union. L 265. 12.10.2022. P. 1–66.

платформ в этом перечне обладает Акт о цифровых услугах. Именно поэтому раздел в основном будет посвящен анализу его содержания. До принятия в 2022 году Акта о цифровых услугах ключевым документом, определяющим правила игры для цифровых компаний, считалась Директива о цифровой торговле.

Директива устанавливает нормы в отношении предоставления услуг информационного общества (information society services). Под такого рода услугами понимаются услуги, оказываемые по индивидуальному запросу клиента на расстоянии, обычно за вознаграждение, посредством электронной передачи и хранения данных³²⁷. Главным образом Директива решала задачу развития цифровых сервисов и, как следствие, европейской экономики в целом.

Предоставлять услуги информационного общества может любое физическое или юридическое лицо³²⁸. Столь широкое определение провайдера услуг позволило Суду Европейского Союза применять положения Директивы к поисковым системам³²⁹ и к маркетплейсам³³⁰.

Именно на основе положений Директивы о цифровой торговле об иммунитете цифровых посредников в Европейском Союзе сложился правовой режим, позволяющий социальным сетям и другим платформам самостоятельно устанавливать правила размещения пользовательского контента³³¹.

Однако иммунитет платформ в Европейском Союзе не является абсолютным. Платформы пользуются иммунитетом в том случае, если они

³²⁷ См.: Article 1(1)(b), Directive (EU) 2015/1535 of the European Parliament and of the Council of 9 September 2015 laying down a procedure for the provision of information in the field of technical regulations and of rules on Information Society services (codification) // Official Journal of the European Union. L 241. 17.9.2015. P. 1–15.

³²⁸ Статья 2(b) Директивы о цифровой торговле.

³²⁹ European Court of Justice (далее – ECJ). Google France SARL v. Louis Vuitton Malletier SA // European Court Reports (далее — ECR). 2010. I-02417.

³³⁰ ECJ. L'Oreal SA v. eBay Int'l AG // ECR. 2011. I-106011.

³³¹ См.: De Gregorio G. Digital Constitutionalism in Europe: Reframing Rights and Powers in the Algorithmic Society. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. P. 95-101.

(1) не выступают в качестве инициатора передачи информации, (2) не определяют получателя информации и (3) не отбирают или не модифицируют передаваемую информацию³³². Кроме того, провайдер услуги освобождается от ответственности если он не имел реального знания (actual knowledge) о незаконном характере размещенного контента, а получив такое знание, предпринял своевременные действия для удаления контента³³³. Последнее известно как механизм «уведомления и действия» (notice and action)³³⁴.

В дополнение к установлению невозможности привлечения платформ к ответственности за размещенный пользователями контент Директива устанавливает запрет для государств-членов ЕС вводить обязанность мониторинга информации или поиска подтверждения нелегального характера действий пользователей платформ³³⁵.

Директива о цифровой торговле была принята в 2000 году и неоднократно оценивалась в литературе как не соответствующая текущему уровню развития информационных технологий и природе отношений между платформами и пользователями³³⁶.

Национальные правительства государств-членов ЕС начали предпринимать активные шаги для сокращения разрыва между регулированием и уровнем развития технологий, что выразилось в принятии на национальном уровне актов, направленных на регулирование социальных сетей. В этом ряду необходимо назвать немецкий закон «Об улучшении ситуации с правоприменением в социальных сетях»³³⁷, австрийский закон «О

³³² Статья 12 Директивы о цифровой торговле.

³³³ Статьи 13–14 Директивы о цифровой торговле.

³³⁴ См.: Edwards L. (Ed.). *The new legal framework for e-commerce in Europe*. London : Bloomsbury Publishing, 2005. P. 107, 112-113.

³³⁵ Статья 15 Директивы о цифровой торговле.

³³⁶ См., например, Stalla-Bourdillon S. *Internet intermediaries as responsible actors? Why it is time to rethink the e-Commerce Directive as well // The Responsibilities of Online Service Providers*. Germany: Springer International Publishing, 2017. P. 275–293; Buiten M.C., De Streef A., Peitz M. *Rethinking liability rules for online hosting platforms // International Journal of Law and Information Technology*. Vol. 28. Iss. 2. 2020. P. 139–166 и др.

³³⁷ Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/netztdg/BJNR335210017.html> (дата обращения: 30.09.2023). Подробнее об этом законе см.: Румянцев А. *Немецкий закон о социальных сетях: нормативное закрепление технологического отставания // Сравнительное конституционное обозрение*. 2019. № 3(130). С. 27–53.

мерах защиты пользователей коммуникационных платформ»³³⁸ и принятый во Франции Закон о противодействии манипуляциям в период выборов³³⁹. Принятие этих актов было продиктовано необходимостью заполнения правового вакуума, возникшего в связи с тем, что положения Директивы о цифровой торговле более не отвечали уровню развития сетевого пространства, где доминирующим средством коммуникации стали социальные сети³⁴⁰.

Для того чтобы заполнить пробелы Директивы о цифровой торговле и гармонизировать законодательство на территории ЕС в 2020 году Европейская Комиссия выступила с предложением о принятии двух новых законов: Акта о цифровых услугах (Digital Services Act)³⁴¹ и Акта о цифровых рынках (Digital Markets Act)³⁴². Цели принятия законов состояли в обеспечении защиты прав пользователей платформ и создании равных рыночных условий для развития цифровых сервисов, соответственно³⁴³.

Акт о цифровых рынках разработан для ограничения возможности цифровых гигантов злоупотреблять своим нередко эксклюзивным положением на рынке цифровых сервисов. Для этого указанный закон вводит понятие «привратника» (gatekeeper) – то есть платформы, предоставляющей

³³⁸ Bundesgesetz über Maßnahmen zum Schutz der Nutzer auf Kommunikationsplattformen (Kommunikationsplattformen-Gesetz – KoPl-G). URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20011415> (дата обращения: 30.09.2023).

³³⁹ LOI n° 2018-1202 du 22 décembre 2018 relative à la lutte contre la manipulation de l'information (1) // Journal officiel de la République Française n° 0297 du 23 décembre 2018. Texte No 2 sur 191. О других законодательных актах Французской Республики см.: Иванова К.А. Ограничения свободы слова во Франции в эпоху цифровых технологий // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 1. С. 15–23.

³⁴⁰ См.: Castets-Renard C. Algorithmic content moderation on social media in EU law: Illusion of perfect enforcement // The Illinois Journal of Law, Technology & Policy. Vol. 2020 Iss. 2. 2020. P. 283–324; Buiten M. The Digital Services Act: From Intermediary Liability to Platform Regulation // Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law. Vol. 12. No. 5. 2021. P. 361–380; Chiarella M. Digital Markets Act (DMA) and Digital Services Act (DSA): New Rules for the EU Digital Environment // Athens Journal of Law. Vol. 9. No. 1. 2023. P. 33–58; Heldt A. EU digital services act: The white hope of intermediary regulation // Digital Platform Regulation: Global Perspectives on Internet Governance. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 69–84 и др.

³⁴¹ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. L 277. 27.10.2022. P. 1–102.

³⁴² Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) // Official Journal of the European Union. L 265. 12.10.2022. P. 1–66.

³⁴³ См.: The Digital Services Act package. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act-package> (дата обращения: 30.09.2023).

основные услуги (providing core platform services), такие как поиск, веб-браузеры, социальные сети и другие³⁴⁴. Статус привратника получили Alphabet, Amazon, Apple, ByteDance, Meta и Microsoft³⁴⁵. Эти компании должны следовать правилам, которые направлены на ограничение их рыночного положения. Например, компании-привратники не должны препятствовать пользователям переходить на сторонние сервисы. В целом Акт о цифровых рынках имеет антимонопольное значение, и мы ограничимся лишь его общим описанием³⁴⁶.

С точки зрения обеспечения прав пользователей платформ большее значение имеет Акт о цифровых услугах. Этот документ так или иначе адресует основные проблемы реализации свободы выражения мнения в социальных сетях³⁴⁷. Но сперва мы остановимся на общих положениях Акта, определяющих систему регулирования деятельности платформ.

Акт о цифровых услугах устанавливает правила предоставления услуг цифрового посредника (intermediary services) – разновидности услуг информационного общества. При этом выделяется несколько видов цифровых посредников. Это поставщики облачных услуг и услуг хостинга в интернете (hosting services, занимаются хранением информации пользователей), онлайн-платформы (online platforms, не только хранят информацию, полученную от своих пользователей, но и дают им возможность распространять ее) и крупные онлайн-платформы (very large online platforms, отличаются от обычных онлайн-платформ большей популярностью: предоставляют свои услуги 45 млн активных пользователей на территории ЕС в течение месяца).

³⁴⁴ Статьи 2(1) и 2(2) Акта о цифровых рынках.

³⁴⁵ Digital Markets Act: Commission designates six gatekeepers. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_4328 (дата обращения: 30.09.2023).

³⁴⁶ Подробнее об Акте о цифровых рынках см.: Bostoen F. Understanding the Digital Markets Act // The Antitrust Bulletin. Vol. 68. No. 2. 2023. P. 263–306; Larouche P., De Streel A. The European digital markets act: A revolution grounded on traditions. Journal of European Competition Law & Practice. Vol. 12. No. 7. 2021. P. 542–560.

³⁴⁷ Несмотря на внушительный объём, Акт о цифровых услугах нельзя назвать исчерпывающим. В европейском законодательстве сохраняются серые зоны, например, в сфере защиты интеллектуальных прав. См.: Quintais J., Schwemer S. The Interplay between the Digital Services Act and Sector Regulation: How Special Is Copyright? // European Journal of Risk Regulation. Vol. 13. No. 2. 2022. P. 191–217.

К каждому виду сервиса применяются требования Акта о цифровых услугах адресованные всем цифровым посредникам и требования применимые к каждому предыдущему уровню сервиса. То есть к крупным онлайн-платформам будут применяться требования, адресованные обычным онлайн-платформам, поставщикам облачных услуг и услуг хостинга, а также требования ко всем цифровым посредникам. Таким образом Акт о цифровых услугах устанавливает единую систему правил для цифровых торговых площадок (маркетплейсов), социальных сетей, платформ для обмена контентом, сервисов поиска отелей и т.д. (см. Приложение 1).

Акт о цифровых услугах не пришел на смену Директиве об электронной торговле; она продолжает действовать и следовательно режим ответственности социальных сетей за пользовательский контент (иммунитет платформ) не изменился. Таким образом, модель регулирования не претерпела радикальных изменений. Однако Акт о цифровых услугах вводит дополнительные обязанности для владельцев цифровых платформ и проводит дифференциацию этих обязанностей в зависимости от функций платформы и ее размера. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

1. Использование новых инструментов ограничения свободы выражения мнения пользователей платформ. Положения Акта о цифровых услугах направлены на ограничение теневого блокирования контента³⁴⁸ и блокирования пользователей платформ.

Под *теневым блокированием* в Акте понимается «понижение в рейтинге или в рекомендательных системах, а также в ограничении доступа одним или несколькими получателями услуги или блокировке пользователя в интернет-сообществе без ведома пользователя»³⁴⁹.

³⁴⁸ Leerssen P. An End to Shadow Banning? Transparency rights in the Digital Services Act between content moderation and curation // Computer Law & Security Review. Vol. 48. 2023. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0267364923000018?via%3Dihub> (дата обращения: 30.09.2023).

³⁴⁹ Пункт 55 преамбулы Акта о цифровых услугах.

Решить проблему теневого блокирования контента предлагается путем обязательного уведомления пользователя о применении к его аккаунту мер принуждения в связи с размещением противозаконного контента или нарушения правил платформы³⁵⁰.

Такое уведомление должно быть ясным и детализированным³⁵¹. Акт устанавливает минимальные требования к содержанию такого уведомления. Оно должно содержать суть решения (блокировка, удаление контента и т.д.), территорию реализации такого решения, длительность применения мер. Кроме того, уведомление должно описывать факты и обстоятельства, на которых решение основано; информацию о применении автоматических инструментов модерации контента; ссылку на правовую норму или на норму правил сообщества, и объяснения, почему информация считается незаконным контентом на основании этой нормы права или нормы правил сообщества; наконец, понятную для пользователя информацию о доступных пользователю в связи с принятым решением средствах правовой защиты³⁵².

Исключение из этого правила сделано для предотвращения недобросовестного использования цифровых сервисов. Уведомление пользователя платформы не обязательно, если меры принуждения применяются по отношению к аккаунтам, распространяющим большое количество вводящего в заблуждение коммерческого контента с использованием ботов, поддельных учетных записей или других недобросовестных способов (other deceptive uses of the service)³⁵³.

Обязательное уведомление существенно ограничивает возможности платформ по теневого блокированию, но не означает его полного прекращения. Указанное требование охватывает только случаи нарушения правил или национального законодательства, что следует из норм Акта.

³⁵⁰ Статья 17 Акта о цифровых услугах.

³⁵¹ Статья 17(1) Акта о цифровых услугах.

³⁵² Статья 17(3) Акта о цифровых услугах.

³⁵³ Вводное положение 55 к Акту о цифровых услугах.

Однако, как уже было указано выше, платформы могут ограничивать распространение контента даже если размещенная пользователем информация *потенциально* нарушает нормы сообщества. Вывести из тени такие случаи могут требования к прозрачности систем рекомендаций цифровых платформ³⁵⁴.

Система рекомендаций в Акте определяется как полностью или частично автоматизированная система, используемая онлайн-платформой для предложения в ее онлайн-интерфейсе конкретной информации получателям услуги (то есть пользователем платформы) или определения приоритетности этой информации, в том числе в результате поиска, инициированного получателем услуги, или иного определения относительного порядка или значимости отображаемой информации³⁵⁵.

Согласно нормам Акта о цифровых услугах платформы должны в собственных правилах указать *основные параметры*, которые используются в системах рекомендаций³⁵⁶. Из содержания параметров должно быть понятно почему определенная информация предлагается пользователю платформы. Поэтому правила должны описывать *критерии*, которые являются наиболее значимыми при определении предлагаемой пользователю информации³⁵⁷ и *причины* относительной важности этих параметров³⁵⁸. Кроме того, правила платформы должны описывать доступные пользователю возможности по изменению этих параметров. Доступ к настройкам системы рекомендаций должен быть удобным для пользователя и открыт в любое время³⁵⁹.

³⁵⁴ Система рекомендаций в статье 3(s) Акта о цифровых услугах определяется как «полностью или частично автоматизированная система, используемая онлайн-платформой для предложения в ее онлайн-интерфейсе конкретной информации получателям услуги (то есть пользователем платформы) или определения приоритетности этой информации, в том числе в результате поиска, инициированного получателем услуги, или иного определения относительного порядка или значимости отображаемой информации».

³⁵⁵ Статья 3(s) Акта о цифровых услугах.

³⁵⁶ Там же. Статья 27.

³⁵⁷ Там же. Статья 27(2)(a).

³⁵⁸ Там же. Статья 27(2)(b).

³⁵⁹ Там же. Статья 27(3). Специальные правила устанавливаются для крупных цифровых платформ (very large online platforms). Они обязаны предоставить пользователю возможность выбрать такие настройки

Это имеет большое значение для свободы выражения мнения пользователей социальных сетей. Следует ожидать, что пользователи получат возможность обжаловать действия платформ, о которых ранее некоторые из них даже не догадывались. Вместе с тем закрепленные в Акте требования к системам рекомендаций дают основания говорить о чрезмерном регулировании цифрового пространства.

Во-первых, жесткие требования к системам рекомендаций (в частности, требование к крупным онлайн-платформам предоставлять возможность пользователям отключать алгоритмы), как отмечают эксперты, могут привести к сокращению возможностей развития цифровых платформ, поскольку потенциально ограничивают основной ресурс такого развития, а именно получение платформами данных об активности пользователей³⁶⁰.

Во-вторых, полный отказ от теневого блокирования может привести к нарушению сложившейся системы управления социальными сетями, основанной на способности платформ контролировать возможность пользователей быть видимыми в цифровом пространстве. На первый план в такой системе выходит не страх наказания за нарушение правил сообщества (как в модели дисциплинарного контроля по М. Фуко³⁶¹), а стремление выйти на первое место в рекомендациях. В такой системе полное раскрытие правил

систем рекомендаций, которые не основаны на анализе персональных данных пользователя. (Статья 38 Акта о цифровых услугах). В тексте статьи дословно сказано, что такая система «не должна быть основана на профайлинге». Определение понятия «профайлинг» установлено статьей 4(4) Общего регламента защиты персональных данных (GDPR) и означает любую форму автоматизированной обработки персональных данных, состоящую в использовании персональных данных для оценки определенных личных аспектов, относящихся к физическому лицу, в частности, для анализа или прогнозирования аспектов, касающихся работы, экономического положения, здоровья, личных предпочтений, интересов, надежности, поведения, местонахождения или перемещений этого физического лица. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. L 119. 04.05.2016. P. 1–88.

³⁶⁰ См.: Wilman F. De Digital Services Act (DSA): een belangrijke stap naar betere regulering van onlinedienstverlening // Nederlands tijdschrift voor Europees recht. No. 9-10. 2022. P. 220–232.

³⁶¹ Дисциплинарный контроль, в самом сжатом изложении идеи М. Фуко, основан на субъективации индивида при помощи дисциплинирующих техник, применение которых в рамках социальных институтов делает индивида постоянно наблюдаемым и идентифицируемым, что способствует соблюдению им социальных норм. В качестве примера дисциплинирующей техники можно привести использование камер наблюдения в общественных пространствах. См. подробнее: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 2018. С. 416.

модерации может привести к тому, что пользователи платформ получают возможность «обойти» алгоритмы и модераторов для того, чтобы максимизировать охват аудитории. Как следствие система контроля перестанет функционировать³⁶².

Наконец, нормы Акта о цифровых услугах оставляют широкое поле для усмотрения государственных органов. По всей видимости нам еще предстоит увидеть конфликты вокруг оценочных понятий, описывающих требования к системам рекомендаций: какие параметры можно считать «основными», а критерии «наиболее значимыми»? При этом преимущество принадлежит цифровым компаниям, которые обладают большим количеством сведений о том, как устроен «черный ящик» рекомендаций.

Акт о цифровых услугах напрямую не урегулировал проблему маркировки пользовательского контента социальными сетями. Рассмотренные выше положения об уведомлении пользователей не могут быть применены по отношению к маркировке контента, поскольку она, во-первых, не оказывает влияния на видимость контента, и во-вторых, применяется по отношению к легальному контенту. Требования к алгоритмическим системам также не ограничивают использование этого инструмента.

В то же время Акт о цифровых услугах ограничивает свободу усмотрения платформ при блокировании пользователей. Во-первых, на это направлены рассмотренные нами выше положения об обязательном уведомлении пользователей о применении мер к их аккаунтам. Во-вторых, Акт о цифровых услугах устанавливает необходимость предварительного предупреждения пользователей о возможности блокирования их аккаунта в случае продолжения ненадлежащего использования платформы. В-третьих, блокирование доступа к платформе должно быть ограничено во времени – блокировка не может быть бессрочной. В-четвертых, при рассмотрении

³⁶² Savolainen L. The shadow banning controversy: perceived governance and algorithmic folklore // Media, Culture & Society. Vol. 44. No. 6. 2022. P. 1105–1106.

вопроса о блокировании аккаунта пользователя владелец платформы должен учитывать количество единиц нелегального контента, размещенных пользователем, и процентное соотношение в нем нелегального и легального сегментов, характер нелегального контента и последствия его размещения пользователем, а также намерения последнего при этом (в той степени, в которой это возможно)³⁶³. Таким образом, свобода усмотрения платформ ограничивается в трех направлениях: *необходимости обоснования принятого решения, перечня факторов, требующих рассмотрения при принятии решения*, и в части итогового решения – *блокировка не может быть бессрочной*.

2. Нормы Акта о цифровых услугах направлены на ***упорядочивание участия некоммерческих организаций в модерации контента***.

Европейская комиссия обратила внимание на возможности некоммерческого сектора контролировать распространение незаконного контента онлайн еще в 2016 году, когда был подписан Кодекс по противодействию языку вражды онлайн³⁶⁴. Этот документ устанавливает добровольные для платформ обязательства (public commitment) по противодействию распространения незаконного контента. Помимо прочего, такие компании как Facebook, Microsoft, Twitter и YouTube³⁶⁵, взяли на себя обязательство расширять сотрудничество с организациями гражданского общества и оказывать им содействие в модерации контента, в том числе путем разъяснения норм саморегулирования и проведения тренингов. При этом цифровые компании согласились соблюдать должное уважение к необходимости сохранения независимости и репутации некоммерческих организаций. Информация о сотрудничестве с НКО должна была появиться на

³⁶³ Статья 23 Акта о цифровых услугах.

³⁶⁴ The EU Code of conduct on countering illegal hate speech online. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/combating-discrimination/racism-and-xenophobia/eu-code-conduct-countering-illegal-hate-speech-online_en (дата обращения: 30.09.2023). Принятие кодексов поведения предусмотрено в качестве меры реализации положений Директивы о цифровой торговле (статья 16 Директивы).

³⁶⁵ По состоянию на начало 2023 года к Кодексу присоединились двенадцать компаний.

сайтах технологических компаний. Однако компании не спешили выполнить взятые на себя обязательства и уровень открытости взаимодействия с третьим сектором существенно не повысился. К примеру, Facebook не раскрыл ни перечень НКО, с которыми были установлены партнерские отношения, ни количество контента, удаленного в ответ на обращения организаций третьего сектора, не говоря уже о других сведениях, напрямую касающихся процесса администрирования цифрового пространства реализации свободы слова³⁶⁶.

Понятие «trusted flagger» появляется в европейском законодательстве в 2018 году в Рекомендации Европейской комиссии о мерах по эффективной борьбе с незаконным контентом онлайн³⁶⁷. Таким статусом, как указано в Рекомендации, может наделяться физическое лицо или организация, которые обладают особым опытом (*expertise and responsibilities*) для борьбы с незаконным контентом онлайн³⁶⁸. Помимо этого, документ содержит три положения, направленных на упорядочение деятельности «друзей платформ». Во-первых, документ содержит рекомендацию по ускоренному рассмотрению их обращений. Во-вторых, цифровые компании должны публиковать понятные и объективные критерии наделения организаций особым статусом. Наконец, критерии должны быть сформулированы таким образом, чтобы друзья платформ выполняли свои задачи добросовестно и объективно с должным уважением к ценностям ЕС³⁶⁹.

Как уже было отмечено в предыдущем разделе статьи, несмотря на все усилия Европейской комиссии, прозрачность взаимодействия платформ и НКО осталась на достаточно низком уровне. Поэтому европейский законодатель не стал останавливаться на принятии норм мягкого права и включил в Акт о

³⁶⁶ См., например, Facebook: Improvements in transparency reporting more urgent amid Coronavirus pandemic. URL: <https://www.article19.org/resources/facebook-improvements-in-transparency-reporting-more-urgent-amid-coronavirus-pandemic/> (дата обращения: 30.09.2023).

³⁶⁷ Commission Recommendation (EU) 2018/334 of 1 March 2018 on measures to effectively tackle illegal content online // Official Journal of the European Union. L 63. 06.03.2018. P. 50–61.

³⁶⁸ Там же. Пункт 4(g).

³⁶⁹ Там же. Пункты 25–27.

цифровых услугах положения касающиеся взаимодействия цифровых платформ и третьего сектора.

В Акте о цифровых услугах установлены следующие правила:

- Специальным статусом некоммерческую организацию наделяет Координатор цифровых услуг³⁷⁰ на основании трех критериев: независимости от цифровых платформ, наличия достаточного экспертного потенциала и добросовестности. Специальным статусом могут наделяться *только* организации, физические лица исключаются³⁷¹;

- Друзья платформ обязаны публиковать ежегодный отчет о своей деятельности. Отчет должен содержать подробную информацию об обращениях, поданных НКО³⁷²;

- Платформа обязана уведомить Координатора, если некоммерческая организация направляет значительное число неадекватных жалоб. Координатор, при наличии оснований, открывает расследование в отношении организации, на время которого статус друга платформы приостанавливается. По итогам расследования статус может быть отозван Координатором³⁷³.

Акт о цифровых услугах, таким образом, устанавливает новые правила взаимодействия некоммерческих организаций и цифровых компаний. Кончено, говорить об эффективности его положений преждевременно, так как он вступил в силу в начале 2024 года и практика применения его положений не успела сформироваться. При этом Акт о цифровых услугах не отменяет ранее принятый и упомянутый выше Кодекс по противодействию языку вражды онлайн, а значит в европейской юрисдикции существуют две параллельные системы наделяния некоммерческих организаций статусом друзей

³⁷⁰ Координатор цифровых услуг – это орган, назначенный для реализации и надзора за соблюдением Акта о цифровых услугах в каждом государстве-члене ЕС. Подробнее о его функциях см. статьи 49–55 Акта о цифровых услугах.

³⁷¹ Статья 22(2) Акта о цифровых услугах.

³⁷² Там же. Статья 22(3).

³⁷³ Там же. Статья 22(6) и 22(7).

платформ³⁷⁴. Одна из них действует по правилам Кодекса (без участия Координатора цифровых услуг и его надзора), а другая - по правилам установленным Актом о цифровых услугах. Наличие двух путей взаимодействия скорее всего приведет к сохранению указанной ранее проблемы легитимности взаимодействия платформ и НКО. Тем не менее представляется, что основное направление в регулировании институтами Европейского Союза участия третьего сектора в модерации контента представлено идеей *обеспечения прозрачности партнерства НКО и цифровых гигантов*, гарантировать которую должны будут специальные органы государств – членов ЕС. *Думается, что такое направление развития законодательства может быть реализовано и в российской практике регулирования цифровой сферы.*

3. Акт о цифровых услугах ***устанавливает требования, связанные с рассмотрением споров, возникающих в процессе модерации контента***, что представляется попыткой европейского законодателя найти более гибкий механизм ограничения свободы выражения мнения пользователей платформ путем ***создания новых организаций по разрешению споров.***

Информация, содержащаяся в уведомлении о применении мер принуждения, также упрощает процесс обжалования действий платформ. Акт о цифровых сервисах признает *три* процедуры оспаривания действий платформ: *внутреннюю, судебную и внесудебную*, но устанавливает специальные правила только для первой и последней процедуры.

Для внутреннего способа обжалования решений платформ Акт устанавливает требования к дизайну системы подачи жалоб. Они должны быть легкодоступными, удобными для пользователя и делать процесс подачи

³⁷⁴ См. вводное положение 62 к Акту о цифровых услугах.

достаточно точных и адекватно обоснованных жалоб легче³⁷⁵. Система подачи жалоб должна быть электронной и бесплатной³⁷⁶.

Судебная процедура упоминается лишь в связи с оговоркой о том, что внесудебный порядок разрешения споров не имеет преюдициального значения для права пользователя обратиться за судебной защитой своих прав³⁷⁷.

Внесудебная процедура (out-of-court dispute settlement) является новым для законодательства механизмом разрешения споров. Внесудебное разрешение споров будет проходить при посредничестве лицензированных организаций. Полномочиями по лицензированию наделяются Координаторы государств-членов ЕС. Для получения лицензии организация должна соответствовать ряду установленных Актом критериев: *независимости*, в том числе финансовой, от потенциальных сторон конфликта; *компетентности* (наличия экспертизы в разрешении споров с участием цифровых платформ); *прозрачности* (наличия понятных и опубликованных процедур разрешения споров) и др.³⁷⁸ Срок лицензии – 5 лет. Она может быть отозвана, если организация перестает соответствовать критериям³⁷⁹. Акт устанавливает требование направлять отчеты Координатору. Координатор, в свою очередь, раз в два года должен публиковать доклад о работе лицензированных им организаций³⁸⁰. Срок разрешения споров не должен превышать 90 дней. В обмен на разрешение споров организация может получать вознаграждение как от платформы, так и от пользователей. Плата пользователей платформ должна быть номинальной. При этом методика расчетов стоимости разрешения споров должна быть опубликована, а вознаграждение не должно превышать расходов организации в связи с разрешением спора (то есть нельзя получать прибыль)³⁸¹.

³⁷⁵ Статья 20(3) Акта о цифровых услугах.

³⁷⁶ Там же. Статья 20(1).

³⁷⁷ Там же. Абзац 3 статьи 21(1).

³⁷⁸ Там же. Статья 21(3).

³⁷⁹ Там же. Статья 21(7).

³⁸⁰ Там же. Статья 21(4).

³⁸¹ Там же. Абзацы 2 и 3 статьи 21 (5).

Таким образом, европейский законодатель предпринимает попытку легализации складывающейся практики по передаче споров третьим лицам. Ранее возможность оспаривать решения владельца платформы предоставила компания Meta, которая создала для этого специальную организацию - Наблюдательный совет (Oversight Board) (см. раздел 1.2 работы). Однако незамедлительного расширения практики разрешения споров независимыми организациями в ЕС ожидать не следует, поскольку существуют сомнения в том, что найдется достаточное количество организаций, с одной стороны, соответствующих законодательно установленным критериям, а с другой, в достаточной степени погруженных в локальный контекст конкретной европейской страны³⁸².

Подводя итог настоящему разделу, отметим, что в Европейском Союзе социальные сети продолжают нести *ограниченную ответственность* за размещаемый пользователем контент и не обязаны осуществлять мониторинг цифрового пространства.

В развитии европейских конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей социальных сетей можно выделить два этапа. *На первой ступени* (2000–2020 гг.) действовали только положения Директивы о цифровой торговле, которая давала платформам ограниченный иммунитет от преследований в связи с публикацией пользователями противоправной информации или модерацией информации на площадках. При принятии этого документа европейский законодатель руководствовался прежде всего необходимостью стимулировать рост технологического сектора в ЕС. Однако с течением времени и в связи со стремительным развитием цифровых платформ появились новые угрозы (иностранного влияния в ходе выборов, распространением недостоверного контента), в ответ на которые отдельные

³⁸² Husovec M. Will the DSA work? URL: <https://verfassungsblog.de/dsa-money-effort/> (дата обращения: 30.09.2023).

члены европейского сообщества (Франция, ФРГ и другие страны) на национальном уровне приняли законодательные акты, существенно ограничивающие саморегулирование социальных сетей. Понимая угрозу фрагментации европейского правового поля, Европейская комиссия в 2020 году выступила с инициативой разработки нового регулирования цифровой среды. Центральным для обеспечения свободы пользователей социальных сетей документом в результате реформы стал Акт о цифровых услугах. Его принятие в 2022 году можно считать моментом начала *второго этапа развития* конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей социальных сетей в ЕС.

Акт о цифровых услугах не стал поворотной точкой регулирования цифровых платформ и вопреки многочисленным ожиданиям его положения трудно назвать «прогрессивным» дополнением Директивы о цифровой торговле. Тем не менее, рассмотренный документ содержит положения, направленные на *систематизацию* требований к цифровым платформам и *ограничение* их саморегулирования в области модерации контента, систем рекомендаций, разрешении споров и в других сферах. В частности, Акт о цифровых услугах:

- Устанавливает четыре вида цифровых платформ и четырехуровневую систему их обязанностей (описание см. Приложение 1). Единая система охватывает различные цифровые сервисы: от поисковиков и социальных сетей до сервисов поиска отелей и маркетплейсов.

- Ограничивает свободу усмотрения социальных сетей при применении мер ответственности к пользователям платформ. Применение инструментов теневого блокирования сдерживается требованиями к уведомлению пользователей платформ об ограничении распространения их контента, а также условиями раскрытия основных параметров систем рекомендаций социальных сетей. Свобода усмотрения платформ при блокировании пользователей ограничивается как в части принятия решения

(вводятся требующие учета критерии, как, например, неоднократность размещения нелегального контента), так и в части самого решения – блокирование пользователя не может быть бессрочным.

- Упорядочивает участие некоммерческих организаций в модерации контента: вводится процедура наделения их статусом «друга платформы», устанавливаются критерии, требования к отчетности организаций третьего сектора, а также меры, направленные на предотвращения злоупотребления НКО доступом к ускоренным процедурам удаления контента.

- Вводит требования к внесудебному разрешению споров относительно контента при посредничестве третьих лиц – лицензируемых организаций. Устанавливаются требования к такого рода организациям (независимость, прозрачность, компетентность и др.), а также требования к самой процедуре разрешения спора.

При этом необходимо учитывать, что Акт направлен на обеспечение не только свободы выражения мнения пользователей платформ, но и других прав человека³⁸³. Нет в Акте и дифференциации между художественными, коммерческими и политическими высказываниями (см. об этой классификации раздел 1.1 работы), что несет в себе риск тотального подчинения свободы слова коммерческому интересу владельцев социальных сетей и их контрагентов. Кроме того, большинство установленных в документе гарантий являются общими. Отчасти поэтому Акт о цифровых услугах *не лишен недостатков*. Не имея возможности раскрыть в рамках настоящего исследования все огрехи регулирования, остановимся на тех,

³⁸³ Например, в вводном положении 52 к Акту о цифровых услугах перечислены: «для получателей услуг - право на свободу выражения мнений и информации, право на уважение частной и семейной жизни, право на защиту персональных данных, право на недискриминацию и право на эффективное средство правовой защиты; для поставщиков услуг - свобода ведения бизнеса, включая свободу заключения договоров; для сторон, затронутых незаконным контентом, - право на человеческое достоинство, права ребенка, право на защиту собственности, включая интеллектуальную собственность, и право на недискриминацию.»

которые имеют значение именно в контексте установления гарантий свободы выражения мнения пользователей платформ:

- Фактически отсутствует определение нелегального контента – полномочие определять виды нелегального контента остается за национальными правительствами государств-членов ЕС. Чрезмерно широким представляется и определение «кризисной ситуации», наступление которой позволяет Европейской Комиссии вмешиваться в модерацию контента³⁸⁴.
- Остается неограниченной свобода усмотрения владельцев платформ в части маркировки пользовательского контента как инструмента модерации и ограничения свободы выражения мнения пользователей платформ.
- Сохраняется параллельная система взаимодействия третьего сектора и платформ, без участия Координатора предоставления цифровых услуг и требований к раскрытию информации. Отсутствие регулирования делает взаимодействие менее прозрачным для внешнего наблюдателя.

³⁸⁴ Определение нелегального контента дается в статье 3(h) Акта о цифровых услугах: «любая информация, которая сама по себе или в связи с деятельностью, включая продажу товаров или предоставление услуг, не соответствует законодательству Союза или законодательству любого государства-члена, которое соответствует законодательству Союза, независимо от точного предмета или характера этого законодательства». Кризис определяется как ситуация, при которой «чрезвычайные обстоятельства приводят к серьезной угрозе общественной безопасности или здоровью населения в Союзе или в значительных его частях» (статья 34(a)). См. об этом подробнее: Fahy R., Appelman N., Helberger N. The EU's regulatory push against disinformation: What happens if platforms refuse to cooperate? URL: <https://verfassungsblog.de/voluntary-disinfo/> (дата обращения: 30.09.2023).

2.3. Особенности российской модели конституционно-правовых гарантий свободы слова в социальных сетях

В России, как и в юрисдикциях, что были рассмотрены в предыдущих разделах второй главы, нет специального закона, который устанавливал бы конституционно-правовые гарантии свободы слова пользователей социальных сетей. Более того, законодательные требования к цифровым платформам были инкорпорированы в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», предмет регулирования которого охватывает почти все отношения по поводу информации.

Постепенно, начиная с 2014 года, в указанный закон вводились требования, касающиеся шести разновидностей цифровых посредников. Это организатор распространения информации в сети «Интернет» (статья 10.1, 2014 г.)³⁸⁵, оператор поисковой системы (статья 10.3, 2015 г.)³⁸⁶, владелец новостного агрегатора (статья 10.4, 2016 г.)³⁸⁷, владелец аудиовизуального сервиса (статья 10.5, 2017 г.)³⁸⁸, владелец социальной сети (статья 10.6,

³⁸⁵ Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 97-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2302.

³⁸⁶ Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4390.

³⁸⁷ Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 208-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3877.

³⁸⁸ Федеральный закон от 1 мая 2017 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 18. Ст. 2664.

2020 г.)³⁸⁹, владелец сервиса размещения объявлений (статья 10.7, 2022 г.)³⁹⁰. Однако объединяющего их понятия, как это было сделано в Европейском Союзе, так и не было установлено.

Статья 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ, установившая особенности распространения информации в социальных сетях, вступила в силу в феврале 2021 года. Роскомнадзор называет разработанный нормативно-правовой акт «законом о самоконтроле социальных сетей», а главной целью его принятия – возложение на социальные сети обязанности самостоятельно «выявлять и блокировать запрещенную информацию»³⁹¹. В первую очередь нормы были направлены на самоограничение Facebook, Twitter, Instagram, TikTok, Likee, Youtube, а также сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники»³⁹².

В результате внесенных изменений социальные медиа платформы стали единственным сегментом цифрового пространства, где мониторинг

³⁸⁹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 69.

³⁹⁰ Федеральный закон от 29 декабря 2022 года № 584-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2023. № 1. (часть I). Ст. 31. Ранее закон также устанавливал специальные нормы в отношении блогеров (статья 10.2). Соответствующие нормы были введены в 2014 году и отменены в 2017 году и не оказали заметного влияния на блогосферу. См.: Романовский В.Г. Права человека и глобальные сети в условиях нарастания террористических угроз // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 47–51.

³⁹¹ Роскомнадзор приступил к формированию реестра социальных сетей. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73860.htm> (дата обращения: 30.09.2023). Порядок взаимодействия Роскомнадзора и владельцев социальных сетей конкретизируется в отдельном документе. См.: Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 12 апреля 2021 года № 52 «Об утверждении порядка взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с владельцами социальных сетей» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.05.2021 № 63688) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.05.2021.

³⁹² Там же. Пояснительная записка к законопроекту содержит несколько аргументов о необходимости принятия закона: повышение роли социальных сетей в обмене информацией, их влияние на электоральные процессы и значение во «всех известных за последнее время внутригосударственных и международных конфликтах», а также аналогичные реформы в европейских странах. Однако необходимо обратить внимание на то, что, во-первых, законопроект был внесен в Государственную Думу РФ в июле 2017 года (то есть более чем за три года до его подписания Президентом РФ), и во-вторых, текст внесенного законопроекта не содержал обязанности владельца социальной сети осуществлять ее мониторинг. Итоговый текст закона и все основные его положения, в том числе о мониторинге социальной сети, были сформированы в результате принятия поправок во втором чтении (декабрь 2020 года). Поэтому пояснительная записка к законопроекту может быть не точна в отражении цели принятия закона. См.: Законопроект № 223849-7. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/223849-7#bh_histras (дата обращения: 30.09.2023).

информации предписан законом³⁹³, что отличает российский подход от европейского (в ЕС мониторинг информации на цифровых платформах был запрещен еще Директивой о цифровой торговле 2000 года). В этой связи особенно важно установить четкие критерии отнесения того или иного информационного ресурса к разряду социальных сетей.

Легальное определение социальной сети, установленное в статье 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ, содержит три критерия отнесения сайта, страницы сайта, информационной системы или программы к социальным сетям. Ресурс признается социальной сетью, когда:

- *Цель создания* такого ресурса заключается в распространении пользователями информации на государственном языке Российской Федерации, государственных языках республик в ее составе или иных языках народов Российской Федерации посредством создания *персональных страниц*;
- На ресурсе возможно распространение *рекламы*, направленной на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации;
- *Аудитория* ресурса в течение суток составляет более 500 тыс. пользователей, находящихся на территории Российской Федерации³⁹⁴.

Сформулированные таким образом критерии социальной сети в действительности не позволяют провести четкую границу между различными видами цифровых платформ.

Сходство различных понятий, использованных в упомянутом документе, подтверждается самими нормами закона. Так, для того чтобы избежать путаницы в текст статьи 10.5 был включен пункт 16, который

³⁹³ См.: Жарова А.К. Технологии фильтрации контента в целях предотвращения преступлений, совершенных с использованием Интернета // Российский судья. 2023. № 6. С. 49–54.

³⁹⁴ Количество пользователей определяется при помощи специальной программы, предлагаемой Роскомнадзором. Или на основании общедоступный сведений. См.: Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 30 марта 2021 года № 37 «Об утверждении методики определения количества пользователей информационного ресурса в сутки» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.05.2021 № 63693) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.05.2021.

содержит перечень информационных ресурсов, *не* являющихся аудиовизуальным сервисом. В этот список входят СМИ, зарегистрированное в качестве сетевого издания, поисковые системы, а также информационные ресурсы, на которых аудиовизуальные произведения размещаются преимущественно пользователями, то есть по сути – социальные сети. Также проблема двойного регулирования решается путем создания специальных реестров: реестра социальных сетей, реестра аудиовизуальных сервисов, реестра новостных агрегаторов, реестра организаторов распространения информации³⁹⁵.

Причина возникновения реестров и снижения прозрачности регулирования видится в постепенном и одновременно бессистемном наложении норм законодательства. Как уже отмечалось выше, нормы, устанавливающие обязанности для различных видов сервисов, вводились почти ежегодно, начиная с 2014 года.

Усугубляет путаницу в понятиях тенденция по сближению цифровых платформ, которые все в большей степени предоставляют пользователям схожие услуги (возможность обмена сообщениями, публикации коротких и длинных видео, опубликования коротких и длинных текстов и т.д.). Провести четкие границы между разными платформами сегодня намного труднее, чем это было 5 лет назад.

Эволюционное развитие отечественного цифрового законодательства за последние 10 лет, таким образом, привело к возникновению нового массива правовых норм, которые на наш взгляд нуждаются в систематизации.

Как показал анализ статей 10.1, 10.3–10.7. владельцы различных видов цифровых платформ зачастую несут одинаковые обязанности. К примеру,

³⁹⁵ Тем не менее, например, «ВКонтакте» входит в реестр социальных сетей и в реестр организаторов распространения информации, что закономерно, ведь ресурс используется как для обмена электронными сообщениями, так и для обмена информацией путем создания персональных страниц. В то же время, необходимо отметить, что эти две функции лежат в основе многих социальных сетей, поэтому здесь происходит избыточное на наш взгляд удвоение правовых категорий, что отрицательно сказывается на прозрачности регулирования цифрового пространства.

владелец социальной сети, владелец новостного агрегатора, владелец аудиовизуального сервиса и владелец сервиса размещения объявлений обязаны соблюдать запреты и ограничения, установленные законодательством о выборах и референдумах (другие примеры можно найти в Приложении 2 к работе). Пересечение обязанностей само по себе не имеет большого значения, однако, на наш взгляд, оно является маркером нарушения принципа системности законодательства. Применительно к случаю установления обязанностей различных видов цифровых посредников представляется возможным использование методологического принципа «Бритвы Оккама» для сокращения количества правовых институтов до действительно необходимого для достижения цели эффективного упорядочивания общественных отношений³⁹⁶.

Недостаточно ясным представляются и критерии идентификации той информации, распространение которой в социальных сетях запрещено. Закон не содержит определения нелегального контента. Тем не менее внимательное прочтение данного документа позволяет выделить *два вида* запрещенной к распространению информации. В отношении каждого вида контента владелец социальной сети должен (или имеет возможность) предпринять конкретные действия.

Первый вид контента можно назвать *безусловно нелегальным*. Владелец социальной сети должен не допускать использование социальной сети в целях распространения такой информации. К этому виду нелегального контента относятся (пункты 1 и 2 части 1 статьи 10.6):

- Сведения, составляющие государственную или иную специально охраняемую законом тайну;

³⁹⁶ См. о принципе системности законодательства: Сивицкий В.А. Принцип системности законодательства и его влияние на использование в федеральных законах принципов регулирования отношений в конкретных сферах // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 305–307.

- Экстремистские материалы, в том числе материалы, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм;
- Материалы, пропагандирующие порнографию, насилие и жестокость;
- Материалы, содержащие нецензурную брань;
- Информация размещаемая с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями.

Кроме того, владелец социальной сети обязан соблюдать запреты и ограничения, установленные Федеральным конституционным законом от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»³⁹⁷ и Федеральным законом от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³⁹⁸ (пункт 3 части 1), а также соблюдать права и законные интересы граждан и организаций, в том числе честь, достоинство и деловую репутацию граждан, деловую репутацию организаций (пункт 4 части 1 статьи 10.6).

Вторую категорию можно назвать *потенциально нелегальным контентом*. К ней относится контент перечисленный в пункте 5 части 1 статьи 10.6, в том числе, информация о способах совершения самоубийства, призывы к совершению самоубийства, предложения о розничной продаже алкогольной продукции, информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях и другие материалы, а также информация, которая является нелегальной с точки зрения пользователей

³⁹⁷ СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.

³⁹⁸ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

платформы, о чем они уведомили владельца социальной сети по электронной почте или заполнив специальную форму онлайн.

В случае обнаружения потенциально нелегального контента владелец социальной сети имеет несколько вариантов действий:

1) Он может принять решение о том, что выявленная им в ходе мониторинга социальной сети информация относится к незаконному контенту и заблокировать к ней доступ;

2) Направить информацию в Роскомнадзор, который примет решение о принятии мер по ограничению доступа или об отказе от принятия таких мер. На время рассмотрения контента Роскомнадзором владелец социальной сети должен ограничить доступ к информации³⁹⁹.

Таким образом, отечественный законодатель выделил два типа контента: *безусловно нелегальный контент и потенциально нелегальный контент*. Главное отличие последнего состоит в том, что владелец социальной сети может перенаправить соответствующую информацию для принятия окончательного решения об ограничении доступа в Роскомнадзор.

Применённая законодателем дифференциация представляется *неудачной*, во-первых, ввиду того, что к однозначно нелегальному контенту законом отнесены такие виды контента, при оценке которого владельцу социальной сети могут потребоваться разъяснения государственных органов, например, для того чтобы определить относится информация к сведениям, составляющим государственную тайну или нет. Однако он не имеет такой

³⁹⁹ См. подробнее: Постановление Правительства РФ от 15 июля 2021 года № 1192 «Об утверждении Правил рассмотрения Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций информации, указанной в пункте 1 части 5 статьи 10.6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также Правил взаимодействия с уполномоченными государственными органами» // СЗ РФ. 2021. № 30. ст. 5770; Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 2 апреля 2021 года № 46 «Об утверждении Критериев определения направляемой в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций информации, выявленной в процессе осуществления мониторинга социальной сети или по результатам рассмотрения обращения о распространяемой с нарушением закона информации, состава и порядка направления такой информации» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.05.2021 № 63692) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.05.2021.

возможности, поскольку обращение возможно только в случае обнаружения потенциально нелегального контента, к которому сведения составляющие государственную тайну не относятся.

Во-вторых, проведенное в статье 10.6 разделение контента негативно сказывается на правах граждан по использованию средств защиты нарушенных прав. Дело в том, что закон устанавливает возможность обжаловать решение об ограничении доступа к контенту только в случае, если оно было принято в отношении *потенциально нелегального контента*. Буквальное толкование закона не допускает обжалования решения о блокировании информации, которая, например, по мнению владельца социальной сети нарушает запреты и ограничения, предусмотренные законодательством Российской Федерации о выборах.

В-третьих, закон *не устанавливает ответственность* владельцев социальных сетей за непринятие мер, направленных на предотвращение использования социальной сети в целях распространения безусловно нелегального контента.

Продолжительный промежуток времени отечественное законодательство не устанавливало мер ответственности за несоблюдение владельцем обязанности по мониторингу социальной сети и блокированию нелегального контента. Соответствующие изменения были внесены в Кодекс РФ об административных правонарушениях только в 2023 году⁴⁰⁰.

Введенная в текст Кодекса РФ об административных правонарушениях статья 13.50 сформулирована таким образом, что устанавливает ответственность владельцев социальной сети за неисполнение обязанности по осуществлению мониторинга социальной сети и (или) принятию мер по ограничению доступа к *потенциально нелегальному контенту*. При этом закон по-прежнему не устанавливает ответственность за непринятие мер,

⁴⁰⁰ Федеральный закон от 31 июля 2023 года № 401-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2023. № 32 (Часть I). ст. 6133.

направленных на предотвращение использования социальной сети в целях распространения *безусловно нелегального контента*.

В некоторой степени этот пробел в законодательстве был компенсирован правоприменением. Деятельность владельца социальных сетей Facebook и Instagram – компании Meta – по распространению этих двух продуктов была запрещена на территории Российской Федерации именно на основании осуществления компанией экстремисткой деятельности (см. раздел 1.3 работы).

Продолжая анализ отечественного законодательства о социальных сетях применительно к *конкретным особенностям* ограничения свободы выражения мнения пользователей платформ, в первую очередь обратимся к проблеме новых инструментов ограничения свободы слова.

До недавнего времени законодательство Российской Федерации о социальных сетях не выдвигало специальных требований к системам рекомендаций. Однако это изменилось в октябре 2023 года, когда вступили в силу положения Федерального закона от 31 июля 2023 года № 408-ФЗ⁴⁰¹, который предусматривает включение в текст Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» статьи 10.2-2 об особенностях предоставления информации с применением рекомендательных технологий⁴⁰².

Указанный Федеральный закон устанавливает ряд требований, связанных с раскрытием информации об использовании алгоритмов. Во-первых, на ресурсе должна быть размещена информация об использовании рекомендательных технологий (требования к сообщению будут установлены

⁴⁰¹ Федеральный закон от 31 июля 2023 года № 408-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.07.2023.

⁴⁰² Под рекомендательными технологиями в тексте закона понимаются «информационные технологии предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети "Интернет", находящихся на территории Российской Федерации».

Роскомнадзором⁴⁰³). Во-вторых, владелец ресурса обязан разместить в свободном доступе правила применения рекомендательных технологий. Эти правила должны содержать описание методов и процесса использования информации о предпочтениях пользователя, с указанием видов таких сведений и их источников. Остальные части статьи устанавливают нормы, касающиеся привлечения владельца информационного ресурса к ответственности за нарушения указанных выше обязательств или в случае распространения нелегального контента при использовании алгоритмов рекомендаций.

Сравнительно скромный характер регулятивного воздействия новых норм и, как следствие, нерешенность ключевых проблем для обеспечения свободы слова в связи с использованием систем рекомендаций – результат трехлетнего обсуждения законопроекта с представителями отрасли. Предложение о регулировании систем рекомендаций активно обсуждалось заинтересованными сторонами с 2021 года, когда с данной инициативой выступила Ассоциация юристов России⁴⁰⁴. Представители цифровой отрасли неоднократно подчеркивали, что принятие такого закона может привести к замедлению развития сервисов и снижению финансовых показателей компаний технологического сектора. В результате, в итоговый текст закона не вошли некоторые наиболее жесткие требования, как например содержащаяся в тексте рассмотренного выше Акта о цифровых услугах *обязанность* крупных

⁴⁰³ В соответствии с проектом требований о размещении информации сведения сводятся к размещению на главной странице сервиса и других страницах, где происходит сбор персональных данных пользователя следующего текста: «На информационном ресурсе применяются рекомендательные технологии (информационные технологии предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации)». См.: Проект Приказа Роскомнадзора «Об утверждении требований к содержанию информации о применении рекомендательных технологий и размещению такой информации на информационном ресурсе, на котором применяются рекомендательные технологии». URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=140691> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁰⁴ Заключение Комиссии по правовому обеспечению цифровой экономики МО АЮР «Правовые проблемы обеспечения прозрачности и защиты прав граждан при принятии юридически-значимых решений в автоматизированном (алгоритмическом) порядке в условиях цифровой экономики». URL: http://alrf.msk.ru/zaklyuchenie_komissii_po_pravovomu_obespecheniyu_cifrovoy_ekonom_10 (дата обращения: 30.09.2023).

онлайн-платформ предоставлять возможность пользователям отключать для себя системы рекомендаций⁴⁰⁵.

Кроме того, рассматриваемый закон в части требований к правилам использования рекомендательных технологий устанавливает требования направленные исключительно на раскрытие информации о том, как происходит использование *сведений о предпочтениях пользователей* при формировании ленты рекомендаций. Однако не устанавливается требований к *раскрытию параметров систем рекомендаций*, которые напрямую с предпочтениями пользователей не связаны, как это делает европейский законодатель (об «основных параметрах» систем рекомендаций см. раздел 2.2 работы). При этом предпочтения пользователей представляются лишь одним из критериев попадания контента в ленту рекомендаций, наравне с другими его свойствами, например принадлежностью автора записи в социальной сети к конкретной политической группе или к группе политических лидеров в общем, что также могут учитывать алгоритмы социальной сети. Настроенные таким образом системы рекомендаций могут означать произвольное ограничение свободы слова отдельных категорий граждан (продиктованное, например, финансовыми интересами владельцев платформ). Следовательно, параметры алгоритмических систем должны раскрываться в полном объеме, чтобы у сторонних наблюдателей была возможность убедиться в отсутствии дискриминационных настроек.

Между тем сами правила социальных сетей указывают на наличие дополнительных параметров отбора информации. Например, правила

⁴⁰⁵ Статья 38 Акта о цифровых услугах. В тексте статьи дословно сказано, что такая система «не должна быть основана на профайлинге». Определение понятия «профайлинг» установлено статьей 4(4) Общего регламента защиты персональных данных (GDPR) и означает любую форму автоматизированной обработки персональных данных, состоящую в использовании персональных данных для оценки определенных личных аспектов, относящихся к физическому лицу, в частности, для анализа или прогнозирования аспектов, касающихся работы, экономического положения, здоровья, личных предпочтений, интересов, надежности, поведения, местонахождения или перемещений этого физического лица. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. L 119. 04.05.2016. P. 1–88.

применения рекомендательных технологий ВКонтакте содержат указание на «*обобщённые сведения о предпочтениях пользователей на этой территории, чтобы, например, рекомендовать пользователю прямые трансляции или мероприятия поблизости, или темпы роста популярности тематики или конкретного контента*»⁴⁰⁶. Аналогичные уточнения сделаны в правилах применения рекомендательных технологий рекламной системы, где указано, что «*учитываются популярность рекламируемого продукта для конкретной аудитории, к которой относится пользователь*»⁴⁰⁷.

Российское законодательство остается достаточно благоприятным для платформ и в отношении уведомлений пользователей о применении к их страницам или контенту ограничительных мер. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ устанавливает обязанность социальных сетей уведомлять пользователей о принятых мерах по *ограничению доступа* к контенту, признанному незаконным⁴⁰⁸. Иными словами, речь идет только о случаях полного прекращения распространения не соответствующего закону контента в социальной сети, если толковать понятие «ограничение доступа» в системе с другими положениями рассматриваемого закона. Следовательно указанная норма не применяется к случаям исключения контента из выдачи страниц поиска или рекомендаций.

Между тем социальные сети оставляют за собой возможность осуществлять *теневое блокирование* контента. Например, Правила пользования Сайтом ВКонтакте устанавливают возможность платформы «*блокировать или удалять любую публикуемую Пользователем информацию, нарушающую запреты, установленные настоящими Правилами, приостанавливать, ограничивать или прекращать доступ Пользователя ко всем или к любому из разделов или функциональности Сайта, исключать из*

⁴⁰⁶ Правила применения рекомендательных технологий социальной сети ВКонтакте. URL: <https://vk.com/legal/recommendations> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁰⁷ Правила применения рекомендательных технологий рекламной системы «VK Реклама». URL: <https://help.mail.ru/legal/terms/adsvk/recommendation> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁰⁸ Пункт 11 части 1 статьи 10.6.

системы поиска и/или заблокировать Сообщество в любое время по любой причине или без объяснения причин, с предварительным уведомлением или без такового»⁴⁰⁹. Норм, предусматривающих обжалование таких решений социальной сети документ не устанавливает⁴¹⁰.

Конечно, можно приветствовать стремление отечественного законодателя сделать алгоритмы рекомендаций прозрачными. Однако нельзя не заметить, что нормы российского законодательства о применении технологий рекомендаций *заметно менее жесткие, чем те, которые стали результатом работы его европейских коллег*. В любом случае реализация положений о прозрачности алгоритмов скорее *остается в руках владельцев социальных сетей как эксклюзивных владельцев такой информации*. Крайне оптимистично полагать, что последние будут готовы раскрыть всю информацию, связанную с работой своих алгоритмов.

Таким образом, нормы законодательства Российской Федерации, регулирующие распространение информации в социальных сетях, *не предусматривают достаточных гарантий* свободы выражения мнения пользователей для ситуаций, когда сети применяют новые инструменты ограничения распространения контента.

Еще одной особенностью ограничения свободы выражения мнения пользователей социальных сетей является участие некоммерческих организаций в процессе модерации контента. Мы уже отмечали выше (см. раздел 1.2 работы), что практика участия третьего сектора характерна и для

⁴⁰⁹ Пункт 8.6 Правил пользования Сайтом ВКонтакте. URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 30.09.2023). Аналогичные нормы содержатся в пункте 5.13.6 по отношению к блокировке Сообществ, в соответствии с которыми «Администрация Сайта вправе исключить Сообщество из списка рекомендуемых в любое время и без объяснения причин».

⁴¹⁰ Отметим, что Правила пользования Сайтом ВКонтакте в целом скупа на описание прав пользователей. Документ явно перечисляет только права пользователя в отношении информации о себе: пользователь может самостоятельно удалять информацию, ранее размещенную им на сайте и удалять свою персональную страницу (пункт 5.14). При этом достаточно подробно в отдельном разделе описаны обязанности пользователя (раздел 6). Это противоречит пункту 2 статьи 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ, где сказано, что правила использования социальной сети должны содержать *права и обязанности* пользователей социальной сети, если толковать эту норму как устанавливающую необходимость перечисления всех прав пользователей в отдельном разделе. Именно такое толкование представляется наиболее удачным с точки зрения обеспечения прав и свобод пользователей цифровых платформ.

российских цифровых платформ. Здесь мы рассмотрим вопрос о том, какие нормы законодательства могут (или не могут) ограничить это взаимодействие с целью гарантирования прав пользователей сетей.

Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает требование к платформам о публикации ежегодных отчетов о результатах мониторинга социальной сети и результатах рассмотрения обращений о распространяемой с нарушением закона информации⁴¹¹. Такие отчеты должны содержать информацию о количестве страниц, доступ к которым был ограничен или в отношении которых социальная сеть отказалась ограничивать доступ⁴¹². Количество указывается с дифференциацией по видам информации⁴¹³. Этим требования к отчетам ограничиваются. Причем платформы не обязаны указывать, от каких категорий пользователей они получили обращения о распространяемой с нарушением закона информации, или от каких еще организаций, помимо Роскомнадзора, они получают такие обращения. В то же время и организации, даже созданные специально с целью противодействия распространению незаконного контента, как, например, «Лига безопасного интернета», не обязаны публиковать детализированные сведения о своей деятельности.

Гарантией соблюдения прав пользователей в процессе модерации контента может стать *установление требований к прозрачности деятельности* некоммерческих организаций, взаимодействующих с

⁴¹¹ Пункт 7 части 1 статьи 10.6.

⁴¹² Приказ Роскомнадзора от 2 апреля 2021 года № 47 «Об утверждении требований к форме, составу и размещению ежегодных отчетов о результатах рассмотрения обращений, поданных с использованием электронной формы для направления обращений о распространяемой с нарушением закона информации» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.05.2021 № 63694) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.05.2021.

⁴¹³ Виды перечислены в пункте 5 статьи 10.6. Это информация о способах совершения самоубийства, призывы к массовым беспорядкам, информация, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, педофилию, смену пола и др. виды информации.

социальными сетями⁴¹⁴. Они могут *на регулярной основе публиковать информацию* о количестве обращений, направленных владельцам платформ, о результатах рассмотрения таких обращений, сведения об участии в разработке нормативных актов и норм саморегулирования платформ и другие данные о своей работе. Кроме того, представляется целесообразным установить схожие требования к владельцам социальных сетей. Они могут *публиковать список организаций, с которыми взаимодействуют, статистику рассмотрения их обращений и другие сведения* об участии НКО в модерации контента. Обеспечение этих требований возможно мерами административной ответственности, что также потребует внесения изменений в соответствующий закон⁴¹⁵.

Наконец, законодательство Российской Федерации устанавливает скромные возможности пользователей по обжалованию решений владельцев социальной сети относительно контента.

Во-первых, Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» допускает обжалование только *решений об ограничении доступа к информации пользователя*. Как уже отмечалось выше, если толковать понятие «ограничение доступа» в системе с другими положениями рассматриваемого закона, то пользователь *не имеет возможности* на основании норм этого документа *обжаловать другие действия владельца социальной сети*, которые не направлены на удаление контента, например, исключение пользовательской информации из выдачи поиска.

⁴¹⁴ В первую очередь речь идет о внесении изменений в статью 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Кроме того, соответствующие изменения потребуются внести и в Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 145). В последнем случае законодатель может пойти по пути расширения видов деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (пункт 1 статьи 31.1).

⁴¹⁵ Для этого потребуется уточнить формулировку статьи 13.50 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.).

Во-вторых, закон устанавливает *только два способа обжалования* решений владельцев социальных сетей: владельцу платформы с возможностью обжаловать ответ в Роскомнадзор или напрямую в Роскомнадзор⁴¹⁶. Единственная гарантия в первом случае касается сроков рассмотрения жалобы - она должна быть рассмотрена владельцем социальной сети в течение трех дней.

Этим положения статьи 10.6 рассматриваемого нами закона ограничиваются. Закон *не устанавливает возможности рассмотрения жалоб пользователя сторонними* – равноудаленными от владельца социальной сети и от государства в равной степени – *организациями*. Думается, что это можно считать серьезным упущением законодателя, поскольку пользователями социальных сетей, могут являться и публичные субъекты. Участие в спорах относительно контента последних может поставить вопрос об объективности результатов рассмотрения таких споров в рамках административных процедур. Привлечение третьего сектора к разрешению таких споров представляется удачным способом снятия возможного противоречия.

Подводя итог настоящему разделу, стоит отметить, что определить отдельные этапы развития российской системы конституционно-правовых гарантий свободы слова в сетевом пространстве представляется затруднительным. Главное препятствие этому – *низкий уровень системности норм* Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Можно сказать, что

⁴¹⁶ См. части 8 и 9 статьи 10.6 Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Также см. Постановление Правительства РФ от 15 июля 2021 года № 1191 «Об утверждении Правил и сроков рассмотрения обращений пользователей социальной сети об отмене мер по ограничению доступа к информации, выявленной в процессе осуществления мониторинга социальной сети или по результатам рассмотрения обращения о распространяемой с нарушением закона информации, а также Правил вынесения требования владельцу социальной сети об отмене мер по ограничению доступа к информации пользователя» // СЗ РФ. 2021. № 30. ст. 5769.

система конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей социальных сетей в России находится на начальном этапе формирования.

Вводившиеся на протяжении почти десятилетия нормы требуют концептуального переосмысления. Систематизация будет способствовать прозрачности и понятности правового регулирования для всех сторон соответствующих общественных отношений и позитивно скажется на эффективности гарантий прав граждан в этой области.

Кроме того, нормы Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ, устанавливающие особенности распространения информации в социальных сетях имеют существенные с точки зрения обеспечения права на свободу выражения мнения пользователей платформ пробелы. Так, нормы не регулируют должным образом использование *новых инструментов ограничения свободы слова пользователей платформ* (маркировка контента, блокирование профилей, теневое блокирование); *взаимодействие* владельцев социальных сетей и некоммерческого сектора требует большей прозрачности; *возможности пользователей* социальных сетей *по обжалованию* решений владельцев социальных сетей *значительно ограничены.*

Подводя итоги главы, необходимо отметить следующее. Рассмотренные юрисдикции предлагают разные подходы к регулированию ответственности социальных сетей за размещаемый пользователями контент. По спектру «полная свобода усмотрения – значительно ограниченная свобода усмотрения» правовые режимы могут быть расположены в следующем порядке:

В Соединенных Штатах социальные сети пользуются иммунитетом на основании Секции 230 Акта о соблюдении приличий в коммуникациях. Иммунитет платформ был заметно ограничен, однако дальнейшая реформа законодательства продолжает активно обсуждаться с 2018 года. Одним из возможных путей реформирования может стать признание социальных сетей

публичным форумом, где свобода слова гарантируется Первой поправкой к Конституции США. Другие опции предлагает Министерство юстиции и отдельные парламентарии, но пока их предложения не трансформировались в нормы законодательства. Между тем, платформы продолжают пользоваться *большей свободой усмотрения* по сравнению с другими рассмотренными правовыми режимами.

В Европейском Союзе социальные сети также пользуются иммунитетом, что нашло подтверждение в Акте о цифровых услугах, принятие которого в 2022 году ознаменовало переход к новому этапу развития системы конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей социальных сетей и стало индикатором перехвата Европейским Союзом инициативы в установлении глобального стандарта высказываний в сети у США (в силу «Эффекта Брюсселя»). Европейский законодатель *предложил ограничения* в отношении саморегулирования платформ в области модерации контента, систем рекомендаций и разрешения споров относительно контента, *направленные на обеспечение прав пользователей платформ*. Эти ограничения заметно *более жесткие*, чем в США. Однако правовой режим *остается комплементарным* к социальным сетям, поскольку на них не возлагается обязанность осуществлять мониторинг цифрового пространства, то есть предпринимать активные действия для выявления нелегального контента.

В России владельцы социальных сетей обязаны осуществлять мониторинг платформ в целях выявления нелегального контента и, соответственно, предпринимать меры по ограничению доступа к нему. И хотя ответственность владельцев социальных сетей именно за размещаемый пользователями контент не установлена, как показывает случай блокирования доступа к социальным сетям компании Meta фактически к ответственности за поведение пользователей была привлечена цифровая платформа (см. раздел 1.3 работы).

Между тем, в связи с возможностью чрезмерного ограничения свободы выражения мнения пользователей платформ представляется необходимым установление *дополнительных обязанностей* платформ. Уточнения требуют *использование систем рекомендаций и взаимодействие платформ с некоммерческими организациями*. Кроме того, существенным пробелом является *отсутствие у пользователей возможности обжалования некоторых решений* платформ относительно контента.

ГЛАВА 3. РЕАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ СЛОВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ СУБЪЕКТАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА⁴¹⁷

В работе под *субъектами, наделенными публичной властью*, понимаются *лица*, обладающие властными полномочиями и участвующие в политической деятельности. В их круг входят должностные лица публичной власти, федеральные и региональные парламентарии, а также органы публичной власти. Присутствие судей в социальных сетях, как обладателей специфического статуса, требует рассмотрения в рамках отдельного исследования. Последний тезис в равной степени относится и к государственным служащим.

Как уже отмечалось ранее (см. раздел 1.1 работы), фокус на рассмотрении использования социальных сетей наделенными публичной властью субъектами связан с тем, что анализ именно их нормативного и фактического статуса может дать результаты, которые способны наиболее наглядно и убедительно подтвердить одну из центральных гипотез исследования – цифровые платформы *постепенно смещают государство с позиции главного регулятора (а потому – и гаранта) свободы слова в сети*.

Субъекты, обладающие публичной властью, казалось бы, должны иметь максимальную степень свободы высказывания в сетевом пространстве. Однако, как показывает практика применения социальными сетями норм саморегулирования в отношении должностных лиц государств, даже самый высокий статус последних не является препятствием для владельцев

⁴¹⁷ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Булгаков А.Э. Политические лидеры в социальных сетях: прозрачность ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 32–40.

социальных сетей к ограничению возможностей властных субъектов пользоваться цифровыми сервисами. Таким образом, исследование правового и фактического статусов наиболее надежно защищенного от произвола сетей субъекта (круга субъектов) позволяет убедиться в том, что цифровые платформы не просто *могут* перехватить ведущую роль государства в обеспечении прав человека, но уже *делают* это.

В данной главе большое внимание будет уделено судебным доктринам и практике США, связанной с защитой высказываний наделенных властью субъектов в социальных сетях. Это обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, необходимо учитывать эффект распространения национальных стандартов в глобальном масштабе (подробнее об этом эффекте см. главу 2). В отсутствие специального регулирования высказываний должностных лиц в других юрисдикциях, по всей видимости, следует ожидать, что цифровые платформы примут во внимание складывающийся в США подход и будут применять его по отношению ко многим, если не всем, пользователям своих сервисов. Во-вторых, сама дискуссия относительно защиты высказываний властных субъектов в США интересна для исследователей, поскольку релевантные аргументы в поддержку своей позиции в ней могут найти как сторонники, так и противники предоставления специальной защиты высказываниям субъектов публичной власти. Упомянутые обстоятельства дают основания начать рассмотрение проблемы реализации свободы слова в социальных сетях субъектами публичной власти именно с анализа опыта США.

3.1. Доктрина государственной речи как инструмент защиты высказываний в социальных сетях субъектов, наделенных публичной властью

Обсуждение использования доктрины государственной речи по отношению к высказываниям обладателей властных полномочий в социальных сетях началось в связи с расширением присутствия органов власти в социальных сетях и вновь актуализировалось после блокировки аккаунтов Д. Трампа на основных социальных медиа платформах в 2021 году.

Доктрина государственной речи (government speech doctrine) является исключением из правила о запрете регулирования, основанного на определённой точке зрения (viewpoint discrimination)⁴¹⁸. Государство может ограничивать право на выражение мнения, когда оно само (в лице соответствующих должностных лиц⁴¹⁹ или государственных органов) выступает в качестве спикера. Таким образом правительство обеспечивает защиту своих высказываний. Примечательно, что должностное лицо в буквальном смысле может и не выступать от лица правительства; при этом

⁴¹⁸ United States Supreme Court. *Rosenberger v. Rector and Visitors of the University of Virginia*, 515 U.S. 819 (1995).

⁴¹⁹ При этом возможна коллизия права на свободу выражения мнения выборного должностного лица и выборного органа власти, как, например, в деле *Houston Community College System v. Wilson*. Так, Дэвид Уилсон, являясь членом Совета попечителей системы общественных колледжей Хьюстона, неоднократно критиковал деятельность Совета в средствах массовой информации. В ответ Совет принял резолюцию, осуждающую его поведение. Суд не признал нарушения Уилсоном Первой поправки, ссылаясь, во-первых, на сложившуюся практику порицания членов выборных органов в США, приемлемую на всех уровнях управления (устное порицание является реализацией Первой поправки, устанавливающей «[с]вободу слова обеих сторон и для каждой группы с любыми взглядами»). Во-вторых, в практике Суда сложилась доктрина «неблагоприятных действий» (“adverse action”) правительства в ответ на высказывание, которые «не были бы предприняты, если бы не мотив возмездия» (*Nieves v. Bartlett*, 587 U.S. ____ (2019)). В данном случае таким неблагоприятным действием стало порицание, предпринятое коллегами Уилсона, также реализовавшими Первую поправку. См.: United States Supreme Court. *Houston Community College System v. Wilson*, 595 U.S. ____ (2022).

формой высказывания может быть признано, например, решение о предоставлении субсидии под определенным условием⁴²⁰.

Доктрина государственной речи активно развивается в практике Верховного суда США с начала 1990-х годов. Например, защита предоставлялась решениям обладателей публичной власти в контексте регулирования аборт и федеративных отношений⁴²¹, установки памятников в общественных местах⁴²² и специального дизайна номерных знаков⁴²³.

В самом общем виде споры, в которых Суд использовал доктрину государственной речи, показывают, что в некоторых случаях правительство должно иметь возможность выразить свою точку зрения, а частные субъекты не могут при этом сослаться на Первую поправку для ограничения такой возможности государства. При этом Верховный Суд США не называет упомянутую возможность правительства правом, основанным на Первой поправке, хотя право государства на высказывание подразумевается в этом случае⁴²⁴.

На основе практики Верховного суда США был разработан двухчастный тест для определения возможности предоставления защиты высказываниям субъектов-носителей государственной власти на основе Первой поправки. *Во-первых*, требуется установить является ли выражение мнения такого рода субъектом неотъемлемой частью его публичной функции (и соответствует ли компетенции). Иначе говоря, если он не сможет выразить

⁴²⁰ Подробнее см.: Kang M., Eisler J. Rethinking the Government Speech Doctrine, Post-Trump // University of Illinois Law Review. Vol. 2022. 2022. No. 5. P. 1947–1956.

⁴²¹ United States Supreme Court. Rust v. Sullivan, 500 U.S. 173 (1991). Правительство может ограничивать свободу слова своих подрядчиков, которым было поручено говорить от лица правительства.

⁴²² United States Supreme Court. Pleasant Grove City v. Summum, 555 U.S. 460 (2009). Городское правительство может установить религиозный монумент в городском парке и при этом отказать некоммерческой организации, относящей себя к другой религии в установке их собственного монумента в этом же парке.

⁴²³ United States Supreme Court. Walker v. Texas Division, Sons of Confederate Veterans, 576 U. S. 200 (2015). Дизайн регистрационных номерных знаков транспортных средств относится к государственной речи и поэтому частному лицу может быть отказано в уникальном дизайне.

⁴²⁴ См.: Gey S.G. Why should the First Amendment protect Government speech when the Government has nothing to say // Iowa Law Review. Vol 95. 2009. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1544635 (дата обращения: 30.09.2023).

мнение, то не будут выполнены функции, ради которых данный субъект был создан. *Во-вторых*, необходимо учитывать содействует ли выражение мнения продвижению ценности демократического самоуправления. Например, обнародование доклада, содержащего непопулярные или непризнанные большинством точки зрения по публично значимому вопросу, будет содействовать общественному обсуждению⁴²⁵.

Первое звено теста позволяет использовать Первую поправку именно в отношении высказываний субъектов, наделенных публичной властью, а не государственных служащих. Вторая часть теста дает основания для оценки целесообразности применения мер конституционно-правовой ответственности в целях защиты конституционализма.

Применение доктрины государственной речи сопряжено с опасностью чрезмерного ограничения свободы выражения мнения частных субъектов и монополизации площадок для дискуссий, в том числе социальных сетей.

Правительство, – хотим мы того или нет – выступает с теми или иными сообщениями. При этом не во всех случаях государственная речь автоматически влечет негативные последствия. Через образование, информирование, вклад в «рынок идей» правительство не только имеет возможность, но и обязано (в случае либеральной демократии) продвигать спорные концепции блага в контексте актуальных социальных проблем. К примеру, в рамках этой идеи правительство *обязано* занимать одну из сторон в вопросе прерывания беременности⁴²⁶.

Вместе с тем доктрина государственной речи нередко рассматривается в качестве «мины замедленного действия» в основании конституционной гарантии свободы слова. «Чтобы удовлетворить традиционным требованиям Первой поправки, – отмечается в одном из исследований, – правительство

⁴²⁵ См.: Fagundes D. State Actors as First Amendment Speakers // Northwestern University Law Review. Vol. 100. 2006. No. 6. P. 1689–1690.

⁴²⁶ См., напр.: Greene A.S. Government of the Good // Vanderbilt Law Review. Vol. 53. No. 1. 2000. P. 1–70.

должно показать, что оно не дискриминирует какую-либо точку зрения. Если же правительство покажет, что оно осуждает или поддерживает ту или иную точку зрения, то оно сможет сослаться на защиту правительственной речи и тем самым полностью избежать конституционного контроля. Таким образом, доктрина государственной речи поощряет то, что запрещено остальными положениями Первой поправки»⁴²⁷.

Близкий по смыслу аргумент против доктрины государственной речи заключается в указании на изначальное предназначение Первой поправки. Сторонники оригиналистского подхода предлагают полностью исключить рассматриваемую доктрину из практики Верховного Суда США поскольку Первая поправка была создана для ограничения власти государства и ее использование для обхода конституционных ограничений недопустимо⁴²⁸.

Критики доктрины также указывают на неспособность правительства иметь точку зрения. Анализируя практику применения доктрины, они указывают, что правительство в некоторых случаях не может сформулировать сообщение, которое оно стремится выразить⁴²⁹. В случае же нормотворчества невозможно, чтобы правительство преследовало единственную цель при принятии закона, и, следовательно, невозможно, чтобы в одном законе воплощалась определенная точка зрения⁴³⁰.

Пожалуй, самым серьезным предостережением в связи с применением доктрины государственной речи является возможность ее использования для монополизации государством «рынка идей» (установления обязательной

⁴²⁷ Blocher J. Viewpoint Neutrality and Government Speech // Boston College Law Review. Vol. 52. 2011. P. 695.

⁴²⁸ См.: Gey S.G. Why should the First Amendment protect Government speech when the Government has nothing to say // Iowa Law Review. Vol. 95. 2009. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1544635 (дата обращения: 30.09.2023).

⁴²⁹ Примером можно считать позицию правительства в деле Pleasant Grove City v. Summum, когда оно утверждало, что имеет точку зрения, но так и не сформулировало в чем же она заключается. См.: Gey S.G. Why should the First Amendment protect Government speech when the Government has nothing to say // Iowa Law Review. Vol. 95. 2009. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1544635 (дата обращения: 30.09.2023).

⁴³⁰ См.: Blocher J. Op. cit. P. 695–767.

идеологии)⁴³¹. Государство с опорой на доктрину государственной речи может «захватить» публичный форум: оставить, например, в публичной библиотеке книги только авторов-республиканцев и объявить это реализацией рассматриваемой доктрины⁴³².

Предупреждение об уничтожении многообразия в общественной дискуссии прозвучали в связи со спором о практике ведения персональной страницы в социальной сети Twitter на тот момент действовавшим президентом США Д. Трампом (@realDonaldTrump). Дело в том, что президент блокировал возможность различных пользователей оставлять комментарии под своими записями в социальной сети. Блокировке подвергались обыватели, знаменитости, неправительственные организации и журналисты. При этом страница в социальной сети была основным средством коммуникации Д. Трампа с избирателями. Позиция президента заключалась в том, что его блог в социальной сети не является публичным форумом, а сам он выступает в Twitter в частном качестве.

Верховный Суд США нашел возможность, как мы уже указывали ранее (см. раздел 2.1), уклониться от решения вопроса о возможности применения доктрин публичного форума и государственной речи к случаю страницы Д. Трампа в социальной сети Twitter⁴³³. Между тем, в литературе отмечалась реальная возможность (и угроза) применения доктрины государственной речи в этом деле. Ее применение означало бы, что действующий президент имеет юридическое основание блокировать любого пользователя осмелившегося выступить с критикой в его адрес. Таким образом, одна из основных площадок обсуждения действий правительства была бы «захвачена», а у

⁴³¹ См., например, Kamenshine R.D. The First Amendment's Implied Political Establishment Clause // *California Law Review*. Vol 67. 1979. P. 1104–1153.

⁴³² См.: Chemerinsky E. Free Speech, Confederate Flags and License Plates. URL: <http://www.ocreger.com/-articles/government-668320-texas-license.html> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴³³ United States Supreme Court. *Biden v. Knight First Amendment Institute at Columbia University*, 593 U.S. 1220 (2021).

незаблокированных пользователей могло бы сложиться ложное представление о наличии безоговорочной поддержки действующего президента⁴³⁴.

Позиция о невозможности признания высказываний президента в социальной сети государственной речью тем не менее не является единственной. Исследователи полагают, что записи в социальной сети могут быть признаны государственной речью на следующих основаниях. Во-первых, президент на постоянной основе *использовал аккаунт для доведения до общественности основных направлений государственной политики* его администрации. Во-вторых, аккаунт президента *ассоциируется с публичной властью*, в том числе, его цитируют в СМИ при обсуждении тех или иных действий правительства. Наконец, только *действующий президент* и (или) его администрация осуществляли публикации на соответствующей странице в социальной сети⁴³⁵.

Вместе с тем признание высказываний должностного лица в социальной сети государственной речью не означает вседозволенности. Напротив, из этого следует, что такого рода высказывания публичного субъекта подлежат ограничению с использованием доктрины охлаждающего эффекта. Доктрину охлаждающего эффекта мы рассматривали в этой работе ранее в связи с кейсом блокировки социальных сетей в России (см. раздел 1.3 работы). Здесь лишь отметим, что решение Верховного Суда США по делу *Bantam Books, Inc. v. Sullivan*⁴³⁶ может быть истолковано как запрещающее президенту (или другому должностному лицу) такие высказывания в социальной сети, которые могут подтолкнуть пользователей социальных сетей отказаться от выражения своей точки зрения. В этой связи выпады Д. Трампа

⁴³⁴ См.: Corbin C.M. Government Speech and First Amendment Capture // Virginia Law Review Online. Vol. 107. 2021. P. 224–245.

⁴³⁵ См.: McKechnie D.B. Government Tweets, Government Speech: The First Amendment Implications of Government Trolling // Seattle University Law Review. Vol. 44. 2020. P. 69–103.

⁴³⁶ United States Supreme Court. *Bantam Books, Inc. v. Sullivan*, 372 U.S. 58 (1963).

в адрес медиа и отдельных граждан с угрозами отзыва лицензий на вещания и уголовного преследования были недопустимы⁴³⁷.

Подводя итог рассмотрению доктрины государственной речи, отметим следующее. Должностные лица, занимающие высшие государственные должности, почти ежедневно высказываются по тем или иным актуальным темам. Более того, они имеют возможность с опорой на свой высокий социальный статус отстаивать непопулярные точки зрения, обогащая тем самым обсуждение спорных вопросов.

Высказывания должностных лиц могут пользоваться защитой на основании доктрины государственной речи. Вместе с тем их высказывания должны быть ограничены по своему содержанию. Должностные лица *не должны допускать* таких высказываний, которые бы имели охлаждающий эффект для реализации свободы выражения мнения частных субъектов. В противном случае *возникает риск «захвата» публичного форума или умаления идеологического многообразия*. Аналогичные требования применимы и по отношению к органам власти.

Указанные нами в этом разделе критерии (содействие продвижению непопулярных, но ценных точек зрения и ограничение высказываний, имеющих охлаждающий эффект) не образуют полного перечня требований к ограничению высказываний носителей публичной власти. Дополнительный материал для поиска таких критериев можно почерпнуть из практики применения мер конституционно-правовой ответственности к должностным лицам за публичные высказывания в различных правопорядках. Внимание этому уделено в следующем разделе работы.

⁴³⁷ См.: McKechnie D.B. Op. cit. P. 94–97.

3.2. Практика использования должностными лицами свободы слова и проблема правомерного ограничения их высказываний в социальных сетях

Должностные лица и публичные выступления неотделимы друг от друга. Политики произносят речи при вступлении в должность, они обращаются к нации по случаю памятных дат и праздников или просто дают комментарии прессе. В подавляющем числе случаев выступления основаны на традиции. Однако в некоторых случаях, публичные выступления могут приобретать форму полномочий. Так, например, Президент России обращается с ежегодным посланием к Федеральному Собранию (пункт «е» статьи 84 Конституции РФ).

Нередко высказывания политиков становятся устойчивыми выражениями, афоризмами, вокруг которых ведутся споры о допустимости использовании тех или иных выражений в публичной дискуссии. Однако в некоторых случаях высказывания высших должностных лиц могут иметь и *негативные юридические последствия* для их авторов. В этой связи достаточно вспомнить попытку отрешения от должности Президента РФ после его выступления с программой политических реформ в Обращении к гражданам России 20 марта 1993 года. И хотя сторонникам импичмента не удалось собрать достаточного количества голосов депутатов, событие представляет интерес в связи с правовой оценкой телевизионного выступления Президента РФ Конституционным Судом РФ.

Обращение к гражданам России 20 марта 1993 года было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации⁴³⁸ и Федеративному договору⁴³⁹. При этом Суд дал оценку отдельным высказываниям Президента: «выдвинутое в Обращении положение, что голосование решит вопрос, кому руководить страной – Президенту или Съезду народных депутатов, недопустимо». Интересно, что предметом рассмотрения Суда стала именно телетрансляция, а не документ, подписанный Президентом РФ. Последнее обстоятельство обратило внимание троих судей Конституционного Суда РФ (Э.М. Аметистов, Н.В. Витрук, Т.Г. Морщакова), которые не согласились с выводами Суда. Они отметили, что Обращение Президента представляет собой *политическое действие*, оно должно рассматриваться в качестве декларации о намерениях, которой еще предстоит найти свое выражение в актах и действиях Президента, и поэтому Обращение не может быть предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ⁴⁴⁰.

Приведенный пример попытки привлечения должностного лица к ответственности за высказывания иллюстрирует не только саму возможность использования такого основания конституционной ответственности, но и ставит *вопрос* о гарантиях свободы такого лица выражать свое мнение. В частности, важно установить рамки для частных кампаний (интернет-платформ), применяющих меры ответственности к носителям власти, если им такое право делегировало само государство.

Ответ на этот вопрос можно почерпнуть из случаев, когда высокий статус должностных лиц становился не только *основанием для привлечения к*

⁴³⁸ Конституция (Основной закон) Российской Федерации - России (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.) (в ред. от 10.12.1992) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15. ст. 407.

⁴³⁹ Федеративный договор от 31 марта 1992 года. «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» // Федеративный договор: Документы. Комментарий. М., 1994.

⁴⁴⁰ Заключение Конституционного Суда РФ от 23 марта 1993 года № 1-3 // СЗ РФ. 1993. № 13. ст. 466.

юридической ответственности, но и *аргументом в пользу освобождения* от нее.

Как известно, тридцать седьмой президент США Ричард Никсон был вынужден уйти в отставку в результате Уотергейтского скандала (1972–1974 гг.)⁴⁴¹. Однако расследование причастности Р. Никсона к данному эксцессу было прекращено после того, как Джеральд Форд помиловал его за все преступления, которые Р. Никсон «совершил или мог совершить» за время своего президентства. Правовыми аргументами Дж. Форда⁴⁴² в пользу прекращения преследования президента, сложившего свои полномочия, стали, во-первых, *неопределенность в отношении процедуры* такого преследования, во-вторых, невозможность обеспечения справедливого разбирательства и надлежащей правовой процедуры *ни в одной из юрисдикций США*, в-третьих, необходимость *защиты ценности внутреннего спокойствия (domestic tranquillity)*⁴⁴³. Президент Форд заявил, что разбирательство дела Р. Никсона может иметь *разрушительные последствия для конституционного строя США*, подорвав доверие к демократической системе, и стать фактором поляризации общественного мнения, особенно если суд придет к выводу, что Р. Никсону было отказано в надлежащем судебном разбирательстве. Кроме того, по словам Дж. Форда, «президент Никсон уже претерпел ответственность и еще будет претерпевать в дальнейшем негативные последствия своих действий вне зависимости от того продолжится ли его преследование или нет»⁴⁴⁴. Не трудно заметить, что приведенные Дж. Фордом

⁴⁴¹ См.: Watergate Chronology. URL: <https://watergate.info/chronology> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁴² Аргументы за и против судебного преследования Р. Никсона были подготовлены Министерством юстиции США. См.: Memorandum To Jaworski On Prosecuting Nixon. URL: <https://watergate.info/1974/08/09-/jaworski-memorandum-on-prosecuting-nixon.html> (дата обращения: 24.03.2024).

⁴⁴³ Здесь необходимо сделать оговорку о том, что не все исследователи права согласны с обращением к ценностям при разрешении конфликтов. В литературе справедливо отмечается, что ценности невозможно ранжировать, а приверженность им часто носит иррациональный характер. См.: Варламова Н.В. Права человека и "юриспруденция ценностей" // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6(151). С. 11–45.

⁴⁴⁴ Remarks on Pardoning Richard Nixon, September 8, 1974 // URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-8-1974-remarks-pardoning-richard-nixon> (дата обращения: 30.09.2023). Однако оппоненты помилования с недоверием отнеслись к публично провозглашенным

доводы относительно требований к правовой конструкции ответственности президента и соображения относительно возможных последствий ее реализации будут актуальны и при создании нормативных установлений *об ответственности за высказывания* высших должностных лиц *в сетевом пространстве*.

Примечательно, что аналогичные аргументы содержатся и в решении Конституционного Суда Южной Кореи, принятом по вопросу о привлечении президента Но Му Хена к ответственности (в том числе и за его неправомерные высказывания)⁴⁴⁵.

Конституционный Суд Южной Кореи подтвердил нарушение принципа политической нейтральности президентом Но Му Хеном, которое заключалось в поддержке определенной политической партии на пресс-конференции. Суд признал, что, выступая перед журналистами, глава государства исполнял должностные полномочия, поскольку даже действия не основанные непосредственно на нормативном акте, *но соответствующие по содержанию функциям* президента следует оценивать как совершенные им *в качестве должностного лица*. Одновременно с этим суд отметил, что

аргументам в его пользу. Известны несколько версий об истинных причинах помилования. Среди них: тесные дружеские отношения между Р. Никсоном и Д. Фордом; стремление сохранить в секрете другие записи разговоров Р. Никсона (Nixon White House tapes); помилование - результат сделки Форда с целью занятия поста президента. В качестве доказательства последней версии упоминалась встреча (тогда еще вице-президента) Д. Форда с руководителем аппарата Белого дома А. Хэйгом, в ходе которой последний передал два документа: один - описывал полномочия президента в части помилования, другой был проектом документа о помиловании. Встреча состоялась за неделю до отставки Р. Никсона. Сам президент Форд официально отрицал сделку перед членами Палаты представителей. Вместе с тем популярно среди экспертов и мнение о том, что помилование Р. Никсона стоило Д. Форду второго президентского срока в 1976 году, хотя впоследствии именно это его решение и было признано главным достижением на посту главы государства. См.: Shane S. For Ford, Pardon Decision Was Always Clear-Cut // New York Times. 2006. 29 December. URL: <https://www.nytimes.com/2006/12/29/washington/29pardon.html> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁴⁵ В 2003 году Президент Республики Корея Но Му Хен и его сторонники создали партию Ури (Наша открытая Партия). Непосредственно перед очередными выборами в Национальное Собрание Но Му Хен высказался в поддержку партии Ури, тем самым допустив нарушение положений Конституции о политической нейтральности президента. Оппозиционное большинство в парламенте проголосовало в пользу импичмента в марте 2004 года. Общественное мнение оказалось на стороне Но Му Хена, рейтинг политика многократно вырос, а партия Ури на очередных выборах в апреле 2004 года получила большинство мест в парламенте. В мае Конституционный Суд Южной Кореи отклонил ходатайство о вынесении судебного решения об импичменте. Подробное описание политического кризиса см.: Lee Y. Law, politics, and impeachment: The impeachment of Roh Moo-hyun from a comparative constitutional perspective // The American Journal of Comparative Law. 2005. Vol. 53. No. 2. P. 403–432.

применение мер ответственности требует предварительного взвешивания и нахождения баланса между тяжестью совершенного президентом деяния и социально-политическими последствиями его отстранения. Надо учитывать, что в последнем случае может наступить *политический хаос*, который станет следствием конфликта сторонников и противников президента, или ущерб нации будет нанесен в результате перерыва в осуществлении президентских полномочий. В пользу отстранения главы государства от должности, по мнению судей, свидетельствует *утрата им народного доверия*, если действия президента направлены против базовых принципов правового государства и демократии (таких как – уважение к основным правам человека, разделение властей, независимость судебной власти, парламентаризм, многопартийность демократические принципы выборов)⁴⁴⁶.

Таким образом, применение мер конституционно-правовой ответственности к высшему должностному лицу государства должно защищать общество от его незаконных действий, но не вести к нарушению конституционного порядка. Поэтому, как свидетельствует приведенный пример, основанием применения мер ответственности к президенту является достаточно *серьезное* правонарушение, которое несет *реальную угрозу* конституционному строю.

В контексте высказываний политиков в социальных сетях проблема применения мер ответственности только усугубляется. Выразительным примером реализации такой ответственности стала блокировка аккаунтов Дональда Трампа, который в январе 2021 года во время событий, получивших название «штурм Капитолия», на личной странице в социальной сети Twitter сделал две записи, ставшие поводом для блокировки. Президент утверждал, что голос всех его избирателей будет услышан и он не будет присутствовать

⁴⁴⁶ Дело об импичменте Президента Но Му Хена (Roh Moo-hyun) Конституционный Суд Южной Кореи 14 мая 2004, 16-1 КСР 609, 2004Hun-Na1 // Кененова И.П., Троицкая А.А., Шустров Д.Г. Сравнительное конституционное право в доктрине и судебных решениях. Учеб. пособие. М.: КРАСАНД, 2015. С. 615–624. Полный текст решения на английском языке доступен на официальном сайте суда: http://search.court.go.kr/xmlFile/0/010400/1/pdf/e2004n1_1.pdf (дата обращения: 30.09.2023).

на инаугурации Джозефа Байдена, намеченной на 20 января. Администрация социальной сети с учетом контекста высказываний и «способ[ов], которыми заявления президента могут быть использованы различными аудиториями, в том числе для подстрекательства к насилию» заблокировала на неопределенный срок личную страницу Д. Трампа⁴⁴⁷. Основанием для блокировки стали правила платформы о запрете призывов к насилию⁴⁴⁸. Аналогичные меры были применены к аккаунтам президента на других платформах⁴⁴⁹. Блокировка аккаунтов действующего президента США стала беспрецедентным случаем применения мер ответственности со стороны частных компаний по отношению к должностному лицу. Причем правовая природа этой ответственности отнюдь не очевидна.

По мнению исследователей конституционное право США особым образом не гарантирует защиту высказываний Д. Трампа как главы государства⁴⁵⁰. Тем не менее привлечение должностного лица к ответственности за высказывания ограничено, с одной стороны, доктриной «государственной речи»⁴⁵¹, которая позволяет применять Первую поправку для предоставления защиты высказываниям публичных субъектов, а с другой стороны, целью защиты конституционного порядка. И если оценка возможности предоставления конституционной защиты высказываниям офлайн является полномочием публичных органов власти, которые обязаны следовать сложившимся правилам, то оценка возможности защиты онлайн-высказываний перешла в руки частных компаний – владельцев социальных сетей.

⁴⁴⁷ Permanent suspension of @realDonaldTrump. URL: https://blog.twitter.com/en_us/topics/company/2020/suspension (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁴⁸ Glorification of violence policy. URL: <https://help.twitter.com/en/rules-and-policies/glorification-of-violence> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁴⁹ См.: Mark Zuckerberg's post // Facebook. 2021. 7 January. URL: <https://www.facebook.com/zuck/posts/10112681480907401> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁵⁰ Pollicino O., De Gregorio G., Bassini M. Trump's Indefinite Ban: Shifting the Facebook Oversight Board away from the First Amendment Doctrine. URL: <https://verfassungsblog.de/fob-trump-2/> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁵¹ Подробнее о сущности доктрины см. второй раздел настоящей статьи.

Расширение власти цифровых компаний, в том числе в части модерации высказываний в онлайн пространстве, как уже отмечалось в предыдущих частях работы, преимущественно является результатом непрямого делегирования публичных функций, развивающегося в рамках общего тренда на передачу публичных функций от государственных органов к специализированным субъектам бизнеса. Между тем, делегирование публичных функций по установлению правил взаимодействия в цифровой среде носителей государственной власти и народа затрагивает конституционные принципы разделения властей, верховенства права и демократии. Следовательно передача публичных полномочий частным интернет-компаниям и порядок их реализации должны подвергаться конституционно-правовым ограничениям⁴⁵², в том числе в связи с уточнением содержания института конституционно-правовой ответственности по отношению к должностным лицам⁴⁵³, проявляющим активность в социальных сетях.

Как показал пример США, администраторы платформ получили неограниченную возможность *оценки реальности* угрозы конституционному строю и *дискрецию* в блокировании аккаунтов политиков. При этом не существует адекватного правового регулирования порядка принятия подобных решений⁴⁵⁴. Признание отсутствия прозрачной процедуры принятия решения о блокировке страницы пользователя является одним из ключевых пунктов решения Наблюдательного совета Facebook по делу о блокировке

⁴⁵² Ibid. P. 99–100.

⁴⁵³ Институт конституционно-правовой ответственности – один из центральных в отечественной науке конституционного права. Однако остаются в данной сфере еще «белые пятна». Это, например, вопросы об обстоятельствах, освобождающих от ее наступления, об оценочном характере признаков конституционного правонарушения, о применении категории «вины» и установлении «моральных» оснований противоправных деяний. См.: Кондрашев А.А. Институт конституционно-правовой ответственности в предмете конституционного права: грани соотношения // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10(95). С. 188–191.

⁴⁵⁴ Некоторые штаты рассматривают возможность принятия нормативных актов, регулирующих деятельность социальных медиа платформ, а принятые в штатах Флорида и Техас соответствующие нормативные акты оспариваются представителями цифровых компаний в Верховном суде США. См.: United States Supreme Court. NetChoice, LLC, v. Paxton, No. 22-555; Moody, Attorney General of Florida, et al. v. NetChoice, LLC, No. 22-277; NetChoice, LLC v. Moody, Attorney General of Florida, et al., No. 22-393.

аккаунта Д. Трампа. Данный орган поддержал блокировку страницы президента, однако отметил, что отсутствие прозрачности в процессе принятия решения может говорить о политической предвзятости или следовании коммерческой выгоде⁴⁵⁵.

Приведенные примеры показывают рамки, в которых может конструироваться ответственность высших должностных лиц за высказывания в сетях.

В контексте высказываний политиков в социальных сетях особенно заметна проблема разграничения характера высказываний. Политики могут выступать в социальных сетях и в личном качестве. Или же выступать в сети по далеким от политики поводам. На эту проблему пришлось обратить внимание Верховному Суду США в деле *Lindke v. Freed*⁴⁵⁶, в котором Суд определил в каких случаях госслужащий действует в соцсетях от имени власти. Для установления этого факта требуется одновременное соблюдение двух условий:

(1) служащий обладает полномочием говорить от имени штата по определенному вопросу и

(2) реализует данное полномочие, когда публикует конкретный пост в социальной сети.

⁴⁵⁵ Oversight Board. Case decision 2021-001-FB-FBR. Application No. FB-691QAMHJ. Decision of 5 May 2021. URL: <https://www.oversightboard.com/decision/FB-691QAMHJ> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁵⁶ United States Supreme Court. *Lindke v. Freed*. 601 U. S. ____ (2024). Поводом для решения стал спор в связи с удалением сити менеджером комментариев одного из пользователей социальной сети. Джеймс Фрийд после назначения на должность сити менеджера указал свое новое место работы в описании профиля. В основном он публиковал записи о своей частной жизни. Иногда он удалял комментарии, которые считал оскорбительными или глупыми. Так он поступил и с комментарием Кевина Линдка, который высказался против действий представителей власти во время пандемии под одним из постов Фрийда. Более того, сити менеджер заблокировал возможность Линдку оставлять комментарии на своей странице. Последний обжаловал действия служащего на основании нарушения Первой поправки к Конституции США. Суды встали на сторону чиновника.

Верховный Суд США постановил, что дело должно быть пересмотрено поскольку блокирование возможности оставлять комментарии ко всем постам на странице сити-менеджера может нарушить Первую поправку. Нарушение будет иметь место, если на странице Фрийда обнаружатся посты, соответствующие сформулированным ВС критериям: то есть, если найдется хоть один пост, в котором Фрийд реализовал полномочие делать официальные объявления от имени города.

Поэтому, если госслужащий удаляет комментарии пользователя на своей странице, он ограничивает свободу слова гражданина только в том случае, если из содержания поста следует, что служащий действует от имени государства. Простого указания на официальный характер страницы (например, должность в описании профиля) недостаточно. Кроме того, для того чтобы злоупотребить властными полномочиями, в первую очередь, ими необходимо обладать, следовательно, как отмечает Суд: «вопрос не в том, *подпадают ли* официальные объявления под должностную инструкцию, а в том, является ли такое объявление *на самом деле* частью работы, которую Штат поручил должностному лицу.» Иными словами, полномочие публиковать официальные объявления должно быть прямо указано в законе или другом источнике.

Этот подход на первый взгляд противоречит подходу Верховного Суда Республики Корея по делу Но Му Хена. Но при более внимательном сопоставлении упомянутых решений противоречие снимается. В последнем деле речь шла о полномочиях *президента*. В поле внимания Верховного Суда США оказались действия *госслужащего* в сети. Дифференциация подходов в данном случае представляется уместной.

Суммируя опыт регулирования ответственности за высказывания должностных лиц, можно выделить следующие общие требования к такого рода суждениям, которые актуальны и для сетевого пространства:

- высказывание является частью осуществления публичной функции должностного лица, хотя, возможно, состоялось и без непосредственной опоры на предоставляемые ему законом полномочия;
- чтобы получить юридическую защиту – суждение должно содействовать продвижению конституционных ценностей;
- если высказывание нарушает правовые предписания, то необходимо доказать наличие противоправного умысла у его автора, а также

реальной и серьезной угрозы конституционному правопорядку, которое станет следствием выступлений в сети;

- прежде, чем привлечь к ответственности политика, следует сопоставить политические последствия этого решения (прежде всего, возможность негативной реакции общества на него) и тяжесть правонарушения;

- процедура привлечения к ответственности за высказывания в сети должна быть детально урегулирована правом и прозрачна.

Кроме того, ситуация с блокировкой аккаунтов Д. Трампа выявила, по крайней мере, три не решенных адекватным правовым способом проблемы:

- отсутствие порядка и пределов делегирования негосударственным структурам полномочий по регулированию и контролю сетевой активности политиков;

- неограниченность дискреции частных регуляторов при оценке серьезности угрозы, исходящей от высказывания должностного лица;

- непрозрачность процедуры принятия решений о привлечении к ответственности, ее неправовой как по содержанию, так и по форме характер.

Аналогичные поводы для раздумий о юридической ответственности политиков за высказывания в сети дает и отечественный опыт.

В России должностные лица также являются активными пользователями социальных сетей. Ведут страницы в социальных сетях Председатель Государственной Думы РФ Вячеслав Володин, заместитель председателя Совета безопасности Дмитрий Медведев, Директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел России Мария Захарова и другие видные политики. Специальными нормативными правовыми актами эта практика не регулируется, хотя, например, к высказываниям депутата Государственной Думы РФ в виртуальном

пространстве и могут быть применены общие нормы о соблюдении этики⁴⁵⁷. Однако, процесс привлечения депутата к ответственности за нарушение этических норм затруднен ввиду недостатков регламентации советующих общественных отношений⁴⁵⁸.

Остается неясным выступают ли перечисленные должностные лица от имени государственных органов или в личном качестве лидеров мнений. Некоторые блоги не содержат в описании страниц указания на занимаемую лицом должность. С другой стороны, необходимо признать, что высказывания политиков в социальных сетях интересуют общественность в силу высокого формального статуса их авторов.

Основным каналом коммуникации с населением социальные сети стали для высших должностных лиц субъектов федерации. Количество страниц глав регионов в социальных сетях резко выросло с 2010 года. Так, например, по состоянию на начало 2020 года в Instagram имели собственные страницы 69 высших должностных лиц субъекта федерации⁴⁵⁹.

⁴⁵⁷ Речь идет о статье 9 Федерального закона от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ (в ред. от 28.12.2022) «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (СЗ РФ.1994. № 2. ст. 74), согласно которой депутаты обязаны соблюдать этические нормы, а ответственность за их нарушение устанавливается регламентами палат федерального собрания. Регламент Государственной Думы Федерального собрания РФ (СЗ РФ. 1998. № 7. ст. 801). К нарушениям норм депутатской этики Регламент относит использование грубых и оскорбительных выражений, наносящих ущерб чести и достоинству, необоснованные обвинения в чей-либо адрес, использование заведомо ложной информации и призывы к незаконным действиям (ст. 45). Однако эта норма распространяется только на выступающего в Государственной Думе и, соответственно, санкциями за ее нарушение является предупреждение и прекращение его выступления в случае повторного нарушения. Положение о комиссии Государственной Думы Федерального собрания РФ по вопросам депутатской этики (СЗ РФ. 2021. № 42. ст. 7076) помимо перечисленных в Регламенте действий относит к этическим деликтам и иные нарушения общепринятых этических норм, как во взаимоотношениях с депутатами Государственной Думы и другими лицами при осуществлении депутатами своих прав (пункт 3.1 Положения). В случае установления Комиссией факта нарушения этических норм она вправе указать депутату на нарушение, предложить депутату принести публичные извинения или принять решение об опубликовании информации о факте нарушения депутатом правил в официальном печатном издании Федерального Собрания РФ и о размещении такой информации на официальном сайте Государственной Думы (пункт 3.3 Положения).

⁴⁵⁸ Аминов И.И. Этика российского парламентария как предмет нормативно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 53.

⁴⁵⁹ Хотя вовлеченность аудитории на должном уровне удавалось поддерживать только двадцати главам субъектов. См: Филатова О.Г. Главы субъектов РФ в блогах и социальных сетях: тренды коммуникаций начала 2010-х и 2020-х гг // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. № 2. С. 32–35.

Главы регионов не обладают специальными полномочиями в части размещения информации в социальных сетях⁴⁶⁰. Однако, как звено системы органов государственной власти субъекта РФ, высшие должностные лица субъектов обязаны иметь официальные страницы в социальных сетях⁴⁶¹. На официальных страницах должна размещаться информация справочного характера (наименования государственного органа, почтовый адрес и т.д.), а также иная информация о деятельности главы региона⁴⁶². Среди *общих* правовых предписаний, которые стоит отнести и к информированию о деятельности государственных органов (должностных лиц) *на официальных страницах в социальных сетях*, названы *только* следующие требования: о достоверности сведений, о запрете размещения информации ограниченного доступа, об учете расходов, связанных с обеспечением доступа к информации, при планировании бюджетного финансирования⁴⁶³.

Вместе с тем *на владельцев социальных сетей* возложены *обязанности* не допускать использование социальной сети в целях совершения преступлений, разглашения сведений, составляющих охраняемую законом тайну, распространения экстремистских материалов и других сведений⁴⁶⁴.

Поскольку *специальных* норм, ограничивающих действия сетевых модераторов *в отношении официальных страниц государственных органов и их должностных лиц*, равно как и требований к правилам использования социальной сети не установлено, владельцы социальных сетей *обязаны* принимать меры по ограничению доступа к такой информации в том порядке, который сочтут необходимым. Таким образом, нормы российского законодательства о распространении информации в социальных сетях

⁴⁶⁰ Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ (в ред. от 14.03.2022) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). ст. 8973.

⁴⁶¹ Пункт 1.1 статьи 10 Федерального закона от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. ст. 776.

⁴⁶² Там же. Пункт 1.2 статьи 13.

⁴⁶³ Там же. Статья 11.

⁴⁶⁴ Статья 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ.

допускают возникновение ситуации аналогичной рассмотренному примеру блокирования аккаунта президента США.

Эффективность работы глав регионов в социальных сетях подлежит регулярной оценке⁴⁶⁵. Рейтинг личных страниц глав регионов ведет и публикует на своем сайте автономная некоммерческая организация «Диалог Регионы»⁴⁶⁶. Оцениваются страницы по трем критериям: «представленность в социальных сетях», «качество контента» и «вовлеченность пользователей». Критерии описаны частично, полная информация о методике оценки отсутствует. «Представленность в социальных сетях» учитывает популярность социальной сети в регионе⁴⁶⁷, качество контента оценивается по 12 критериям, «вовлеченность пользователей» рассчитывается как отношение количества пользователей, проявляющих активность на странице главы региона к общему числу пользователей социальной сети в регионе. При этом

⁴⁶⁵ Хотя непосредственно связанные с работой в социальных сетях показатели для оценки эффективности их деятельности нормативно не закреплены. См: Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 года № 68 (в ред. от 09.09.2022) «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 6. ст. 966.

⁴⁶⁶ Автономная некоммерческая организация (далее – АНО) по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы» является дочерней структурой АНО по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог». АНО «Диалог» учреждена решением мэра Москвы в 2019 году для мониторинга обратной связи с жителями города в рамках ситуации с коронавирусом. Главным проектом «Диалог Регионы» стало создание и администрирование центров управления регионами - проектных офисов, которые анализируют записи пользователей в социальных сетях на территории субъектов федерации и передают обращения граждан соответствующим региональным службам. В случае отсутствия реакции со стороны органа власти обращение передается на уровень выше в управленческой иерархии. Для анализа обращений граждан используется система «Инцидент Менеджмент». Центры управления регионами в том числе готовят информационные и аналитические материалы в целях территориального стратегического планирования развития субъекта РФ. Проект финансируется за счет средств национальной программы «Цифровая экономика». Подробнее о работе центров управления регионов см.: Филатова О.Г., Чугунов А.В. Развитие экосистемы электронного участия в России в начале 2020-х: роль социальных медиа и центров управления регионами // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. № 2. С. 120–137. Деятельность центров управления регионами регулируется Правилами создания и функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 16 ноября 2020 года № 1844 (СЗ РФ. 2020. № 47, ст. 7545), а также региональными нормативными актами, см. напр., Постановление Правительства Орловской области от 19 ноября 2020 года № 709 «Об утверждении Положения о Центре управления регионом Орловской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5700202011200003> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁶⁷ В рейтинге учитываются страницы глав регионов в социальных сетях ВКонтакте и Одноклассники.

12 критериев оценки качества контента, методика определения количества пользователей социальной сети и другие детали не раскрываются⁴⁶⁸.

Отсутствие полной информации о критериях оценки личных страниц глав регионов имеет негативные последствия. Во-первых, затруднена возможность обсуждения и оценки гражданским обществом эффективности работы глав регионов, а также выработки рекомендаций по ее улучшению. Во-вторых, затруднено формирование главами регионов стратегии работы в социальных медиа. Между тем на основе данных, которые предоставляет «Диалог Регионы», принимаются кадровые решения, включая решения об отставке руководителей⁴⁶⁹.

Суммируя отечественный и зарубежный опыт регулирования ответственности должностных лиц, применимый в сетевом пространстве, стоит признать необходимым закрепление в законодательстве, по крайней мере, трех позиций.

У аккаунтов должностных лиц должен быть *особый статус* в целях предоставления защиты их высказываниям и предъявления к ним специальных требований, связанных с содержанием размещаемой государственными деятелями на своих страницах информацией. Начать стоит с определения *круга субъектов*, которым необходим подобный особый статус аккаунта. Представляется, что среди них должны быть лица, замещающие государственные и муниципальные должности, а также те, кто зарегистрирован в качестве кандидатов на выборах разных уровней публичной власти, депутаты представительных учреждений и др.

⁴⁶⁸ Официальный сайт АНО «Диалог Регионы». URL: <https://dialog.info/ratings/heads-of-regions-personal-pages/> (дата обращения: 30.09.2023). Существуют и альтернативные системы оценивания активности глав регионов в социальных сетях, которые учитывают поведение пользователей, в частности измеряется количество упоминаний глав регионов в позитивном и негативном контекстах. См.: Губернаторы – герои соцсетей (выпуск за декабрь 2021). URL: <https://cprk.ru/issledovaniya/tsifrovye-portrety-glav-rossiyskikh-regionov/gubernatory-geroi-sotssetey-vypusk-za-dekabr-2021/> (дата обращения: 30.09.2023).

⁴⁶⁹ См.: «Абсолютно свободным ничто не может оставаться» // Коммерсантъ. 2020. 7 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4519974> (дата обращения: 30.09.2023). На практике меры конституционно-правовой ответственности, как правило, не применяются, главы регионов подают в отставку «по собственному желанию». См.: Кондрашев А.А. Указ. соч. С. 190.

Видится полезным уточнение требований к правилам использования социальных сетей (нормам саморегулирования, принимаемым владельцами социальных сетей) в части *установления прозрачных процедур ограничения доступа к информации, на страницах должностных лиц* (включая высказывания последних), если от нее исходит серьезная угроза правопорядку. Прежде всего необходимо сформулировать *критерии оценки серьезности* данной угрозы.

В интересах повышения эффективности публичного управления важно полное раскрытие в законодательстве *критериев оценки работы* высших должностных лиц субъектов РФ, включая *их активность в социальных сетях*.

Представляется, что реализация приведенных предложений позволит должностным лицам, с одной стороны, свободно выражать свое мнение и размещать информацию в личных аккаунтах, не опасаясь произвольных ограничений со стороны владельцев сетей, а, с другой стороны, обеспечит более ответственное поведение политиков в виртуальном пространстве благодаря введению адекватных конституционно-правовых ограничений.

Отдельного внимания заслуживает использование должностными лицами социальных сетей *во время избирательных кампаний*. Цифровые платформы заметно изменили облик современных выборов. Социальные сети становятся основным пространством коммуникации кандидатов и избирателей. К примеру, во время парламентских выборов 2010 года в Великобритании Twitter стал основной площадкой для публикации новостей о ходе избирательной кампании для около четверти кандидатов. Печатным медиа не оставалось ничего лучше, как перепечатывать «твиты» кандидатов на страницах своих изданий. Похожая картина имела место во время выборов в Королевстве Нидерландов в том же году⁴⁷⁰.

⁴⁷⁰ См.: Broersma M., Graham T. Social Media as Beat: Tweets as news source during the 2010 British and Dutch elections // Journalism Practice. Vol. 6. No. 3. 2012. P. 403–419

Еще более заметно влияние социальных сетей на выборы в президентских республиках. Умелое использование цифровых площадок командой Барака Обамы в ходе выборов президента США в 2012 году считается эталоном успешной кампании в сети. Персональные страницы Б. Обамы имели большее количество подписчиков (на страницы Ника Ромни – кандидата от Республиканской партии – было подписано примерно в пятнадцать раз меньше пользователей), он размещал большее количество контента и вовлеченность пользователей была сравнительно высокой⁴⁷¹.

Как отмечалось в первой главе, социальные сети и выборы чаще всего рассматриваются в двух контекстах – обработки персональных данных пользователей платформ для целей агитации⁴⁷² или манипулирования настроениями избирателей с помощью распространения недостоверной информации⁴⁷³. Эти проблемы заслуживают детального рассмотрения в рамках отдельных исследований. В настоящей работе мы остановимся на особенностях защиты высказываний политиков в социальных сетях в период предвыборных кампаний и их возможностях ограничивать речь пользователей платформ.

Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ не устанавливает специальных правил о модерации контента во время избирательных кампаний⁴⁷⁴. Закон лишь отсылает к законодательству о выборах, указывая, что

⁴⁷¹ См.: Dalton-Hoffman M. The Effect of Social Media in the 2012 Presidential Election // *The First-Year Papers* (2010 - present). Trinity publications, 2012. URL: <https://digitalrepository.trincoll.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1035&context=fypapers> (дата обращения: 01.01.2024).

⁴⁷² Компания использовала собранные данные пользователей социальной сети Facebook для целей политической агитации во время выборов президента США в 2016 году и голосования по выходу Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии из состава ЕС. Соответственно проблема касается защиты права на неприкосновенность частной жизни и заслуживает рассмотрения в рамках отдельного исследования. См.: Kristian P.H. International law, surveillance and the protection of privacy // *The International Journal of Human Rights*. Vol. 25. No. 1. P. 1–25.

⁴⁷³ См.: Allcott H., Gentzkow M. Social media and fake news in the 2016 election // *Journal of economic perspectives*. Vol. 31. No. 2. 2017. P. 211–236; Santos G.F. Social media, disinformation, and regulation of the electoral process: a study based on 2018 Brazilian election experience // *Revista de investigações constitucionais*. No. 7. 2021. P. 429–449.

⁴⁷⁴ О недостатках такого подхода см.: Подшивалов В.Е. Предвыборная агитация в социальных сетях и иных средствах персональной интернет-коммуникации *de lege ferenda* // *Избирательное законодательство и практика*. 2023. № 3. С. 28–32.

владельцы социальных сетей обязаны соблюдать установленные соответствующими законами ограничения и запреты (пункт 3 части 1 статьи 10.6 Федерального закона № 149-ФЗ). Иными словами, владельцы социальных сетей в дополнение к обязанностям, возложенным на них Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ, обязаны учитывать положения, в том числе устанавливающие гарантии прав граждан на распространение информации о выборах и референдумах⁴⁷⁵. Контроль за реализацией положений закона осуществляет Центральная избирательная комиссия (ЦИК) РФ, полномочия которой в части блокировки агитационных материалов в сети были относительно недавно расширены⁴⁷⁶. ЦИК РФ получила возможность обращаться в Роскомнадзор напрямую с представлением о пресечении распространения в интернете агитационных материалов, распространяемых с нарушением закона. До внесения изменений блокирование доступа к информации было возможно только на основании решения суда.

Таким образом, закон не устанавливает специальных требований к социальным сетям в связи с агитацией и ограничивается лишь нормой, отсылающей к законодательству о выборах⁴⁷⁷. Однако за пределами действующего регулирования остались несколько вопросов, заслуживающих внимания. Во-первых, статус личной страницы политического лидера, участвующего в выборах, с момента его регистрации в качестве кандидата остается неоднозначным. Дело в том, что на практике личная страница политического лидера в социальной сети сама по себе становится

⁴⁷⁵ Прежде всего Главы 8 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О референдуме Российской Федерации» (СЗ РФ. 2004. № 27. ст. 2710) и Главы VII Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (СЗ РФ. 2002. № 24. ст. 2253).

⁴⁷⁶ Федеральный закон от 9 марта 2021 года № 43-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 11. ст. 1708.

⁴⁷⁷ О регулировании предвыборной агитации в социальных сетях см.: Брикульский И.А. Предвыборная агитация в социальных сетях: проблемы правового регулирования // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 38. № 3. С. 61–81.

агитационным материалом⁴⁷⁸. При этом социальные сети в России никаким образом не ограничены в использовании инструментов ограничения выражения мнения в отношении персональных страниц кандидатов. Кроме того, страница кандидата в социальной сети является пространством взаимодействия пользователей с кандидатом и друг с другом. Таким образом, вновь возникает вопрос модерации комментариев пользователей на страницах политических лидеров. Можно предположить, что политики, участвующие в выборах с большей вероятностью будут придерживаться достаточно жесткого подхода к модерации комментариев пользователей, допускающих критические высказывания.

Свобода усмотрения социальных сетей в отношении агитационных материалов также представляет интерес. К примеру, Правила размещения агитационных материалов социальной сети ВКонтакте⁴⁷⁹ во многом дословно повторяют положения действующего законодательства. Однако компания осуществляет предварительную модерацию (модерацию, которая осуществляется до публикации контента в сети) агитационных материалов, в рамках которой, по сути, проверяется соблюдение требований действующего законодательства, в том числе предоставление агитационных материалов в соответствующую избирательную комиссию. По смыслу правил, публикация агитационных материалов кандидата осуществляется после успешного прохождения премодерации. Однако правила не устанавливают основания отказа от публикации агитационных материалов, что оставляет пространство для широкой дискреции модераторов социальной сети⁴⁸⁰.

⁴⁷⁸ См.: Емелин М.Ю. Некоторые вопросы предвыборной агитации в социальных сетях // Региональные особенности рыночных социально-экономических систем (структур) и их правовое обеспечение : материалы XIV-й научно-практической конференции с элементами научной школы для молодых учёных (с международным участием), Пенза, 15 февраля 2023 года. – М. : Московский университет им. С.Ю. Витте, 2023. С. 11.

⁴⁷⁹ Правила размещения агитационных материалов. URL: https://ads.vk.com/help/articles/-election_rules (дата обращения: 01.01.2024).

⁴⁸⁰ За пределами избирательных кампаний на платформе ВКонтакте в соответствии с Правилами размещения рекламы «Не допускается реклама, содержащая призывы политического и (или) агитационного характера, сравнение политических идей и движений, символик политических идей и движений, описание

Таким образом, в связи с активностью должностных лиц в период выборов представляется необходимым *уточнение по крайней мере трех* положений. Во-первых, необходимо законодательное закрепление особого статуса страниц кандидатов в социальных сетях с тем, чтобы ограничить свободу усмотрения социальных сетей в применении мер ограничения высказываний. Во-вторых, возможно ограничение свободы усмотрения кандидатов в модерации своих страниц как гарантии свободы выражения мнения пользователей платформ. Наконец, необходимо установление четких критериев отказа социальных сетей от публикации агитационных материалов.

политической деятельности (например, реклама сайтов депутатов, политических деятелей, чиновников, митингов, демонстраций, шествий, пикетирований и т.п.)» (Пункт 3.5 Правил).

3.3. Особенности конституционно-правовых гарантий свободы слова пользователей социальных сетей, обусловленные ведением органами публичной власти официальных страниц

Органы публичной власти в Российской Федерации широко представлены в социальных сетях. В 2023 году все федеральные органы исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство РФ, начали вести официальные страницы в социальной сети ВКонтакте и мессенджере Telegram⁴⁸¹. Отдельные органы власти (Министерство иностранных дел, Россотрудничество, Министерство обороны) продолжают вести страницы в Facebook и Instagram⁴⁸². По данным АНО «Диалог Регионы» к концу 2022 года в России было создано около 3 тыс. официальных страниц органов власти с суммарной аудиторией более 50 млн человек⁴⁸³. Качество ведения официальных страниц в социальных сетях стало одним из критериев оценки эффективности деятельности органов публичной власти⁴⁸⁴.

⁴⁸¹ Открытость государства в России – 2023. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fa0/mmjmi9q6gdf48ccu2fllhk5mp0z70k8l.pdf> (дата обращения: 01.01.2024). С. 50. Количество федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство РФ, определено по Указу Президента РФ от 21 января 2020 года № 21 (ред. от 08.08.2023) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» (СЗ РФ. 2020. № 4. ст. 346.).

⁴⁸² Открытость государства в России – 2022. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Otkrytost-2022.pdf> (дата обращения: 01.01.2024). С. 55.

⁴⁸³ В России все города и районы запустили официальные паблики во «ВКонтакте». URL: <https://dialog.info/v-rossii-vse-goroda-i-rajony-zapustili-oficialnye-pabliki-vo-vkontakte/> (дата обращения: 01.01.2024). К данным такого рода стоит относиться с осторожностью. Например, по данным Минцифры аудитория официальных страниц государственных органов к концу декабря 2022 года «превысила 36 млн человек». См.: Аудитория госпабликов в соцсетях превысила 36 млн человек. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/42262/> (дата обращения: 01.01.2024). Впрочем, несмотря на различные результаты подсчета аудитории, суммарный охват официальных страниц органов власти трудно признать незначительным.

⁴⁸⁴ См., например, Рейтинг субъектов Российской Федерации по исполнению положений Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/reitingsubektovrfpoispolneniyupolozhenij8fznoyabr.pdf> (дата обращения: 01.01.2024); Методика расчета рейтинга субъектов Российской Федерации по исполнению положений

С 1 декабря 2022 года присутствие органов государственной власти и подведомственных им организаций в социальных сетях стало обязательным. Новое требование было введено Федеральным законом от 14 июля 2022 года № 270-ФЗ⁴⁸⁵ (известный также как «закон о госпабликах»). Указанный закон содержит требование создавать официальные страницы органов государственной власти и подведомственных им организаций. Исключение сделано для органов власти руководство деятельностью которых осуществляет Президент РФ (часть 1.2 Федерального закона от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ, часть 1 статьи 10 Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ⁴⁸⁶).

Официальные страницы органы власти создают в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники»⁴⁸⁷. На них размещается общая информация об органе или подведомственной организации (наименование, почтовый адрес, адрес электронной почты, номера телефонов справочных служб, информацию об официальном сайте), а также информация об их деятельности (часть 1.2 статьи 13 Федерального закона от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ).

Федерального закона от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». URL: <https://pos.gosuslugi.ru/og/docs/category/14?page=2&per-page=10> (дата обращения: 01.01.2024).

⁴⁸⁵ Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29 (часть III). ст. 5237.

⁴⁸⁶ Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). ст. 6217. Однако документы, устанавливающие порядок создания информационных ресурсов судебных органов в интернете, не были обновлены. См., напр., Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 2 ноября 2015 года № 335 (ред. от 19.02.2020) «Об утверждении Регламента размещения информации о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и органов судейского сообщества в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и Регламента размещения информации о деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» // Бюллетень актов по судебной системе. № 1. 2016. Кроме того, не установлены и стандарты поведения судей в социальных сетях. См. об этом подробнее: Яшина А.А. Международные принципы поведения судей в социальных сетях // Российский судья. 2021. № 10. С. 40–44.

⁴⁸⁷ Распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2022 года № 2523-р «Об определении ВКонтакте и Одноклассники в качестве информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами, в том числе судами, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, включая управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, организациями, подведомственными государственным органам и органам местного самоуправления, для создания официальных страниц» // СЗ РФ. 2022. № 37. ст. 6381. Определение социальных сетей для ведения официальных страниц установлено в легальном определении понятия «Официальная страница». См. п. 6 статьи 1 Федерального закона от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ.

Выход органов власти в социальные сети закономерен и представляет собой попытку адаптации системы государственного управления к уровню развития цифровых коммуникаций. Авторы закона об официальных страницах органов власти отмечают, что «в современных реалиях наличие сайта организации оказывается недостаточным. Сложились новые, уже более привычные для граждан и регулярно используемые ими способы коммуникации, наиболее популярными из которых являются социальные сети»⁴⁸⁸.

Переход к новым способам коммуникации позволяет решать сразу несколько задач, стоящих как перед отдельными органами публичной власти, так и перед системой публичной власти в целом. *Во-первых*, присутствие органов власти в социальных сетях является частью стратегии противодействия распространению недостоверной информации на цифровых платформах. Официальные страницы могут использоваться для доведения достоверной информации о событиях, происходящих в масштабах всей страны, а не только отдельных территорий или сфер деятельности⁴⁸⁹. Распространение официальной информации таким образом является «положительным» дополнением к обязанности социальных сетей противодействовать распространению недостоверной информации⁴⁹⁰. Иными словами, официальные страницы могут возмещать удаленный социальными сетями *недостоверный контент* информацией исходящей из авторитетного источника⁴⁹¹.

⁴⁸⁸ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/68371-8> (дата обращения: 01.01.2024).

⁴⁸⁹ См.: Скокова А.Н. Особенности предоставления информации о деятельности органов публичной власти посредством социальных сетей: реализация федерального закона о госпабликах // Современный ученый. 2023. № 5. С. 350.

⁴⁹⁰ См., подробнее о социальных сетях и недостоверной информации: Совик Ю.И. Роль социальных сетей в борьбе с политической дезинформацией: соучастники ли? // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 9. С. 42–46.

⁴⁹¹ Риск такого подхода к работе с информацией заключается в возможности смешения понятий «достоверная информация» и «официальная информация». См.: Совик Ю.И. Законодательное регулирование "фейк-ньюс" в России: в авангарде борьбы за информационную чистоту // Юрист. 2023. № 7. С. 63–67.

Во-вторых, присутствие органов власти в социальных сетях способствует реализации принципа прозрачности (транспарентности) деятельности органов публичной власти⁴⁹². Реализация принципа в данном случае достигается за счет публикации информации о деятельности органа власти на еще одном популярном среди граждан информационном ресурсе. Кроме того, ведение страниц в социальных сетях упрощает возможность обращения граждан к органам публичной власти с использованием интерфейса социальных сетей⁴⁹³. Общая доступность информации об органе власти и его правильное позиционирование, помимо прочего, могут способствовать повышению популярности государственной и муниципальной службы через формирование HR-бренда работодателя⁴⁹⁴.

В-третьих, социальные сети могут быть использованы органами публичной власти для снижения протестного потенциала пользователей социальных сетей, их кооптации и использования активности в соответствии с целями органов власти⁴⁹⁵. Накопленный опыт присутствия органов власти в социальных сетях показывает, что количество сообщений на официальных страницах органов власти растет за счет оттока пользователей со страниц

⁴⁹² См.: Петрин И.В., Авдеев Д.А. Открытость информации в деятельности государственных органов // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 1. С. 23–27; Комбарова Е.В. Транспарентность органов публичной власти в условиях информационного общества России // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 15–18; 349. Хайров А.Д. Принцип гласности в деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации : вопросы теории и практики : дисс. ... к.ю.н. Казань, 2023. - 221 с.

⁴⁹³ См.: Канунникова Н.Г. Государственное управление в условиях цифровизации: зарубежный опыт, проблемы и перспективы развития // Административное право и процесс. 2023. № 6. С. 38–40.

⁴⁹⁴ См.: Аверин А.В., Погодина И.В., Авдеев Д.А. Имидж органа власти в цифровой среде как фактор привлекательности госслужбы // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 5. С. 42–45.

⁴⁹⁵ См.: Киняшева Ю.Б. Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 3–10. При этом социальные сети могут быть использованы в законотворческой деятельности, в том числе и при принятия основного закона страны как для проведения общественных консультаций, так и сбора предложений о содержании конституционного текста. См. подробнее: Васильева Т.А. Конституционные реформы в цифровую эпоху: опыт Исландии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83). С. 59. Конституция и права человека: современная доктрина и практика / И. А. Алешкова, П. Н. Андреева, О. С. Белослудцев [и др.]. – М. : Институт государства и права РАН, 2021. С. 68–85. Васильева Т.А. Информационные технологии как инструмент демократизации парламентской деятельности: латиноамериканская практика // Государство и право. 2023. № 8. С. 142–153; Васильева Т. Краудсорсинговые платформы в парламентах Чили и Бразилии: попытки делиберации // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 5 (156). С. 124–141.

местных сообществ⁴⁹⁶. При этом важным отличием последних является невозможность их модерации публичными субъектами.

В-четвертых, использование социальных сетей может способствовать расширению автономии отдельных органов власти, то есть их способности действовать независимо от воли других акторов. Расширение автономии в данном случае достигается за счет создания корпоративной идентичности. Создание такой идентичности происходит в процессе разработки и продвижения нарратива об органе власти (кто они такие и какие ценности представляют). Идентичность органа власти способствует достижению его целей деятельности за счет укрепления «мягкой силы». Социальные сети позволяют конвертировать «мягкую силу» путем прямого взаимодействия со стейкхолдерами (заинтересованными субъектами) в обход официальных каналов связи, подачи сигналов о содержании своих намерений, что особенно ценно в ходе переговоров, координации действий с другими акторами, в том числе медиа⁴⁹⁷.

Наконец, присутствие органов власти в социальных сетях укрепляет их легитимность. Это актуально не только для международных или наднациональных органов, демократическая легитимность которых ограничена ввиду скромных или вовсе отсутствующей связи с избирателями, но и для государственных органов, особенно органов исполнительной власти, связь которых с избирателями в непарламентских республиках также относительно слаба. Легитимность органов власти в данном случае укрепляется за счет прямого (не опосредованного третьими лицами) взаимодействия с целевой аудиторией в цифровом пространстве⁴⁹⁸.

Стремление публичной власти расширить и упорядочить свое присутствие в социальных сетях можно только приветствовать. Однако, как и

⁴⁹⁶ См.: Скокова А.Н. Указ. соч. С. 350.

⁴⁹⁷ См.: Bjola C., Zaiotti, R. Going Digital: Choices and challenges for international organisations. In Digital Diplomacy and International Organisations. Routledge, 2020. P. 6-7.

⁴⁹⁸ Ibid. P. 9-10.

в случае использования других цифровых инноваций, требуется осмысление и разработка соответствующей нормативной основы взаимодействия государства и граждан с использованием информационных технологий, снижающей риск непропорционального ограничения прав и свобод человека⁴⁹⁹.

Присутствие органов власти в социальных сетях связано по крайней мере с реализацией трех прав граждан: права на доступ к информации о деятельности органов публичной власти, права граждан на обращение в органы власти⁵⁰⁰ и права на свободу выражения мнения.

Право на свободу выражения мнения в социальных сетях в связи с использованием социальных сетей публичными органами власти может быть ограничено, по крайней мере, в двух случаях. Администратор официальной страницы может ограничить возможность пользователя оставлять комментарии на странице публичного органа в социальной сети и (или) заблокировать пользователя. В последнем случае пользователь потеряет возможность знакомится с содержанием официальной страницы органа публичной власти.

Администраторы любых сообществ в социальных сетях имеют возможность блокировать пользователей платформы. Как правило, такого рода ограничения вводятся в отношении пользователей, которые допускают оскорбления в адрес других участников сообщества или распространяют спам. В случае официальных страниц органов власти проблема блокирования пользователя социальной сети приобретает конституционно-правовое значение, ведь пользователь блокируется от имени органа публичной власти.

⁴⁹⁹ См.: Салихов Д.Р. Использование информационных технологий в рамках процесса модернизации российских политических институтов: правовые условия, приемлемые способы, вызовы и риски // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 18–26.

⁵⁰⁰ Конечно, сообщения, направленные органу власти с использованием интерфейса социальных сетей, и комментарии к публикациям на официальных страницах не являются в соответствии с действующим законом формой реализации права на обращение в органы власти. См.: Гриценко Е.В. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4. С. 15–36.

Нормативные акты, устанавливающие требования к ведению официальных страниц, не содержат специальных правил модерации сообщений пользователей платформ на страницах органов публичной власти⁵⁰¹. Владельцы социальных сетей также не устанавливают ограничений модерации сообществ государственных организаций⁵⁰². Единственный источник, в котором удалось найти рекомендации по модерации контента – методические рекомендации АНО «Диалог Регионы» по работе с обратной связью на официальных страницах.

АНО «Диалог Регионы» оказывает содействие органам власти в ведении официальных страниц. Организация видит свою задачу в создании «экосистем[ы] госпабликов, вертикал[и] официальных сообществ вокруг человека»⁵⁰³. Кроме общих рекомендаций об основах коммуникации (например, «ваш ответ должен быть коротким, но информативным и написан простым языком») методические рекомендации указывают на возможность блокирования пользователей, которые оставляют комментарии, оскорбляющие других пользователей, включающих обценную лексику или *неуважение к власти*. Содержание последней категории не раскрывается⁵⁰⁴. Впрочем, одноименный закон⁵⁰⁵, которым была введена административная ответственность за распространение в сети информации содержащей «явное

⁵⁰¹ Помимо указанных выше федеральных законов см. также: Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2022 года № 2560 «Об утверждении Правил размещения государственными органами, органами местного самоуправления и подведомственными организациями информации на своих официальных страницах, получения доступа к информации, размещаемой на официальных страницах, и осуществления взаимодействия с пользователями информацией на официальных страницах с использованием инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме, предусмотренной Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», и Правил взаимодействия официальных сайтов и официальных страниц с федеральной государственной информационной системой «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», включая требования, предъявляемые к такому взаимодействию» // СЗ РФ. 2023. № 2. ст. 518.

⁵⁰² См.: Государственным организациям. URL: <https://vk.com/safety?section=gov> (дата обращения: 01.01.2024).

⁵⁰³ Госпаблики. URL: <https://dialog.info/gospabliki/> (дата обращения: 01.01.2024).

⁵⁰⁴ См.: Как начать работать с обратной связью (методические рекомендации АНО «Диалог»). URL: <https://dialog.info/wp-content/uploads/2023/05/Metodichka-OS-v-gospablikah-1.pdf> (дата обращения: 01.01.2024).

⁵⁰⁵ Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2019. N 12. Ст. 1218.

неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации» (часть 3 статьи 20.1 КоАП РФ) неоднократно критиковался как чрезмерно ограничивающий свободу слова граждан, в частности из-за низкого уровня правовой определенности и оценочного характера содержащихся в норме понятий⁵⁰⁶.

В отношении официальных страниц органов публичной власти было бы целесообразным установить в законе особый статус, предполагающий специальные правила модерации контента на официальных страницах. Поскольку степень допустимой критики в отношении правительства значительно выше, чем в отношении граждан и отдельных должностных лиц⁵⁰⁷, то и специальные правила модерации контента должны давать пользователям большую свободу выражения мнения на официальных страницах⁵⁰⁸. При этом социальные медиа платформы должны быть освобождены от ответственности за нелегальный контент, который не был удален ими по общему правилу, но может быть допустим в некоторых случаях именно на официальных страницах⁵⁰⁹.

В Российской Федерации органы публичной власти не сформировали единого подхода к ведению официальных страниц органов власти в социальных сетях (например, возможность оставлять комментарии и вовсе

⁵⁰⁶ См., например, Кондрашев А.А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15–25.

⁵⁰⁷ См., например, ECtHR. Dyuldin and Kislov v. Russia. Application no. 25968/02. Judgement of 31 July 2007.

⁵⁰⁸ В американской доктрине сторонники ограничения усмотрения органов публичной власти в модерации контента на официальных страницах основывают свой аргумента на доктрине публичного форума, которая уже рассматривалась выше (см. раздел 2.1 работы). См.: Ardito A. Social Media, Administrative Agencies, and The First Amendment // Administrative Law Review. Vol. 65. No. 2. 2013. P. 301–386; Morris P.L., Sarapin S.H. You can't block me: When social media spaces are public forums // First Amendment Studies. Vol. 54. No. 1. 2020. P. 52–70. Эта точка зрения не единственная. В противовес ей высказано мнение, что правительство может ограничивать высказывания на платформах на основе доктрины государственной речи. См.: Ardia, D.S. Government speech and online forums: First Amendment limitations on moderating public discourse on Government websites // Brigham Young University Law Review. Vol. 2010. Iss. 6. 2010. P. 1981–2044.

⁵⁰⁹ См.: Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. Москва: НОРМА, 2023. СПС «КонсультантПлюс».

отсутствует на странице Федеральной налоговой службы в социальной сети «ВКонтакте»⁵¹⁰). Между тем, такой подход реализован, например, в Соединенном Королевстве, где правительство опубликовало свое понимание модерации на официальных страницах в социальных сетях, в том числе, перечислив категории недопустимого к публикации контента, которые одновременно являются и критериями блокирования пользователей⁵¹¹.

Необходимость специальных правил модерации контента на официальных страницах органов власти обусловлена также возможностью блокировки таких страниц владельцами социальных сетей на основании нарушения правил платформы. Действующее законодательство не устанавливает специальных требований модерации социальной сетью официальных страниц. Не делают этого и социальные сети. Между тем представляется необходимым установить *особые правила модерации официальных страниц социальными сетями и критерии ограничения доступа к ним*. К примеру, может быть установлено требование принятия решения о блокировке только в ручном режиме, исключающее автоматическое принятие решения системами на основе искусственного интеллекта, а к критериям блокировки официальных страниц может быть отнесена ситуация «захвата» правительственной страницы злоумышленниками.

Подводя итог заключительного параграфа следует отметить следующее. Официальные страницы органов публичной власти и подведомственных им организаций в социальных сетях *следует наделить специальным правовым статусом*. Такой статус необходим для ограничения свободы усмотрения владельцев социальных сетей в отношении указанных страниц и обеспечения свободы слова пользователей платформ. В последнем случае правила модерации контента на официальных страницах должны

⁵¹⁰ См. подр.: Погодина И.В. Формирование положительного имиджа ФНС и ФТС России: инструменты и технологии // Таможенное дело. 2023. № 3. С. 4–8.

⁵¹¹ См.: Social media house rules. URL: <https://gds.blog.gov.uk/social-media-house-rules/> (дата обращения: 01.01.2024).

допускать большую меру свободы слова пользователей платформ, поскольку степень допустимости критики в отношении властных органов выше, чем в отношении частных субъектов. Кроме того, необходимо выработать единый подход к модерации контента на официальных страницах для обеспечения равных возможностей пользователей платформ выражать свое мнение о работе различных органов власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальные сети, как и другие цифровые платформы, не просто дают возможность своим пользователям распространять информацию и обмениваться сообщениями. Они также определяют правила взаимодействия пользователей в сети. Эти правила являются обязательными, а их нарушение для пользователей платформ влечет негативные последствия. Такой способ управления цифровым пространством во многом напоминает государственный механизм правового регулирования и принуждения.

На протяжении почти десятилетия социальные сети обладали почти неограниченной свободой усмотрения в установлении правил поведения пользователей. Положение цифровых платформ было подкреплено законодательными актами, устанавливающими невозможность привлечения владельцев частных компаний к ответственности за размещенный пользователем противоправный контент и исключаящими ответственность платформ в связи с осуществлением ими модерации контента. В Соединенных Штатах такой правовой режим установлен секцией 230 Акта о соблюдении приличий в коммуникациях. В Европейском Союзе соответствующие положения содержит Директива о цифровой торговле.

Однако взгляд на цифровые платформы изменился. Сегодня дискуссия идет не о том стоит ли ограничивать свободу усмотрения социальных сетей, а о том каким образом это стоит делать. Цель такого регулирования состоит в эффективном обеспечении прав и свобод человека.

При ограничении свободы усмотрения цифровых компаний необходимо иметь в виду, что эта свобода также представляет собой гарантию, цель которой не допустить превращение социальных сетей в инструмент государственного подавления. Поэтому поиск эффективных гарантий прав

предполагает поддержание баланса частных интересов владельцев платформ, их пользователей и государства.

Кроме того, гарантии должны отвечать текущему уровню развития информационных технологий. Поэтому при их установлении необходимо учитывать особенности ограничения свободы выражения мнения в социальных сетях. Во-первых, стоит обратить внимание на появление недоступных традиционным медиа инструментов ограничения свободы выражения мнения: маркировки контента (сопровождение сообщения пользователя дополнительной информацией), инструментов теневого блокирования (ограничение распространения информации без уведомления пользователя), а также блокирования пользователей платформ.

Институциональные гарантии свободы выражения мнения пользователей платформ должны адресовать по крайней мере два явления: участие некоммерческих организаций в модерации контента и создание платформами квази-судебных органов по разрешению споров с пользователями социальных сетей. Для эффективной охраны и защиты свободы слова в этой области необходимо установление требований к прозрачности деятельности таких организаций, доступности и реализации решений.

Законодательство рассмотренных в диссертации правовых порядков по-разному отвечает на социально-политические изменения в сфере выражения мнения в социальных сетях. В Соединенных Штатах платформы пользуются ограниченным иммунитетом, а свобода их усмотрения при осуществлении модерации контента ограничена в наименьшей степени. Саморегулирование цифровых сервисов остается основным способом установления правил поведения пользователей в сети. В качестве более жесткого можно охарактеризовать регулирование цифровых платформ в Европейском Союзе. Недавно принятый Акт о цифровых услугах хотя и не изменил кардинально перечень обязанностей социальных сетей, но все-таки установил

законодательные подходы к решению некоторых из проблем в связи с ограничением свободы выражения мнения пользователей платформ. В частности, были разработаны и приняты ограничения в области теневого блокирования контента, участия некоммерческих организаций в модерации контента, требования к организациям по разрешению споров между платформами и их пользователями. Не лишенный недостатков Акт вполне может повторить путь Общего регламента по защите персональных данных и стать новым ориентиром регулирования цифровых сервисах в других странах, в том числе англо-американской правовой традиции.

Опыт Европейского Союза в регулировании платформ дает полезные ориентиры для совершенствования отечественного законодательства, определяющего особенности деятельности владельцев социальных сетей. В частности, необходимо обратить внимание на ограничение свободы усмотрения платформ при осуществлении теневого блокирования контента, взаимодействия с неправительственными организациями, а также в разрешении споров с пользователями. Кроме того, требуется уточнение критериев блокирования аккаунтов должностными лицами, модерации контента на официальных страницах органов публичной власти как самими владельцами социальных сетей, так и администраторами таких страниц.

Блокирование социальных сетей как способ обеспечения прав и свобод граждан или метод принуждения владельцев платформ к соблюдению требований законодательства должно применяться только при наступлении правовых критериев. Такого рода требованием может стать отказ владельца социальной сети от соблюдения обязательств по противодействию распространению языка вражды или призывов к насилию. В противном случае блокировка платформы будет приводить к наступлению охлаждающего эффекта для прав и свобод человека.

Выводы исследования, предпринятые систематизации и сделанные наблюдения могут быть использованы для продолжения исследований

трансформирования правового ландшафта в связи с возникновением цифровых платформ и расширением их влияния на общественные отношения. В частности, представляется интересным и перспективным изучение концепции цифрового конституционализма, активно развивающейся сферы под названием «бизнес и права человека», а также поиск правовых ответов на возникновение таких социальных феноменов как алгократия (правление при помощи алгоритмов), управления платформ (platform governance) и других явлений.

БИБЛИОГРАФИЯ**Нормативные правовые акты Российской Федерации**

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеративный договор от 31 марта 1992 года. «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» // Федеративный договор: Документы. Комментарий. М., 1994.
3. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
4. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.
5. Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 года № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
9. Гражданский Кодекс РФ (часть четвертая) от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

10. Закон РФ от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428.
11. Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О Прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
12. Федеральный закон от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 2. Ст. 74.
13. Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
14. Федеральный закон от 18 июля 1999 года № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» // СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3774.
15. Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
16. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
17. Федеральный закон от 7 июля 2003 № 126-ФЗ «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.
18. Федеральный закон от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 15. ст. 1277.
19. Федеральный закон от 13 марта 2006 года «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
20. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

21. Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

22. Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

23. Федеральный закон от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7597.

24. Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2302.

25. Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4390.

26. Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 208-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3877.

27. Федеральный закон от 1 мая 2017 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 18. Ст. 2664.

28. Федеральный закон от 1 июля 2021 года № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5064.

29. Федеральный закон от 2 июля 2021 года № 347-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5175.

30. Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

31. Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29 (часть III). Ст. 5237.

32. Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

33. Федеральный закон от 31 июля 2023 года № 401-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6133.

34. Федеральный закон от 31 июля 2023 года № 408-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.07.2023.

35. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 года № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

36. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 12 октября 2021 года № 12-8 ГД «О Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по вопросам депутатской этики» // СЗ РФ. 2021. № 42. Ст. 7076.

37. Указ Президента РФ от 21 января 2020 года № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 346.

38. Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 года № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 6. Ст. 966.

39. Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 года № 1844 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций "Диалог Регионы" на создание и обеспечение функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов и Правил создания и функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов» // СЗ РФ. 2020. № 47. Ст. 7545.

40. Постановление Правительства РФ от 15 июля 2021 года № 1192 «Об утверждении Правил рассмотрения Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций информации, указанной в пункте 1 части 5 статьи 10.6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также Правил взаимодействия с уполномоченными государственными органами» // СЗ РФ. 2021. № 30. Ст. 5770.

41. Распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2022 года № 2523-р «Об определении ВКонтакте и Одноклассники в качестве информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами, в том числе судами, Судебным

департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, включая управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, организациями, подведомственными государственным органам и органам местного самоуправления, для создания официальных страниц» // СЗ РФ. 2022. № 37. Ст. 6381.

42. Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 года № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в РФ и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р» // СЗ РФ. 2023. № 19. Ст. 3481.

43. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 30 марта 2021 года № 37 «Об утверждении методики определения количества пользователей информационного ресурса в сутки» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.05.2021 № 63693) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.05.2021.

44. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 2 апреля 2021 года № 46 «Об утверждении Критериев определения направляемой в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций информации, выявленной в процессе осуществления мониторинга социальной сети или по результатам рассмотрения обращения о распространяемой с нарушением закона информации, состава и порядка направления такой информации» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.05.2021 № 63692) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.05.2021.

45. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 2 апреля 2021 года № 47 «Об утверждении требований к форме, составу и размещению

ежегодных отчетов о результатах рассмотрения обращений, поданных с использованием электронной формы для направления обращений о распространяемой с нарушением закона информации» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.05.2021 № 63694) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.05.2021.

46. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 12 апреля 2021 года № 52 «Об утверждении порядка взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с владельцами социальных сетей» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.05.2021 № 63688) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.05.2021.

47. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 2 ноября 2015 года № 335 «Об утверждении Регламента размещения информации о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и органов судейского сообщества в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и Регламента размещения информации о деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» // Бюллетень актов по судебной системе. № 1. 2016.

48. Постановление Правительства Орловской области от 19 ноября 2020 года № 709 «Об утверждении Положения о Центре управления регионом Орловской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5700202011200003> (дата обращения: 30.09.2023).

Недействующие нормативные правовые акты

49. Проект Приказа Роскомнадзора «Об утверждении требований к содержанию информации о применении рекомендательных технологий и размещению такой информации на информационном ресурсе, на котором применяются рекомендательные технологии». URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=140691> (дата обращения: 30.09.2023).

Международные акты

50. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) // Российская газета. 1993. № 67. 5 апреля.

51. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

52. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

53. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. Документ ООН HR/PUB/11/04. 16 июня 2011 года. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/GuidingPrinciple_sBusinessHR_ru.pdf (дата обращения: 30.09.2023).

54. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 года) (с изм. от 24.06.2013) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

Нормативные правовые акты Европейского Союза

55. Charter of Fundamental Rights of the European Union // Official Journal of the European Union. C 326. 26.10.2012. P. 391–407.

56. Directive (EU) 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market // Official Journal of the European Union. L 178. 17.07.2000. P. 1–16.

57. Directive (EU) 2015/1535 of the European Parliament and of the Council of 9 September 2015 laying down a procedure for the provision of information in the field of technical regulations and of rules on Information Society services (codification) // Official Journal of the European Union. L 241. 17.9.2015. P. 1–15.

58. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. L 119. 04.05.2016. P. 1–88.

59. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC // Official Journal of the European Union. L 130. 17.05.2019. P. 92–125

60. Regulation (EU) 2021/784 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 on addressing the dissemination of terrorist content online // Official Journal of the European Union. L 172. 17.05.2021. P. 79–109.

61. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) // Official Journal of the European Union. L 265. 12.10.2022. P. 1–66.

62. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. L 277. 27.10.2022. P. 1–102.

63. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L 2024/1689. 12.7.2024. ELI: <http://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (дата обращения: 31.08.2024).

64. The EU Code of conduct on countering illegal hate speech online. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/combating-discrimination/racism-and-xenophobia/eu-code-conduct-countering-illegal-hate-speech-online_en (дата обращения: 30.09.2023).

65. Proposal for a regulation of the European parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain union legislative acts. COM/2021/206 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52021PC0206> (дата обращения: 30.09.2023).

66. Commission Recommendation (EU) 2018/334 of 1 March 2018 on measures to effectively tackle illegal content online // Official Journal of the European Union. L 63. 06.03.2018. P. 50–61.

Нормативные правовые акты зарубежных государств
Федеративная Республика Германия

67. Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/BJNR335210017-.html> (дата обращения: 30.09.2023).

Французская Республика

68. LOI n° 2018-1202 du 22 décembre 2018 relative à la lutte contre la manipulation de l'information (1) // Journal officiel de la République Française n° 0297 du 23 décembre 2018. Texte No 2 sur 191.

Австрийская Республика

69. Bundesgesetz über Maßnahmen zum Schutz der Nutzer auf Kommunikationsplattformen (Kommunikationsplattformen-Gesetz – KoPl-G). URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20011415> (дата обращения: 30.09.2023).

Соединенные Штаты Америки

70. Constitution of the United States. URL: <https://www.senate.gov/about/origins-foundations/senate-and-constitution/constitution.htm> (дата обращения: 30.09.2023).

71. The Communications Act. 19 June 1934. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-936/uslm/COMPS-936.xml> (дата обращения: 30.09.2023).

72. Communications Decency Act. 2 August 1996. URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/652/text> (дата обращения: 30.09.2023).

73. Digital Millennium Copyright Act. 28 October 1998. URL: <https://www.copyright.gov/legislation/pl105-304.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

74. Allow States and Victims to Fight Online Sex Trafficking Act. 11 April 2018. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ164/PLAW-115publ164.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

75. Executive Order on Preventing Online Censorship, Exec. Order No. 13925, 85 Fed. Reg. 34,079 (June 2, 2020). URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-preventing-online-censorship/> (дата обращения: 30.09.2023).

76. California Constitution. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=CONS&division=&title=&part=&chapter=&article=I (дата обращения: 31.08.2024).

Судебная практика

Российская Федерация

77. Заключение Конституционного Суда РФ от 23 марта 1993 года № 1-3 «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина, связанных с его Обращением к гражданам России 20 марта 1993 года» // СЗ РФ. 1993. № 13. Ст. 466.

78. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1993 года № 10-П «По делу о проверке конституционности Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 17 июля 1992 года «О газете "Известия"» и по индивидуальной жалобе членов журналистского коллектива редакции

газеты «Известия» в связи с Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 17 июля 1992 года «О газете "Известия"» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1994. № 2–3.

79. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 года № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 "О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики", Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. N 2166 "О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино - ингушского конфликта", Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 "Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа", Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 "Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации"»// СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3424.

80. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 1997 года № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона от 18 июля 1995 года «О рекламе» // СЗ РФ. 1997. № 11. Ст. 1372.

81. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 года № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4358

82. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 мая 2017 года № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9

Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н.Г. Мехиладзе» // СЗ РФ. 2017. № 23. Ст. 3473.

83. Определения Конституционного Суда РФ от 27 сентября 1995 года № 69-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козырева Андрея Владимировича» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

84. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 года № 1759-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Харитонов Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 2 статьи 15.1 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и пунктом 2 статьи 3 Федерального закона "О внесении изменений в Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации"» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

85. Определение Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 года № 1104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Есиповой Полины Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

86. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2005.

87. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2011.

88. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2016.

89. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12 мая 2022 года по делу № АПЛ22-115.

90. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2023 года по делу № А32-36944/2022.

91. Решение Тверского районного суда от 21 марта 2022 года по делу № 02-2473/2022.

92. Решение Басманного районного суда города Москвы от 24 июня 2022 года по делу № 05-2161/2022.

93. Постановление Ленинского районного суда города Екатеринбурга от 11 октября 2023 года по делу № 5-433/2023.

Европейский Суд по правам человека

94. *Handyside v. United Kingdom*. Application no. 5493/72. Judgement of 7 December 1976.

95. *Barthold v. Germany*. Application no. 8734/79. Judgement of 25 March 1985.

96. *Lingens v. Austria*. Application no. 9815/82. Judgement of 8 July 1986.

97. *Müller v. Switzerland*. Application no. 10737/84. Judgement of 24 May 1988.

98. *Markt Intern Verlag and Klaus Beermann v. Germany*. Application no. 10572/83. Judgement of 20 November 1989.

99. *The Sunday Times v. the United Kingdom (No. 2)*. Application no. 13166/87. Judgement of 26 November 1991.

100. Castells v. Spain. Application no. 11798/85. Judgement of 23 April 1992.
101. Otto-Preminger-Institut v. Austria. Application no. 13470/87. Judgement of 20 September 1994.
102. Goodwin v. the United Kingdom. Application no. 17488/90. Judgment of 27 March 1996.
103. Hertel v. Switzerland. Application no. 25181/94. Judgement of 25 August 1998.
104. Krone Verlag GmbH & Co. KG (No. 3) v. Austria. Application no. 39069/97. Judgement of 11 December 2003.
105. Erbakan v. Turkey. 59405/00. Judgement of 6 July 2006.
106. Vereinigung Bildender Künstler v. Austria. Application no. 68354/01. Judgement of 25 January 2007.
107. Tysiac v. Poland. Application no. 5410/03. Judgement of 20 March 2007.
108. Nurmagomedov v. Russia. Application no. 30138/02. Judgement of 7 June 2007.
109. Dyuldin and Kislov v. Russia. Application no. 25968/02. Judgement of 31 July 2007
110. Parlov-Tkalčić v. Croatia. Application no. 24810/06. Judgement of 22 December 2009.
111. Kasparov v. Russia. Application no. 21613/07. Judgment of 3 October 2010.
112. A, B and C v. Ireland [GC]. Application no. 25579/05. Judgment of 16 December 2010.
113. Michaud v. France. Application no. 12323/33. Judgement of 6 December 2012.
114. Delfi AS v. Estonia [GC]. Application no. 64569/09. Judgment of 16 June 2015.

115. Karácsony and Others v. Hungary [GC]. Application nos. 42461/13 and 44357/13. Judgement of 17 May 2016.

116. Nadtoka v. Russia. Application no. 38010/05. Judgement of 31 May 2016.

117. Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary [GC]. Application no. 18030/11. Judgement of 8 November 2016.

118. Savva Terentyev v. Russia. Application no. 10692/09. Judgement of 28 August 2018.

119. Bulgakov v. Russia. Application no. 20159/15. Judgment of 23 June 2020.

120. Vladimir Kharitonov v. Russia. Application no. 10795/14. Judgment of 23 June 2020.

121. Selahattin Demirtaş v. Turkey (no. 2) [GC]. Application no. 14305/17. Judgement of 22 December 2020.

122. Sanchez v. France. Application no. 45581/15. Judgment of 2 September 2021.

123. Sanchez v. France [GC]. Application no. 45581/15. Judgement of 15 May 2023.

Суд Европейского Союза (Европейский суд справедливости)

124. Google France SARL v. Louis Vuitton Malletier SA // European Court Reports. 2010. I-02417.

125. L'Oreal SA v. eBay Int'l AG // European Court Reports. 2011. I-106011.

Соединенные Штаты Америки

126. Herndon v. Lowry, 301 U.S. 242 (1937).

127. Hague v. Committee for Industrial Organization, 307 U.S. 496 (1939).

128. *Cantwell v. Connecticut*, 310 U.S. 296 (1940).
129. *Taylor v. Mississippi*, 319 U.S. 583 (1943).
130. *Wieman v. Updegraff*, 344 U.S. 183, 195 (1952).
131. *Farmers Educ. & Co-op. Union v. WDAY, Inc.*, 360 U.S. 525 (1959)
132. *Smith v. California*, 361 U.S. 147 (1959).
133. *Shelton v. Tucker*, 364 U.S. 479 (1960).
134. *Communist Party of the United States v. Subversive Activities Control Bd.*, 367 U.S. 1, 90 (1961).
135. *Bantam Books, Inc. v. Sullivan*, 372 U.S. 58 (1963).
136. *NAACP v. Button*, 371 U.S. 415, 486 (1963).
137. *Gibson v. Florida Legislative Investigation Comm.*, 372 U. S. 556, 557 (1963).
138. *New York Times Co. v. Sullivan*, 376 U.S. 254 (1964).
139. *Dombrowski v. Pfister*, 380 U.S. 479 (1965).
140. *Walker v. City of Birmingham*, 388 U.S. 307 (1967).
141. *Coates v. City of Cincinnati*, 402 U.S. 611 (1971).
142. *Lloyd Corp. v. Tanner*, 407 U.S. 551 (1972).
143. *Grayned v. City of Rockford*, 408 U.S. 104 (1972).
144. *Columbia Broadcasting System v. Democratic National Committee*, 412 U.S. 94 (1973).
145. *Gertz v. Robert Welch, Inc.*, 418 U.S. 323 (1974).
146. *Jackson v. Metro. Edison Co.*, 419 U.S. 345 (1974).
147. *Southeastern Promotions, Ltd. v. Conrad*, 420 U.S. 546 (1975).
148. *Greer v. Spock*, 424 U.S. 828 (1976).
149. *Pruneyard Shopping Center v. Robins*, 447 U.S. 74 (1980).
150. *Blum v. Yaretsky*, 457 U.S. 991 (1982).
151. *Lugar v. Edmondson Oil Co.*, 457 U.S. 922 (1982).
152. *Perry Education Association v. Perry Local Educators' Association*, 460 U.S. 37 (1983).

153. *International Soc. for Krishna Consciousness, Inc. v. Lee*, 505 U. S. 672, 678 (1992).
154. *Reno v. American Civil Liberties Union*, 521 U.S.844 (1997).
- 155.
156. *United States v. Stevens*, 559 U.S. 460 (2010).
157. *Riley v. California*, 573 U.S. 373 (2014).
158. *Packingham v. North Carolina*, 582 U.S. 98 (2017).
159. *United States Supreme Court. Malwarebytes, Inc. v. Enigma Software Group USA, LLC*, 592 U. S. ____ (2020).
160. *Biden v. Knight First Amendment Institute at Columbia University*, 593 U.S. 1220 (2021).
161. *Gonzalez v. Google LLC*, 598 U.S. ____ (2023).
162. *Twitter, Inc. v. Taamneh*, 598 U.S. ____ (2023).
163. *Lindke v. Freed*. 601 U. S. ____ (2024).
164. *Murthy v. Missouri*, 603 U.S. ____ (2024).
165. *NetChoice v. Paxton*, No. 22-555.
166. *Moody v. NetChoice*, No. 22-277.
167. *Cubby, Inc. v. CompuServe Inc.*, 776 F. Supp. 135 (S.D.N.Y. 1991).
168. *Stratton Oakmont, Inc. v. Prodigy Services Co.*, 23 Media L. Rep. 1794 (N.Y. Sup. Ct. 1995).
169. *Carpenter v. United States*, 585 U.S. 296, 138 S.Ct. 2206 (2018)
170. *Trump v. Twitter Inc.*, 602 F. Supp. 3d 1213 (N.D. Cal. 2022).
171. *Zeran v. America Online*, 129 F.3d 327 (4th Cir. 1997).
172. *Batzel v. Smith*, 333 F.3d 1018, 1020-21 (9th Cir. 2003).
173. *Fair Hous. Council of San Fernando Valley v. Roommates.com, LLC*, 521 F.3d 1157 (9th Cir. 2008) (en banc).
174. *FTC v. Accusearch Inc.*, 570 F.3d 1187 (10th Cir. 2009).
175. *Force v. Facebook, Inc.*, 934 F.3d 53, 68 (2d Cir. 2019).

176. Knight First Amdt. Inst. at Columbia Univ. v. Trump, 928 F. 3d 226 (2d Cir. 2019).

177. NetChoice v. Moody, 34 F.4th 1196 (11th Cir. 2022).

178. NetChoice v. Paxton, 49 F.4th 439 (5th Cir. 2022).

Федеративная Республика Германия

179. Lüth Case, 7 BVerfGE 198 (1958).

Республика Польша

180. Judgment of the Constitutional Tribunal of 28.11.2007, Ref. No. K 39/07.

Республика Южная Корея

181. Дело об импичменте Президента Но Му Хена (Roh Moo-hyun). Конституционный Суд Южной Кореи, 14 мая 2004, 16-1 КССР 609, 2004Hun-Na1.

Литература

Монографии, учебно-методическая литература

182. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. Пособие: в 2 т. - 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2019. – 864 с.

183. Бачило И.Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное ; Институт государства и права РАН. – М. : Юркомпани, 2012. – 280 с.

184. Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. — М. : Институт права и публичной политики, 2010. — 235 с.

185. Воеводин Л.Д. Свобода личности и правовое положение граждан в советском общенародном государстве. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1963. — 48 с.

186. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму : ключевые конституционно-правовые проблемы / С.А. Авакьян, О.И. Баженова, О.А. Ежукова и др. — М. : Юридический Дом "Юстицинформ", 2015. — 652 с.

187. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. Судебная практика с 1960 г. по 2002 г. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 1072 с.

188. Дедов Д.И. Методология права 2.0. — М. : Дело, 2023. — 750 с.

189. Иванова К.А., Немчинова Е.В. Реализация права на свободу слова в интернет-пространстве. М. : Издательство Проспект, 2019. — 126 с.

190. Интернационализация конституционного права: современные тенденции / И.А. Алебастрова, Н.В. Варламова, Т.А. Васильева [и др.]. — Москва : Институт государства и права РАН, 2017. — 224 с.

191. Кененова И.П., Троицкая А.А., Шустров Д.Г. Сравнительное конституционное право в доктрине и судебных решениях. Учеб. пособие. М.: КРАСАНД, 2015. — 720 с.

192. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. — 1008 с.

193. Конституционное право. Общая часть / Под ред. Н.А. Богдановой, А.А. Троицкой: В двух книгах. М.: Зерцало-М, 2022. Книга вторая. — 364 с.

194. Конституция и права человека: современная доктрина и практика / И. А. Алешкова, П. Н. Андреева, О. С. Белослудцев [и др.]. – М. : Институт государства и права РАН, 2021. – 400 с.

195. Луман Н. Медиа коммуникации. М. : Издательство «Логос», 2005. – 280 с.

196. Мархгейм М.В., Новикова А.Е., Тульнев М.А. Конституционно-правовые траектории гарантирования свободы массовой информации. – М. : Издательский дом "Юр-ВАК", 2022. – 195 с.

197. Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 640 с.

198. Медушевский А.Н. Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка. М.: DirectMEDIA, 2023. – 690 с.

199. Некоммерческие организации в международном и национальном праве / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева, А. Я. Капустин [и др.], под ред. Т.Я. Хабриевой, С.В. Чиркина. — М. : Юридическое издательство "Норма", 2017. – 304 с.

200. Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / С. А. Авакьян, М. В. Антонов, Н. В. Варламова [и др.]. – М. : Институт государства и права РАН, 2023. – 560 с.

201. Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской Конвенции. Учебное пособие для вузов / Экштайн К. - М.: Nota Bene, 2004. – 494 с.

202. Права человека : учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. – 2-е изд., перераб. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 560 с.

203. Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации : Научно-практическое пособие / Н.С. Волкова,

А.С. Емельянов, А.А. Ефремов [и др.]. – М. : Общество с ограниченной ответственностью «Инфотропик Медиа», 2023. – 244 с.

204. Права человека: между прошлым и будущим / А.В. Алексенко, Н.В. Варламова, Т.А. Васильева [и др.]. – М. : Юридическое издательство "Норма", 2021. – 448 с.

205. Права человека: проблемы и перспективы. М., 1990. – 153 с.

206. Право цифровой среды: монография / Абдрахманов Д.В., Ападхай Нитиш, Аюшеева И.З. [и др.] ; под ред. Т.П. Пошивалова [и др.]. – Москва : Проспект, 2022. – 896 с.

207. Середина В.Н., Середина М.Ю. Защита прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2013. – 252 с.

208. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика / П.П. Серков, В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев [и др.]. – Москва : Юридическое издательство "Норма"; Инфра-м, 2020. – 344 с.

209. Талапина Э.В., Антопольский А.А., Монахов В.Н. Права человека в эпоху интернета. Публично-правовой аспект : монография / отв. ред. Э. В. Талапина. - Москва : Проспект, 2021. – 144 с.

210. Теория государства и права : Учебник / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М. : Спарк, 1998. – 448 с.

211. Теория государства и права. Учебник для высших учебных заведений /В.Н. Хропанюк ; под ред. В.Г. Стрекозова - М.: Издательство «Интерстиль», «Омега-Л». 2008. – 323 с.

212. Толковый словарь конституционных терминов и понятий / под ред. М. А. Краснова, В. А. Кряжкова. – М. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 108 с.

213. Тоффлер Э. Третья волна – М. : АСТ - 795 с.

214. Трансформация прав человека в современном мире / Н.В. Варламова, Т.А. Васильева, Н.А. Воронина [и др.]. – Москва : Юридическое издательство "Норма", 2018. – 256 с.

215. Фарбер И.Е., Миронов О.О., Кабышев В.Т. Советское государственное право: Монография. Саратов: Саратовский ун-т, 1979. – 324 с.
216. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 2018. – 416 с.
217. Шаблинский И.Г. Политическое лидерство: Триумфы в публичной политике: в рамках права и вне их : Учебное пособие. — М. : Институт права и публичной политики, 2012. — 136 с.
218. Bayer J. et. al. (eds.) Perspectives on Platform Regulation. Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG., 2021.
219. Bradford A. Digital empires: The global battle to regulate technology. New York : Oxford University Press, 2023.
220. Bradford A. The Brussels effect: How the European Union rules the world. New York : Oxford University Press, 2020.
221. Cusumano M.A., Gawer A., Yoffie D.B. The Business of Platforms : Strategy in the Age of Digital Competition, Innovation, and Power. First edition. New York, NY: Harper Business, 2019.
222. De Gregorio G. Digital Constitutionalism in Europe: Reframing Rights and Powers in the Algorithmic Society. Cambridge : Cambridge University Press, 2022.
223. Digital Platform Regulation: Global Perspectives on Internet Governance. Cham: Springer International Publishing, 2022.
224. Edwards L. (Ed.). The new legal framework for e-commerce in Europe. London : Bloomsbury Publishing, 2005.
225. Kosseff J. The Twenty-Six Words That Created the Internet. Ithaca : Cornell University Press, 2019.
226. Lehdonvirta V. Cloud empires: How digital platforms are overtaking the state and how we can regain control. Cambridge, US : MIT Press, 2022.
227. Müller A. States, Human Rights, and Distant Strangers. Oxon : Routledge, 2024.

228. Parpworth N. Constitutional and administrative law. Oxford : Oxford University Press, 2018.

229. Posner R. An Affair of State: The investigation, impeachment, and trial of President Clinton. Cambridge : Harvard University Press, 1999.

230. Shapiro C., Varian H. Information rules: a strategic guide to the network economy. Boston : Harvard Business School Press, 1999.

231. Sorabji R. Freedom of Speech and Expression: Its History, Its Value, Its Good Use, and Its Misuse. United Kingdom : Oxford University Press, 2021.

232. Srnicek N. Platform Capitalism. Newark: Polity Press, 2016.

233. Stjernfelt F., Lauritzen A.M. Your post has been removed: Tech giants and freedom of speech. Springer Nature, 2020.

234. The Oxford Handbook of Freedom of Speech / ed. by A. Stone, F. Schauer. Oxford : Oxford University Press, 2021.

235. The Oxford Handbook of International Human Rights Law / ed. by D. Shelton. Oxford : Oxford University Press, 2013.

236. Weber M. Economy and Society. Berkeley : University of California Press, 1978.

237. Wilks S. The Political Power of the Business Corporation. Cheltenham : Edward Elgar Pub. Ltd., 2013.

238. Zuboff S. The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power. New York : PublicAffairs, 2018.

Публикации в периодических изданиях и сборниках конференций

239. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.

240. Авакьян С.А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 3–6.

241. Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 3–7.

242. Авакьян С.А. Проблемы обеспечения конституционных публично-политических прав и свобод граждан Российской Федерации: новые реальности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 1. С. 3–34.

243. Авакьян С.А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. № 6. С. 3–22.

244. Авакьян С.А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 12–20.

245. Аверин А.В., Погодина И.В., Авдеев Д.А. Имидж органа власти в цифровой среде как фактор привлекательности госслужбы // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 5. С. 42–45.

246. Аверин А.В., Погодина И.В., Авдеев Д.А. Органы государственной и муниципальной власти в социальных сетях: цели присутствия // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 6. С. 7–10.

247. Аминов И.И. Этика российского парламентария как предмет нормативно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 47–54.

248. Богданова Н.А. Современный каталог основных прав человека: международный и национальный пути наполнения // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 1. С. 41–57.

249. Богуш Г.И., Кудинова О.Ф. Управа на Facebook: социальные сети в свете нарушений прав человека // Международное правосудие. 2020. № 4(36). С. 59–76.

250. Большаков Л.М. Значение конституционной свободы слова для реализации прав и свобод человека, развития гражданского общества и правового государства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 4. С. 62–67.

251. Брикульский И.А. Предвыборная агитация в социальных сетях: проблемы правового регулирования // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 38. № 3. С. 61–81.

252. Булгаков А.Э. Политические лидеры в социальных сетях: прозрачность ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 32–40.

253. Булгаков А.Э. Прозрачность участия некоммерческих организаций в модерации контента цифрового пространства // Законодательство. 2023. № 12. С. 36–43.

254. Булгаков А.Э. Теневое блокирование контента в социальных сетях как угроза свободе выражения мнения // Юрист. 2024. № 5. С. 38–43.

255. Булгаков А.Э. Доктрина охлаждающего эффекта как универсальный инструмент защиты прав // Государственная власть и местное самоуправление. № 5. 2024. С. 18–22.

256. Варламова Н.В. Государство в условиях глобализации: переосмысление понятия // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 91–104.

257. Варламова Н.В. Универсальные стандарты в области прав человека как основа конституционализации международного права // Международные пакты о правах человека: ценностные характеристики : материалы международной научно-практической конференции, Москва, 18

октября 2016 года. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2016. – С. 34–44.

258. Варламова Н.В. Открытый характер прав человека: особенности позитивации и проблемы интерпретации // Российская юстиция. 2021. № 4. С. 48–55.

259. Варламова Н.В. Права человека и "юриспруденция ценностей" // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 6(151). С. 11–45.

260. Варламова Н.В. Цифровые права - новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 4. С. 9–46.

261. Геращенко А.И. Публичная фигура и право на частную жизнь в эпоху цифровизации // Международное правосудие. 2021. № 4(40). С. 77–95.

262. Васильева С.В. Саморегулирование и самоорганизация в системе демократии: внутри права, по ту сторону права или параллельно ему? // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 5(72). С. 39–51.

263. Васильева Т.А. Информационные технологии как инструмент демократизации парламентской деятельности: латиноамериканская практика // Государство и право. 2023. № 8. С. 142–153.

264. Васильева Т.А. Конституционные реформы в цифровую эпоху: опыт Исландии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83). С. 55–62.

265. Галузо В.Н., Канафин Н.А. Цифровое право в Российской Федерации: нонсенс или реальность? // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8(164). С. 118–125.

266. Головкин Р.Б., Амосова О.С. "Цифровые права" и "цифровое право" в механизмах цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2(51). С. 163–166.

267. Дедов Д.И. Публичная власть как объект конституционно-правовых исследований // Обеспечение прав человека в осуществлении публичной власти в современных условиях: проблемы и решения, М. : ИГП РАН, 2023. С. 173–177.

268. Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. №2. С. 112–129.

269. Должиков А. Стакан наполовину полон или пуст? Вмешательство как форма ограничения конституционных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1 (122). С. 80–112.

270. Должиков А.В. Влияние конституционных прав на российскую правовую систему // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 6(91). С. 109–120.

271. Емелин М.Ю. Некоторые вопросы предвыборной агитации в социальных сетях // Региональные особенности рыночных социально-экономических систем (структур) и их правовое обеспечение : материалы XIV-й научно-практической конференции с элементами научной школы для молодых учёных (с международным участием), Пенза, 15 февраля 2023 года. – М. : Московский университет им. С.Ю. Витте, 2023. С. 7–13.

272. Жарова А.К. Технологии фильтрации контента в целях предотвращения преступлений, совершенных с использованием Интернета // Российский судья. 2023. № 6. С. 49–54.

273. Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6 С. 7–19.

274. Иванов А.А. Цифровая этика и право // Закон. 2021. № 4. С. 67–73.

275. Иванов С.В. Понятие и сущность конституционно-правовых гарантий // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2(47). С. 68–74.

276. Иванова К.А. Ограничения свободы слова во Франции в эпоху цифровых технологий // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 1. С. 15–23.

277. Иванова К.А. Онлайн-операторы как субъекты реализации права граждан на свободу доступа к информации и права на свободу мнения в сети Интернет // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 40–42.

278. Иванова К.А. Трансформация права граждан на свободу мнения в сети Интернет // Юридическое образование и наука. 2018. № 4. С. 43–47.

279. Канунникова Н.Г. Государственное управление в условиях цифровизации: зарубежный опыт, проблемы и перспективы развития // Административное право и процесс. 2023. № 6. С. 38–40.

280. Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии // Государство и право. 2010. № 7. С. 37–45.

281. Кененова И. Конституционализм и политическое лидерство в странах Центральной и Восточной Европы: проблемы и перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5 (126). С. 11–41

282. Кененова И. Трудно ли элитам применить закон к себе? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1 (116). С. 15–36.

283. Киняшева Ю.Б. Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 3–10.

284. Ковлер А.И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 12. С. 5–29.

285. Ковлер А.И. Цифровые права человека: опыт антропологического анализа // Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / С. А. Авакьян, М. В. Антонов, Н. В. Варламова [и др.]. – Москва : Институт государства и права РАН, 2023. – 560 с.

286. Комбарова Е.В. Транспарентность органов публичной власти в условиях информационного общества России // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 15–18.

287. Кондрашев А.А. Институт конституционно-правовой ответственности в предмете конституционного права: грани соотношения // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10(95). С. 184–195.

288. Кульнев А. Свобода выражения мнения: обзор основных теорий // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 2(129). С. 92–104.

289. Кульнев А.С. Криминализация клеветы: необходимость или угроза? // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4 (113). С. 68–69.

290. Курюкин А.Н. Права человека в новой социальной реальности Индустрии 4.0 // Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / С. А. Авакьян, М. В. Антонов, Н. В. Варламова [и др.]. – Москва : Институт государства и права РАН, 2023. – 560 с.

291. Лекторский В.А. Права человека в контексте глобализации // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов, Москва, 02–03 декабря 2008 года. – Москва: Институт государства и права РАН, 2009. – С. 43–52.

292. Лукашева Е.А. Права человека и процессы трансформации в современном мире // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3. С. 129–149.

293. Луценко С.И., Дедов Д.И. Социально значимая цель закона и пропорциональность вмешательства органов власти // Современное право. 2021. № 9. С. 16–26.

294. Ляшенко Т.Т. Конституционные гарантии прав и свобод личности как элемент правового государства // Социология и право. 2012. № 1(12). С. 105–110.

295. Петрин И.В., Авдеев Д.А. Открытость информации в деятельности государственных органов // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 1. С. 23–27.

296. Подшивалов В.Е. Предвыборная агитация в социальных сетях и иных средствах персональной интернет-коммуникации *de lege ferenda* // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 3. С. 28–32.

297. Романовский В.Г. Права человека и глобальные сети в условиях нарастания террористических угроз // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 47–51.

298. Румянцев А. Немецкий закон о социальных сетях: нормативное закрепление технологического отставания // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 3(130). С. 27–53.

299. Румянцев А. Обособление «цифровых» прав: новые технологии, новые возможности, новые ограничения // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 6 (145). С. 70–105.

300. Румянцев А.Г. Алгоритмы приходят на смену медиамагнатам: Как сетевые платформы влияют на коммуникацию в обществе и право // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6 (115). С. 49–69.

301. Салихов Д.Р. Использование информационных технологий в рамках процесса модернизации российских политических институтов: правовые условия, приемлемые способы, вызовы и риски // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 18–26.

302. Сивицкий В.А. Принцип системности законодательства и его влияние на использование в федеральных законах принципов регулирования отношений в конкретных сферах // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 305–307.

303. Скокова А.Н. Особенности предоставления информации о деятельности органов публичной власти посредством социальных сетей:

реализация федерального закона о госпабликах // Современный ученый. 2023. № 5. С. 348–353.

304. Соболева А. Дело Sanchez v. France: защита от разжигания вражды или очередной шаг ЕСПЧ на пути к ограничениям свободы слова в Интернете? // Международное правосудие. 2021. № 4(40). С. 3–18.

305. Совик Ю.И. Законодательное регулирование "фейк-ньюс" в России: в авангарде борьбы за информационную чистоту // Юрист. 2023. № 7. С. 63–67.

306. Совик Ю.И. Ограничение распространения недостоверной общественно значимой информации: опыт европейских государств // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 72–80.

307. Совик Ю.И. Роль социальных сетей в борьбе с политической дезинформацией: соучастники ли? // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 9. С. 42–46.

308. Солдаткина О.Л. Цифровое право: особенности цифровой среды и субъекты // Государство и право. 2019. № 12. С. 113–123.

309. Сучкова М. Делфи АС (Delfi as) против Эстонии: развитие дискуссии об ответственности за оскорбительные высказывания на интернет-порталах // Международное правосудие. 2015. № 3(15). С. 19–26.

310. Талапина Э.В. Автоматизированное принятие решений в государственном управлении: теоретический разбор возможностей // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 60–73.

311. Талапина Э.В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 9. С. 18–32.

312. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 3. С. 122–146.

313. Троицкая А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика

Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2(105). С. 45–69.

314. Троицкая А.А. Основные права: происхождение, юридическая природа и пределы защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1(92). С. 65–81.

315. Троицкая А.А. Пределы и ограничения основных прав личности: проблемы соотношения понятий // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2007. № 3. С. 99–113.

316. Троицкая А.А., Храмова Т.М. Использование органами конституционного контроля зарубежного опыта // Государство и право. 2016. № 8. С. 5–22.

317. Уитц Р. Конституционные практики в эпоху «после свободы» // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 6 (145). С. 34–69.

318. Умнова-Конюхова И.А. Тридцать лет Конституции Российской Федерации сквозь призму мирового опыта конституционного развития: настоящее и образ будущего // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал (Информационно-аналитический журнал). 2023. № 4. С. 7–25.

319. Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А., Лезьер В.А. Правовые режимы и допустимые пределы ограничения прав и свобод : сравнительный анализ законодательства России и Франции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2022. № 1. С. 135–152.

320. Умнова-Конюхова И.А. Принципы конституционного права в XXI столетии: оценка и прогнозы развития в научных школах генерологии права, правовой и конституционной футурологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 1. С. 15–28.

321. Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Права человека и этика в условиях развития информационных цифровых технологий и биоинженерии // Государство и право. 2021. № 9. С. 75–89.

322. Филатова О.Г. Главы субъектов РФ в блогах и социальных сетях: тренды коммуникаций начала 2010-х и 2020-х гг // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. № 2. С. 26–41.

323. Филатова О.Г., Чугунов А.В. Развитие экосистемы электронного участия в России в начале 2020-х: роль социальных медиа и центров управления регионами // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. № 2. С. 120–137.

324. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1(253). С. 85–102.

325. Храмова Т.М. Свободы слова и собраний в интерпретации экономической теории // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5(96). С. 85–94.

326. Чумаченко З.М. Особенности правового регулирования деятельности социальных сетей в США // Международное публичное и частное право. 2022. № 5. С. 42–45.

327. Шаблинский И. Проблемы свободы слова и массовой информации в решениях конституционных судов // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2. С. 158–162.

328. Шаблинский И.Г. Блокировка интернет-ресурсов: судебная практика // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 37. № 1-2. С. 99–115.

329. Шаблинский И.Г. О некоторых новых информационных технологиях в контексте защиты прав человека // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 39. № 4. С. 8–14.

330. Шаблинский И.Г. Свобода выражения мнений и уважение частной жизни в контексте развития новых информационных технологий: судебная практика ЕСПЧ и национальных судов // Международное правосудие. 2021. № 3(39). С. 141–156.

331. Шаблинский И.Г. Судебная власть и политический режим в России: некоторые аспекты взаимодействия // Труды по Россиеведению. 2014. № 5. С. 294–302.

332. Шатилина А.С. Права человека в Интернете: проблема признания права на доступ к Интернету // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 1. С. 38–45.

333. Шайо А. Обоснование свободы слова в киберпространстве: новые вызовы // Международное правосудие. 2021. № 4(40). С. 39–56.

334. Шевердяев С.Н. Потенциал средств массовой информации как института общественного антикоррупционного контроля // Журнал российского права. 2017. № 9(249). С. 142–150.

335. Яшина А.А. Международные принципы поведения судей в социальных сетях // Российский судья. 2021. № 10. С. 40–44.

336. Allcott H., Gentzkow M. Social media and fake news in the 2016 election // Journal of economic perspectives. Vol. 31. No. 2. 2017. P. 211–236.

337. Appelman N., Leerssen P. On “Trusted” Flaggers // Yale Journal of Law & Technology. Vol. 24. 2022. P. 468.

338. Ardito A. Social Media, Administrative Agencies, and The First Amendment // Administrative Law Review. Vol. 65. No. 2. 2013. P. 301–386.

339. Armijo E. Reasonableness as Censorship: Section 230 Reform, Content Moderation, and the First Amendment // Florida Law Review. Vol. 73. 2021. P. 1199–1236.

340. Balkin J. How to Regulate (and Not Regulate) Social Media // Journal of Free Speech Law. Vol. 1. 2021. No. 1. P. 71–96.

341. Balkin J.M. The future of free expression in a digital age // Pepperdine Law Review. Vol. 36. Iss. 2. 2008. P. 427–444.

342. Balkin J.M. To Reform Social Media, Reform Informational Capitalism // Bollinger L.C., & Stone G.R. (Eds.). Social media, freedom of speech, and the future of our democracy. New York : Oxford University Press, 2022. P. 233–254.

343. Baumbach T. Chilling Effect as a European Court of Human Rights' Concept in Media Law Cases // *Bergen Journal of Criminal Law & Criminal Justice*. Vol. 6. No. 1. 2018. P. 92–114.

344. Belli L., Venturini J. Private Ordering and the Rise of Terms of Service as Cyber-Regulation // *Internet Policy Review*. Vol. 5. No. 4. 2016. P. 1–17.

345. Bloch-Wehba H. Global platform governance: private power in the shadow of the state // *The Texas A&M Law Review*. Vol. 72. No. 1. 2019. P. 27–80.

346. Blocher J. Viewpoint Neutrality and Government Speech // *Boston College Law Review*. Vol. 52. 2011. P. 695–767.

347. Bostoen F. Understanding the Digital Markets Act // *The Antitrust Bulletin*. Vol. 68. No. 2. 2023. P. 263–306.

348. Broersma M., Graham T. Social Media as Beat: Tweets as news source during the 2010 British and Dutch elections // *Journalism Practice*. Vol. 6. No. 3. 2012. P. 403–419.

349. Buiten M. The Digital Services Act: From Intermediary Liability to Platform Regulation // *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law*. Vol. 12. No. 5. 2021. P. 361–380.

350. Buiten M.C., De Streel A., Peitz M. Rethinking liability rules for online hosting platforms // *International Journal of Law and Information Technology*. Vol. 28. Iss. 2. 2020. P. 139–166.

351. Castets-Renard C. Algorithmic content moderation on social media in EU law: Illusion of perfect enforcement // *The Illinois Journal of Law, Technology & Policy*. Vol. 2020 Iss. 2. 2020. P. 283–324.

352. Chiarella M. Digital Markets Act (DMA) and Digital Services Act (DSA): New Rules for the EU Digital Environment // *Athens Journal of Law*. Vol. 9. No. 1. 2023. P. 33–58.

353. Chybalski P. "Chilling Effect" in the Judicial Decisions of the Polish Constitutional Tribunal as an Example of Legal Transplant // *Review of European and Comparative Law*. Vol. 48. No. 1. 2022. P. 209–234.

354. Corbin C.M. Government Speech and First Amendment Capture // Virginia Law Review Online. Vol. 107. 2021. P. 224–245.

355. Cotter K. “Shadowbanning is not a thing”: black box gaslighting and the power to independently know and credibly critique algorithms // Information, Communication & Society. Vol. 26. No. 6. 2023. P. 1226–1243.

356. Cusumano M.A., Gawer A., Yoffie D.B. Can self-regulation save digital platforms? // Industrial and Corporate Change. Vol. 30. Iss. 5. 2021. P. 1259–1285.

357. Dalton-Hoffman M. The Effect of Social Media in the 2012 Presidential Election // The First-Year Papers (2010 - present). Trinity publications, 2012. URL: https://digitalrepository.trincoll.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1035&context=fy_papers (дата обращения: 01.01.2024).

358. De Vries L., Gensler S., Leeftang P.S. Popularity of brand posts on brand fan pages: An investigation of the effects of social media marketing // Journal of interactive marketing. Vol. 26. 2012. No. 2. P. 83–91.

359. Dedov D. The Russian perspective on human rights protection online // Human Rights, Digital Society and the Law. Routledge. 2019. P. 384–396.

360. Douek E. Facebook's oversight board: Move fast with stable infrastructure and humility // North Carolina Journal of Law & Technology. Vol. 21. Iss. 1. URL: <https://scholarship.law.unc.edu/ncjolt/vol21/iss1/2> (дата обращения: 30.09.2023).

361. Edward L. The Oversight Board’s Dormant Power to Review Facebook’s Algorithms // Yale Journal on Regulation Bulletin. Vol. 23. No. 1. URL: <https://www.yalejreg.com/bulletin/the-oversight-boards-dormant-power-to-review-facebooks-algorithms/> (дата обращения: 30.09.2023).

362. Fagundes D. State Actors as First Amendment Speakers // Northwestern University Law Review. Vol. 100. 2006. P. 1637-1704.

363. Fukuyama F., Grotto, A. Comparative Media Regulation in the United States and Europe // N. Persily, J. Tucker (Eds.), Social Media and Democracy: The

State of the Field, Prospects for Reform. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. P. 199–219.

364. Gey S.G. Why should the First Amendment protect Government speech when the Government has nothing to say // Iowa Law Review. Vol 95. 2009. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1544635 (дата обращения: 30.09.2023).

365. Goldman E. The complicated story of FOSTA and section 230 // First Amendment Law Review. Vol. 17. P. 279–293.

366. Goldman E. Why Section 230 is better than the First Amendment // Notre Dame Law Review Reflection. Vol. 95. Iss. 1. 2019. P. 33–46.

367. Greene A.S. Government of the Good // Vanderbilt Law Review. Vol. 53. No. 1. 2000. P. 1–70.

368. Hughes K. The Public Figure Doctrine and the Right to Privacy // The Cambridge Law Journal. Vol. 78. Iss. 1. 2019. P. 70–99.

369. Husovec M. Certification of Out-of-court Dispute Settlement Bodies under the Digital Services Act. URL: <https://ssrn.com/abstract=4501726> (дата обращения: 30.09.2023).

370. Ibrahim Y. Facebook and the Napalm Girl: Reframing the Iconic as Pornographic. Social Media + Society. Vol. 3. No. 4. 2017. URL: <https://doi.org/10.1177/2056305117743140> (дата обращения: 18.04.2024).

371. Jaidka K., et al. Silenced on social media: the gatekeeping functions of shadowbans in the American Twitterverse // Journal of Communication. Vol. 73. No. 2. 2023. P. 163–178.

372. Kalven H. The Concept of the Public Forum: Cox v. Louisiana // Supreme Court Review. Vol. 1. 1965. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=13342&context=journal_articles (дата обращения: 30.09.2023).

373. Kamenshine R.D. The First Amendment's Implied Political Establishment Clause // California Law Review. Vol 67. 1979. P. 1104–1153.

374. Kang M., Eisler J. Rethinking the Government Speech Doctrine, Post-Trump // University of Illinois Law Review. Vol. 2022. 2022. No. 5. C. 1943–1970.

375. Kenney M., Zysman J. The rise of the platform economy // Issues in science and technology. Vol. 32. No. 3. P. 61–69.

376. Kim N.S. Beyond Section 230 Liability for Facebook // St. John's Law Review. Vol. 96. No. 2. 2022. P. 353–394.

377. Klonick K. The Facebook Oversight Board: Creating an Independent Institution to Adjudicate Online Free Expression // Yale Law Journal. Vol. 129. 2020. No. 2418. P. 2418–2499.

378. Kos K. Evolution or Entropy of the Concept of Chilling Effect? – Polish Perspective // Teisė. Vol. 110. 2019. P. 168–177.

379. Kosseff J. A User's Guide to Section 230, and a Legislator's Guide to Amending It (or Not) // Berkeley Technology Law Journal. Vol. 37. 2022. P. 757–801.

380. Kosseff J. The Gradual Erosion of the Law That Shaped the Internet: Section 230's Evolution Over Two Decades // Columbia Science and Technology Law Review. Vol. 18. No. 1. 2017. P. 1–42.

381. Kosseff J. What Was the Purpose of Section 230? That's a Tough Question, a Response to Danielle Citron's How to Fix Section 230 Boston University Law Review. Forthcoming. 2023. URL: <https://ssrn.com/abstract=43882166> (дата обращения: 30.09.2023).

382. Kristian P.H. International law, surveillance and the protection of privacy // The International Journal of Human Rights. Vol. 25. No. 1. P. 1–25.

383. Krygier M. The Ideal of the Rule of Law and Private Power. URL: <https://democracyinstitute.ceu.edu/articles/ideal-rule-law-and-private-power> (дата обращения: 30.09.2023).

384. Larouche P., De Streef A. The European digital markets act: A revolution grounded on traditions. *Journal of European Competition Law & Practice*. Vol. 12. No. 7. 2021. P. 542–560.

385. Le Merrer E., Morgan B., Trédan G. Setting the record straighter on shadow banning. // *IEEE INFOCOM 2021-IEEE Conference on Computer Communications*. May 2021. URL: <https://arxiv.org/pdf/2012.05101.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

386. Lee Y. Law, politics, and impeachment: The impeachment of Roh Moo-hyun from a comparative constitutional perspective // *The American Journal of Comparative Law*. 2005. Vol. 53. №. 2. P. 403-432.

387. Leerssen P. An End to Shadow Banning? Transparency rights in the Digital Services Act between content moderation and curation // *Computer Law & Security Review*. Vol. 48. 2023. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0267364923000018?via%3Dihub> (дата обращения: 30.09.2023).

388. McKechnie D.B. Government Tweets, Government Speech: The First Amendment Implications of Government Trolling // *Seattle University Law Review*. Vol. 44. 2020. P. 69–103.

389. Mena P. Cleaning up social media: The effect of warning labels on likelihood of sharing false news on Facebook // *Policy & internet*. Vol. 12. No. 2. 2020. P.165–183.

390. Morrow G., et al. The emerging science of content labeling: Contextualizing social media content moderation // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. Vol. 73. No. 10. P. 1365–1386.

391. Note: Section 230 as First Amendment Rule // *Harvard Law Review*. Vol. 131. Iss. 7. 2018. P. 2027–2048.

392. Note: The Chilling Effect in Constitutional Law // *Columbia Law Review*. Vol. 69. No. 5. 1969. P. 832–840.

393. Nourooz Pour H. Transitional justice and online social platforms: Facebook and the Rohingya genocide // *International Journal of Law and Information Technology*. Vol. 31. No. 2. 2023. P. 95–113.

394. Pollicino O., De Gregorio G., Bassini M. Trump's Indefinite Ban: Shifting the Facebook Oversight Board away from the First Amendment Doctrine. URL: <https://verfassungsblog.de/fob-trump-2/> (дата обращения: 30.09.2023).

395. Price M.E., Price J.M. Building Legitimacy in the Absence of the State: Reflections on the Facebook Oversight Board // *International Journal of Communication*. Vol. 17. 2023. P. 3315–3365.

396. Quintais J., Schwemer S. The Interplay between the Digital Services Act and Sector Regulation: How Special Is Copyright? // *European Journal of Risk Regulation*. Vol. 13. No. 2. 2022. P. 191–217.

397. Savolainen L. The shadow banning controversy: perceived governance and algorithmic folklore // *Media, Culture & Society*. Vol. 44. No. 6. 2022. P. 1105–1106.

398. Schauer F. Fear, risk and the first amendment: Unraveling the chilling effect // *Boston University Law Review*. Vol. 58. 1978. P. 685–732.

399. Schwemer S. Trusted notifiers and the privatization of online enforcement // *Computer Law & Security Review*. Vol. 35. No. 6. 2019. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/288817963.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

400. Scott J. Social media and government surveillance: The case for better privacy protections for our newest public space // *Journal of Business & Technology Law*. Vol. 12. Iss. 2. 2017. P. 151–164.

401. Shahbaznezhad H., Dolan R., Rashidirad M. The Role of Social Media Content Format and Platform in Users' Engagement Behavior // *Journal of Interactive Marketing*. Vol. 53. No. 1. 2021. P. 47–65.

402. Shankar S. Fourth Amendment Constraints on Automated Surveillance Technology in the Public to Safeguard the Right of an Individual to be "Secure in

Their Person” // Journal of Business & Technology Law. Vol. 18. Iss. 2. 2023. P. 209–249.

403. Sharland A. Focus on Article 10 of the ECHR // Judicial Review. Vol. 14. No. 1. 2009. P. 59–72.

404. Singhal M. et al. SoK: Content Moderation in Social Media, from Guidelines to Enforcement, and Research to Practice // 2023 IEEE 8th European Symposium on Security and Privacy (EuroS&P), Delft, Netherlands, 2023. P. 868–895.

405. Spradling M., Straub J., Strong J. Protection from ‘fake news’: the need for descriptive factual labeling for online content // Future Internet. Vol. 13. No. 6. 2021. URL: <https://www.mdpi.com/1999-5903/13/6/142> (дата обращения: 30.09.2023).

406. Stalla-Bourdillon S. Internet intermediaries as responsible actors? Why it is time to rethink the e-Commerce Directive as well // The Responsibilities of Online Service Providers. Germany: Springer International Publishing, 2017. P. 275–293.

407. Stoycheff E. Under surveillance: Examining Facebook’s spiral of silence effects in the wake of NSA internet monitoring // Journalism & Mass Communication Quarterly. Vol. 93. Iss. 2. 2016. P. 296–311.

408. Theil S. Private Censorship and Structural Dominance: Why Social Media Platforms Should Have Obligations to Their Users Under Freedom of Expression // The Cambridge Law Journal. Vol. 81. No. 3. 2022. P. 645–672.

409. Turillazzi A. et al. The Digital Services Act: an analysis of its ethical, legal, and social implications. Legal, and Social Implications // Law, Innovation and Technology. Vol. 15. No. 1 2023. P. 83–106.

410. Volokh E. How the Justices voted in Free speech cases, 1994–2002 (updating Eugene Volokh, How the Justices Voted in Free Speech Cases, 1994–2000, 48 UCLA L. REV. 1191 (2001) // URL: <https://www2.law.ucla.edu/-volokh/howvoted.htm> (дата обращения: 30.09.2023).

411. Volokh E. Treating Social Media Platforms Like Common Carriers? // *Journal of Free Speech Law*. Vol. 1. 2021. No. 1. P. 377–462.

412. Weinberger L. Frankfurter, Abstention Doctrine, and the Development of Modern Federalism: A History and Three Futures // *University of Chicago Law Review*. Vol. 87. Iss. 7. 2020. P. 1737–1797.

413. Whitehouse S. Section 230 Reforms // Bollinger L.C., & Stone G.R. (Eds.). *Social media, freedom of speech, and the future of our democracy*. New York : Oxford University Press, 2022. P. 103–118.

414. Whitten-Woodring J., et al. Poison If You Don't Know How to Use It: Facebook, Democracy, and Human Rights in Myanmar // *The International Journal of Press/Politics*. Vol. 25. No. 3. 2020. P. 407–425.

415. Wihbey J.P., Kopec M., Sandler R. Informational Quality Labeling on Social Media: In Defense of a Social Epistemological Strategy. *Yale Journal of Law & Technology*. Vol. 23. 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3858906> (дата обращения: 30.09.2023).

416. Wilman F. De Digital Services Act (DSA): een belangrijke stap naar betere regulering van onlinedienstverlening // *Nederlands tijdschrift voor Europees recht*. No. 9-10. 2022. P. 220–232.

417. Wong D., Floridi L. Meta's Oversight Board: A Review and Critical Assessment // *Minds & Machines*. Vol. 33. 2023. P. 261–284.

418. Yanagizawa-Drott D. Propaganda and Conflict: Evidence from the Rwandan Genocide // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 129. Iss. 4. 2014. P. 1947–1994.

419. Youn M. The Chilling Effect and the Problem of Private Action // *Vanderbilt Law Review*. Vol. 66. No. 5. 2013. P. 1471–1539.

420. Douek E. The Meta Oversight Board and the Empty Promise of Legitimacy (September 7, 2023). *Harvard Journal of Law & Technology*, Vol. 37, 2024 Forthcoming. URL: <https://ssrn.com/abstract=4565180> (дата обращения: 30.09.2023).

421. Wong D., Floridi L. Meta's oversight board: a review and critical assessment // *Minds and Machines*. Vol. 33. No. 2. 2023. P. 261–284.

Диссертации, авторефераты диссертаций

422. Абдрахманов Д.В. Конституционно-правовые основы информационного общества в Российской Федерации : автореф. дис. ... к.ю.н. Челябинск, 2022. – 32 с.

423. Азизов Р.Ф. Правовое регулирование в сети интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование : дис. ... д.ю.н. Санкт-Петербург, 2016. – 331 с.

424. Анисимова А.С. Механизм правового регулирования интернет-отношений : проблемы теории и практики : дис. ... к.ю.н. Саратов, 2019. – 222 с.

425. Бабанян С.С. Судебная защита как конституционная гарантия избирательных прав граждан в Российской Федерации : автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2016. – 28 с.

426. Баранова М.В. Право и реклама : общетеоретический аспект : автореф. дис. ... д.ю.н. Нижний Новгород, 2010. – 60 с.

427. Белых С.В. Свобода предпринимательской деятельности как конституционно-правовая категория в Российской Федерации : автореф. дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2004. – 24 с.

428. Волчанская А.Н. Государственные гарантии защиты прав человека в России: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2013. – 26 с.

429. Величинская Ю.Н. Свобода общественного мнения как конституционно-правовая категория : дис. ... к.ю.н. М., 2016. – 214 с.

430. Григорьев И.С. Трансформация институтов судебной власти в процессе консолидации гибридного политического режима : на примере

Конституционного суда Российской Федерации : дисс. ... к.п.н. Санкт-Петербург, 2017. – 242 с.

431. Грудцына Л.Ю. Особенности конституционных гарантий реализации прав человека в России : На примере гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2004. – 24 с.

432. Дубровина М.А. Защита конституционного права на свободу мысли и слова в современной России : автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2007. – 26 с.

433. Зеко Л.Ю. Конституционно-правовое обеспечение права собственности и свободы предпринимательской деятельности : опыт России и Великобритании : автореф. дис. ... к.ю.н. Белгород, 2016. – 23 с.

434. Иванов С.В. Конституционно-правовые гарантии государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации : автореф. дис. ... к.ю.н. Омск, 2018. – 26 с.

435. Кряжкова О.Н. Правовые позиции конституционного суда Российской Федерации: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2004. – 26 с.

436. Максимов А.А. Особенности конституционно-правового регулирования реализации отдельных политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в сети Интернет : дисс. ... к.ю.н. М., 2021. – 233 с.

437. Пащенко И.Ю. Информация как объект публично-правового регулирования в условиях цифровизации : дисс. ... к.ю.н. Краснодар, 2022. – 300 с.

438. Перова Н.А. Конституционно-правовое регулирование свободы слова в Соединенных Штатах Америки и Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии : автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2013. – 24 с.

439. Сустина Т.И. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. – 234 с.

440. Татаринцева Э.А. Реализация права на коммуникацию в информационном обществе : автореф. дисс. ... к.п.н. М., 2009. – 26 с.

441. Троицкая А.А. Конституционно-правовые пределы и ограничения свободы личности и публичной власти : дис. ... к.ю.н. М., 2008. – 228 с.

442. Тульнев М.А. Конституционно-правовые гарантии свободы массовой информации : автореф. дис. ... к.ю.н. Белгород, 2021. – 23 с.

443. Урошлева А.С. Аргументация решений органов конституционного правосудия : основные элементы теории : дис. ... к.ю.н. М., 2023. – 241 с.

444. Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... к.ю.н. Волгоград, 2007. – 29 с.

445. Хазов Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации : автореф. дис. ... д.ю.н. М., 2011. – 63 с.

446. Хаснутдинов А.И. Право на доступ в Интернет в системе конституционных прав и свобод : дис. ... к.ю.н. Москва, 2024. – 271 с.

447. Хайров А.Д. Принцип гласности в деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации : вопросы теории и практики : дисс. ... к.ю.н. Казань, 2023. – 221 с.

448. Черемисинова М.Е. Правовой статус субъектов в сети Интернет : автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2020. – 30 с.

449. Чуклин А.В. Дополнительные гарантии реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, устанавливаемые субъектами Российской Федерации : автореф. дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2018. – 23 с.

450. Шапорева Д.С. Конституционное право человека и гражданина на свободу творчества в современной России : автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2007. – 26 с.

451. Щербович А.А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. – 250 с.

452. Эктумаев А.Б. Свобода слова в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... к.ю.н. Пермь, 2012. – 25 с.

453. Lowe J. Freedom of artistic expression under Article 10 of the European Convention on Human Rights : PhD Thesis. The University of Edinburgh, 2016. URL: <https://era.ed.ac.uk/-handle/1842/23442> (дата обращения: 30.09.2023).

**Приложение 1. Виды цифровых платформ и требования к ним,
установленные Актом о цифровых услугах Европейского Союза⁵¹²**

Вид сервиса	Требования к сервису
Цифровые посредники	<ul style="list-style-type: none"> • Раскрытие информации (прозрачность); • Соответствие правил платформы правам человека; • Взаимодействие с государственными органами, выделение специального уполномоченного сотрудника для этой цели.
Поставщики облачных услуг и услуг хостинга в интернете	<p>Все указанные выше, а также:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Наличие механизма «уведомления и удаления» незаконного контента (Notice and take down/ Notice and action).
Онлайн-платформы	<p>Все указанные выше, а также:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Прозрачность механизма распространения рекламы для пользователя; • Наличие внутренних механизмов обжалования решений владельца платформы; • Принятие мер по противодействию распространению незаконного контента (комплаенс, сообщение о преступлении и др.).
Крупные онлайн-платформы	<p>Все указанные выше, а также:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Прозрачность рекомендательных алгоритмов, возможность пользователя настраивать их; • Проведение внешнего аудита; • Взаимодействие с публичными субъектами в кризисных ситуациях; • Наличие кодексов поведения (code of conduct); • Раскрытие информации государственным органам и аккредитованным ученым.

⁵¹² Переработанная версия таблицы, представленной в работе: Turillazzi A. et al. The Digital Services Act: an analysis of its ethical, legal, and social implications. Legal, and Social Implications // Law, Innovation and Technology. Vol. 15. No. 1 2023. P. 83–106.

Приложение 2. Виды цифровых платформ и требования к ним, установленные Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (статьи 10.1, 10.3–10.7.)

№	Требование	Вид платформы						
		социальная сеть	новостной агрегатор	аудиовизуальный сервис	сервис размещения объявлений	организатор распространения информации	сервис обмена мгновенными сообщениями	поисковая система
1	Не допускать использование платформы в противозаконных целях ⁵¹³	да	да	да	да	-	-	-
2	Соблюдать запреты и ограничения, связанные с выборами и референдумами	да	да	да	да	-	-	-
3	Разместить адрес электронной почты для направления юридически значимых сообщений владельцу платформы	да	да	да	да	-	-	-
4	Разместить ФИО или наименование юридического лица – владельца платформы	да	да	да	да	-	-	-
5	Установить счетчик количества пользователей	да	да	да	да	-	-	-
6	Соблюдать права и законные интересы граждан и организаций, в том числе честь, достоинство и деловую репутацию граждан, деловую репутацию организаций	да	да	-	да	-	-	-
7	Не допускать распространение информации с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан	да	да	-	да	-	-	-

⁵¹³ А именно в целях совершения уголовно наказуемых деяний, разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, насилие и жестокость, и материалов, содержащих нецензурную брань.

8	Соблюдать требования законодательства РФ, регулирующие порядок распространения массовой информации	-	да	да	-	-	-	-
9	Обеспечить возможность исследования объема аудитории уполномоченной организацией	-	да	да	-	-	-	-
10	Разместить электронную форму для направления сообщений о распространяемой с нарушением закона информации	да	-	-	-	-	-	-
11	Мониторинг нелегального контента	да	-	-	-	-	-	-
12	Размещать отчеты о результатах рассмотрения обращений и мониторинга	да	-	-	-	-	-	-
13	Разместить правила использования сервиса	да	-	-	-	-	-	-
14	Информировать пользователей об изменении правил	да	-	-	-	-	-	-
15	Уведомлять пользователя о принятых мерах по ограничению его контента	да	-	-	-	-	-	-
16	Обязанность принять меры в случае выявления нелегального контента в ходе мониторинга или получения обращения пользователя (ограничить доступ к информации или обратиться в Роскомнадзор)	да	-	-	-	-	-	-
17	Проверять достоверность общественно значимых сведений до их распространения	-	да	-	-	-	-	-
18	Не допускать использование платформы в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения недостоверной общественно значимой новостной информации под видом достоверных сообщений	-	да	-	-	-	-	-
19	Не допускать распространение новостной информации о частной жизни гражданина с нарушением гражданского законодательства	-	да	-	-	-	-	-
20	Хранить в течение шести месяцев распространенную ими новостную информацию, сведения об источнике ее получения, а также сведения о сроках ее распространения, а также обеспечить доступ к ней специального государственного органа	-	да	-	-	-	-	-
21	Осуществлять классификацию аудиовизуальных произведений и обеспечить обозначение их категории	-	-	да	-	-	-	-

22	Не допускать распространение не зарегистрированных телеканалов или телепрограмм	-	-	да	-	-	-	-
23	Обязанности, связанные с обеспечением доступа к отдельным телеканалам	-	-	да	-	-	-	-
24	Интегрировать платформу с ЕСИА ⁵¹⁴	-	-	-	да	-	-	-
25	Хранить на территории РФ метаданные (1 год) и сообщения пользователей (6 мес.) и предоставлять их правоохранительным органам	-	-	-	-	да	-	-
26	Предоставить ключи дешифровки сообщений пользователей	-	-	-	-	да	-	-
27	Обеспечивать реализацию оперативно-разыскных мероприятий или мероприятий по обеспечению безопасности РФ (установка специальных технических средств)	-	-	-	-	да	-	-
28	Отдельные обязанности, связанные с устойчивым функционированием интернета на территории РФ (при наличии номера автономной системы)	-	-	-	-	да	-	-
29	Соблюдать обязанности организатора сервиса обмена мгновенными сообщениями (идентификация пользователей по номеру телефона и др.)	-	-	-	-	-	да	-
30	Удалять по требованию гражданина информацию о нем определенного содержания (право на забвение)	-	-	-	-	-	-	да

⁵¹⁴ Федеральная государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме». См. подробнее: Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/govservices/infosystems/21> (дата обращения: 30.09.2023).